

М. ЛЕВИН

ПАГОЛЬ
остается
ПРЕЖНИМ

М. Левин

Скан: Creativesh

ПАРОЛЬ
остается
ПРЕЖНИМ

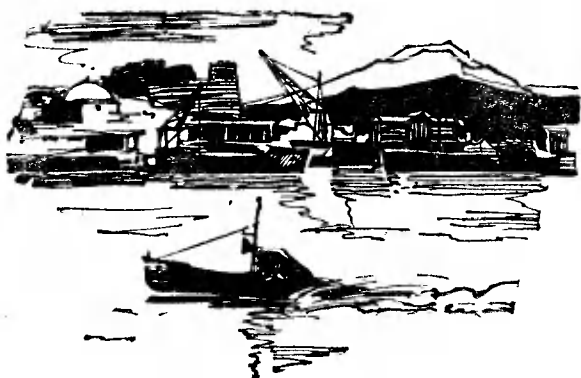

ТАДЖИКГОСИЗДАТ

Душанбе • 1963

События разворачиваются на южной границе. Не сразу становится известно, что где-то рядом затаился резидент иностранной разведки. Но кого заподозрить из людей, чья жизнь кажется раскрытой, как на ладони?..

С умным, коварным врагом приходится бороться советским пограничникам и работникам органов госбезопасности. Об их мужестве и находчивости рассказывает роман М. Левина «Пароль остается прежним».

ТАЙНА ПОГРАНИЧНОЙ РЕКИ

Катер шел вниз по течению. Старшина второй статьи Шарапов вел его по фарватеру.

Катер то приближался к берегу, то вдруг оказывался на середине реки. Белая форменка старшины вздувалась парусом.

Время от времени Шарапов включал прожектор. Желтый сноп лучей перекидывался на берег, старательно ощупывая камыши.

Через две-три минуты Шарапов выключал прожектор. Темнота сгущалась. Сразу оживала двенадцативольтовая лампочка на щитке управления.

Ветер принес запах смолы и водорослей. Приближался порт.

Стараясь не взбить волну, катер прошмыгнул мимо вздремнувших на пирсе буксиров.

По очертаниям Шарапов узнал их: «Дарья», «Н-36», «Медуза».

«Медуза» пришла в порт вечером и, должно быть, на рассвете отправится в Фирюзевар, к дебаркадеру. Этот плавучий дом с каютами в два этажа стоял на якорях у чужого берега. На дебаркадере жили советские специалисты — инженеры, техники, арматурщики, бетонщики, экскаваторщики, взрывники. Помогали зарубежным соседям строить порт.

Старшина повел катер к дебаркадеру. От волны вздрогнула, точно живая, якорная цепь. Вахтенный свесился за борт, помахал рукой пограничникам. Затемненные глазницы иллюминаторов настороженно проводили катер.

Теперь шли на малых оборотах вверх по течению. Впереди показался остров. Шарапов повел катер по правому рукаву, ближе к сопредельному берегу.

Что-то тяжелое ударило в борт. Катер бросило в сторону. Матрос Никита Кошевник не удержался на ногах и повалился на Шарапова. Сквозь полотняную форменку ощутил сбитые в узел мускулы старшины.

— Держись, моряк! — сказал командир катера, включая свет.

Клокочущая воронка в нескольких метрах от катера вытолкнула на поверхность бревно. Перевернула с боку на бок.

— Ничего особенного, — доложил Никита.

Шарапов застопорил мотор. Дал задний ход. Освободил винт от водорослей.

Теперь катер пошел вперед броско, ломая волну, и снова приблизился к берегу.

• Где-то залаял шакал. Почти сразу послышалось сердитое кабанье хрюканье.

Возле наблюдательной вышки катер развернулся, стал патрулировать по течению.

Снова вспыхнул прожектор. Луч упал в воду и погнался за корягой.

Кошевник заволновался:

— Подозрительная коряга, товарищ старшина второй статьи!

— Догоним,— ответил Вахид.— Становись за штурвал. Прибавь обороты.

Он зажал в руках багор. Коряга надвигалась. Шарапов ловко подцепил ее и перевернул.

— Туши свет.

— В порядке?— спросил Кошевник.

— В порядке.

Шарапову показалось, что Никита вздохнул, и он не стал отбирать у него штурвал: пусть ведет катер.

В три часа тридцать восемь минут между дебаркадером и вышкой заметили камышовый плот. Его сносило течением и где-то должно было прибить к нашему берегу. Пограничники развернули катер, догнали плот. Пошли рядом на малых оборотах.

Освещенный прожектором, плот покачивался на волнах и всё норовил боднуть катер. Вряд ли он мог вызвать подозрение, потому что множество таких плотов, сорванных волной, плыло по реке.

Тем не менее Шарапов снова выбрал момент и подцепил плот багром. Хотел приподнять, но что-то мешало. Вахид поднатужился.

Камышовые стебли плота раздвинулись, и

Шарапов увидел человека. Он плыл, запутавшись в камышах.

Еще усилие, и плот перевернулся.

Луч прожектора упал на искаженное гримасой лицо.

— К берегу!— приказал старшина.

Он прыгнул в воду и вместе с плотом вытащил неизвестного на песок. Освободив от камышей его руки, стал приводить в чувство. Человек не подавал признаков жизни.

Через несколько минут к месту происшествия прискакал начальник заставы капитан Ярцев.

Утопленник, освещенный прожектором с катера, лежал на спине, запрокинув голову. Он был босой, в серых полотняных брюках и хлопчатобумажной рубаше, подпоясанной красным платком.

Капитан наклонился над ним. Взял руку. Пульс не прощупывался. Зрачки на свет не реагировали. Человек был мертв.

Первичный обыск ничего не дал. Карманы неизвестного оказались пустыми. Никаких документов.

С катера принесли брезент и накрыли труп.

Выставив часовых, капитан Ярцев вернулся на заставу, встречать начальника отряда.

Около пяти часов утра темнота начала рассасываться. Стали заметны перистые облака, застывшие на бледноголубом небе, точно след от реактивного самолета.

Вместе с солнцем из-за песчаных барханов вырвался газик. Он стремительно приближался к заставе.

В машине сидел полковник Заозерный. На-

кинутый на плечи плащ с опущенным капюшоном делал его фигуру почти квадратной. У полковника было приятное, еще молодое лицо, без начальственной суровости. Над бровью вздулся бугорок.

С полковником приехал судебно-медицинский эксперт.

По дороге к реке Заозерный еще раз подробно расспросил Ярцева, при каких обстоятельствах был обнаружен труп. Он искал ответа на вопрос — почему вдруг утопленник оказался под плотом? Что это: несчастный случай, убийство, или, может быть, самоубийство?

Перед отъездом полковник приказал начальнику штаба связаться со всеми поселковыми и сельскими Советами, расположенными в пограничной полосе, чтобы установить не утонул ли кто-нибудь. Он знал, что в эту работу уже включились сотрудники Комитета Государственной Безопасности и органов милиции.

Газик пересек дозорную тропу и по сыпучему песку скатился к реке.

На катере заметили машину. Шарапов придирчиво осмотрел палубу.

«Молодец, Никита,— подумал он.— Хорошо надраил».

Газик остановился. Шарапов побежал докладывать. Он повторил то, что уже было известно полковнику и судебно-медицинскому эксперту. Кошеvníк тоже ничего добавить не мог.

Эксперт откинул брезент, сфотографировал утопленника со всех сторон и, попросив ка-

-питана Ярцева записать то, что будет говорить, склонился над трупом.

Начальник заставы достал из планшета несколько листов чистой бумаги. Приготовился писать.

Разглядывая камыши, стягивавшие руки неизвестного, эксперт высказал предположение, что петли их сделаны заранее.

Он действовал неторопливо. Осмотрев одежду неизвестного, продиктовал капитану:

— Качество прочное. Степень изношенности незначительная. С правой стороны рубашки на спине небольшой порез. Других примет нет.

Он тщательно осмотрел карманы, подкладку, швы, пуговицы и лишь после этого приступил к исследованию трупа.

Неизвестный был человеком правильного сложения, с развитыми и даже, как сказал эксперт, атлетическими мышцами. Полковник подумал, что такой парень легко мог распутать камыши.

Капитан записывал:

«Голова бритая. Кожа смуглая. Короткие черные усики. Второй и третий зубы слева на верхней челюсти с металлической коронкой. Рост сто семьдесят пять сантиметров».

Эксперт терпеливо пересчитал все родимые пятна на теле уопленника и подробно описал их. Все это могло пригодиться при установлении его личности.

Особенно долго эксперт разглядывал кисти рук уопленника и, наконец, произнес:

— Он, несомненно, занимался физическим трудом. Об этом говорят мозоли. А вот паль-

цы длинные и кисти подвижные.— Эксперт протер очки.— С такими руками только на пианино играть.

На правой лопатке кожа была поцарапана. Небольшая продолговатая ссадина, вероятно, нанесена багром в тот момент, когда старшина Шаратов подцепил плот. Эта ссадина никак не могла послужить причиной смерти. Тем не менее очень важно было определить, когда она нанесена: при жизни человека или после его смерти?

Эксперт задумался. Смерть наступила два часа назад, то есть, примерно, в то время, когда пограничный катер обнаружил плот. Однако бледность трупных пятен, гусиная кожа и так называемые «руки прачки» свидетельствовали о долгом пребывании утопленника в воде.

Эксперт нахмурился и еще раз внимательно исследовал полость рта утопленника.

— Подождем вскрытия,— сказал он, поднимаясь.

— У вас есть какие-нибудь предположения?— спросил полковник.

— Меня смущает сильно выраженное трупное окоченение,— уклончиво ответил экс-

перт.— Такое окоченение бывает при отравлении сильно действующими ядами.

— Может быть он разгрыз ампулу в тот момент, когда Шарапов задел его багром?— высказал предположение начальник заставы.

— Я не заметил следов в тканях рта,— ответил эксперт.— А такие следы должны были остаться.

— Ну что ж, подождем вскрытия,— согласился полковник.

МАЙОР СЕРЕБРЕННИКОВ

Незадолго до начала событий на заставе капитана Ярцева с границы вернулся секретарь партийной комиссии отряда майор Серебренников. Он доложил о прибытии оперативному дежурному и, тяжело ступая, направился по длинному, узкому коридору в свой кабинет.

В лицо ударил спертый воздух давно непроветриваемой комнаты. Серебренников включил свет. Положил на стол полевую сумку. Распахнул окна.

Прямо, над тополевой аллеей, застыла блестящая, красноватая звездочка.

«Антарес!»— определил Серебренников.

На северо-востоке ярким светом горело созвездие Персея. Одна из вершин его треугольника была закрыта туманным пятном. Серебренников не раз смотрел на это пятно в шестикратный бинокль, и тогда пятно разделялось на две тесные звездные кучки. Сейчас и без бинокля ему казалось, что он видит их. Сле-

ва — чуть поменьше. И та, которая поменьше, раньше исчезнет.

Он отдыхал, глядя на звезды. Первое настоящее знакомство с ними состоялось у него на Дальнем Востоке. Тогда он только начинал пограничную службу и очень удивился, когда старший наряда сказал, уставившись в небо:

— Три часа десять минут. Сверь часы.

Серебренников посмотрел на часы: было начало четвертого. А старший наряда заметил:

— Это я читаю по звездам... Ищи помкомвзвода.

— Какого помкомвзвода? — не понял Серебренников.

— Что помкомвзвод на петлицах носит? — строго спросил старший наряда.

— Ну, три треугольничка...

— То-то. А теперь смотри в небо!

Серебренников увидел расположенные в ряд три яркие звездочки.

— Помкомвзвод! — повторил старший наряда. — Запомни. В нашем пограничном деле он всегда пригодится. Застрял над вышкой — одно время. Передвинулся — другое.

— А как на самом деле называются эти звезды? — спросил Серебренников. Старший наряда не знал. Вместе пошли к молодому начальнику заставы. И тот не знал. Покраснел.

Через несколько дней начальник заставы вызвал Серебренникова.

— Созвездие Ориона, — сказал он.

Серебренников на всю жизнь запомнил этот случай.

А что касается Ориона, так «помкомвзвод» действительно составляет его пояс...

Серебренников с трудом оторвался от звездного неба и подошел к столу. Всё здесь лежало так, как он оставил: подшивка окружной газеты, журнал «Пограничник» с вкладкой в разделе «Практика партийно-политической работы», новый роман Стельмаха.

Майор положил книгу в полевую сумку. Перелистал календарь, отставший за время его отъезда на две недели, и записал на чистой страничке, что нужно сделать завтра. Потом встал. Потянулся. Запер полевую сумку в сейф. Осторожно вышел из кабинета.

Он шел домой медленно, наслаждаясь тишиной. Серебренников любил звездные ночи, такие, как сегодня. Он знал, какая из звезд сейчас вспыхнет ярким, мерцающим светом, какая начнет тускнеть, растворится в черном бархате южной ночи.

Остановился возле застекленной веранды. Дома, конечно, спят. Он перешагнул через арык и вскоре стоял под душем. Чуть отвинтил кран, чтобы не очень шумела вода. Смыл дорожную грязь. Вода была еще теплая: железный бачок, за день нагретый солнцем, остывал медленно.

Серебренников неслышно выскользнул из душевой. На веранде горел свет.

«Опять разбудил!» — с досадой подумал майор.

Он открыл дверь и увидел жену. Ни о чем не спрашивая, она пошла навстречу. Прижалась к нему.

— Проснулась-таки?— спросил он тихо и нежно.

— Ты не виноват,— сказала Нина Терентьевна.— Я проснулась сама.

И в этот момент, точно обрадовавшись их встрече, постоянно включенный репродуктор грянул «Катюшу».

Серебренников легонько отстранил жену и, сразу нахмурившись, стал быстро одеваться. Она с беспокойством смотрела на него.

— Ничего,— сказал он.

Она знала, что сейчас он думает уже не о ней, а о том, почему «заиграла пластинка».

Все репродукторы в гарнизоне подхватили песню про Катюшу и сорвали с коек пограничников: это был условный сигнал тревоги.

До рассвета майор Серебренников сидел в своем кабинете, готовый в любую минуту выехать на границу. В его кадровой пограничной службе часто встречались такие беспокойные ночи.

Он чувствовал себя бодро и хотя не переставал думать о том, что сейчас происходит на заставе капитана Ярцева, быстро разобрал скопившуюся за последние дни почту.

Время от времени он снимал телефонную трубку и связывался с дежурным по отряду: новых сообщений от капитана Ярцева не было.

На востоке посветлело. Ночь отступила. И вот уже первый луч солнца побежал по настольному календарю.

Серебренников потянулся за этим лучом. Понедельник. Двадцатое июля.

Не может быть!..

Рука Серебренникова повисла в воздухе, и на лице появилась растерянность. Двадцатого июля — день рождения старшего сына, а он завертелся и забыл об этом.

...Далеко, в Свердловске, где живет первая жена майора, стоит за токарным станком (подумать только!) очень похожий на Серебренникова парнишка. Майор вдруг представил себе его совсем маленьким. Закутанный в одеяльце, улыбается беззубыми деснами. И нет ему дела до ранних осенних заморозков, до звенящих буферами пульманов, которые отправлялись в тревожную военную ночь...

Вспомнить, что было дальше помешал телефонный звонок.

— Слушаю. Серебренников.

Нина Терентьевна больше не ложилась, ждала его и вот не выдержала.

— Ты спи,— сказал он.— Ничего особенного.— Он слышал ее дыхание и, казалось, не только слышал — ощущал обветренной, шершавой щекой, прижатой к трубке. И тогда он сказал взволнованно: — Ниночка, а ведь у Юрика сегодня день рождения...— Осекся и замолчал, напряженно дожидаясь ответа.

— Я дала телеграмму от всех нас,— ее мягкий, грудной голос всегда действовал на него успокаивающе.

Ему вдруг захотелось сказать ей что-то очень трогательное, такое, чего еще никогда в жизни не говорил. Но в трубке щелкнуло, и дежурный телефонист предупредил:

— Разъединяю для оперативного.

Оказывается, полковник Заозерный приказал офицерам разойтись по домам.

Опять Нина Терентьевна встречала Серебренникова.

— Видишь,— повторил он весело,— я же тебе говорил: ничего особенного.

Она улыбнулась.

— Спать, спать! — сказал он.— Ты очень устала.— И на цыпочках прошел в соседнюю комнату, где раскинулся поперек кровати семилетний Витька.

УТРО

Застава казалась вымершей. Лишь часовой маячил на вышке, да повар возился возле раскаленной печи. Изредка во дворе показывался дежурный, переговаривался с часовым и снова исчезал в канцелярии.

Спали все: и солдаты, и сержанты, и начальник заставы. В конюшне дремали кони. В вольерах — служебные собаки.

Солнце повисло над заставой, охватило жарким пламенем крышу. Ветер сдул песок во дворе и обнажил глину. Солнце покрыло ее медью. Задымились дувалы — высокие глинобитные стены вокруг заставы. Перед казармой застыло одинокое деревце джиды с уныло опущенными ветвями. Покрытые пылью листья овальной формы, редкие, вялые, казались ненастоящими. Другой растительности на заставе не было, и пограничники старательно ухаживали за джидой. Но она, словно избалованное дитя, росла хилой и совсем не давала тени.

Возле джиды примостился настольный бильярд с потертым сукном.

Грузовая машина с цистерной привезла на заставу речную воду и замерла, будто разморенная жарой.

Часовой по заставе наблюдал за рекой. Он видел, как на сопредельной стороне, в Фирюзеваре, грузились баржи. Они стояли у деревянного причала между дебаркадером и строящимся пирсом.

К причалу подъезжали неуклюжие грузовики с красными, в два яруса кузовами, сбрасывали какие-то ящики и чем-то загружались. Петляя между глинобитными постройками, грузовики медленно двигались по пыльной дороге в сторону гор, а навстречу им спешили другие машины и выстраивались в очередь перед пирсом.

На советском берегу разместился выжженный солнцем поселок Реги-равон. От заставы до него было не многим более километра. Часовой наблюдал за рекой и Реги-равоном.

Поселок состоял из нескольких десятков глинобитных домиков, окруженных дувалами. В центре — новые сборные дома. В одном — поселковый Совет. Рядом — библиотека. Чуть дальше буфет, где можно было выпить лимонад со льда. На окраине поселка, ближе к заставе, клуб. Почти каждый день здесь демонстрировался фильм. Сеанс начинался в десять вечера. Раньше можно было задохнуться от жары.

От клуба к реке сбегала густо припудренная пылью тропинка. Она перехлестывала вспаханную землю и обрывалась возле наблюдательной вышки. Здесь населению разрешалось брать воду.

Железная дорога огибала поселок и раздваивалась возле единственного в Реги-равоне кирпичного здания, где размещалась станция. На разобранном пути уныло стояли два приспособленных под жилье вагончика. Стрелки и семафор казались игрушечными, и вся дорога миниатюрной.

За семафор отходила линия к пристани. Цистерны останавливались под сливными краями резервуаров нефтебазы, а платформы скатывались к причалу. Плавучий кран нетерпеливо вытягивал шею и наклонялся к барже, чтобы через минуту взметнуть стрелу с подхваченным бревном или ящиком и осторожно опустить на берег.

Часовой видел, как по тропинке к водопою приплясывающей походкой сбежала девушка. Он поймал ее в бинокль. Девушка размахивала ведрами. Перед калиткой ей загородил дорогу пограничник. Она поставила ведра на песок, прижала руки к груди. Пограничник покачал головой. Девушка сердито подхватила ведра. Пограничник отступил в сторону. Она спустилась к реке и набрала воды. Опять повернулась к пограничнику. И вдруг вылила

на себя всю воду из одного ведра и другого. Потом опять наполнила ведра и засмеялась.

«Бедовая»! — решил часовой. Крутнув ручку телефонного аппарата, увидел, как пограничник у водопоя потянулся к трубке.

— Это с кем ты воюешь?.. А, Истат Мирзобаева. Секретарь поселкового Совета... Я так и думал.

В Фирузеваре надрывно загудел пароход.

Часовой связался с дежурным по заставе:

— Товарищ сержант, «Медуза» отчаливает.

— Хорошо, — ответил дежурный. — Сообщаю на КПП.*

На флангах заставы тоже вышки. Одна из них деревянная, с крутой лестницей. Наверху дощатая будка с узкими окошками. В ней телефонный аппарат и пирамида для оружия. Будку опоясывает открытая площадка с низким барьером. К барьеру прикреплена стрелка для определения курса самолетов и брезентовое ведро с водой.

С трех сторон к вышке подступают пески, с четвертой — камышовые заросли. Они зеленой каймой оторачивают берег, подталкивая друг друга белесыми головками.

Река гонит на юго-запад заправленные мазутом и нефтью воды. Подгоняемые течением, кружатся смытые с берега коряги.

Вдоль дозорной тропы, постепенно забирая влево, тянутся телеграфные столбы. Когда под-

* Контрольно-пропускной пункт.

нимается ветер, они обрываются за изгибом реки. В хорошую погоду видно, как они разворачиваются на север и, перевалив через холмы, пристраиваются к линии узкоколейной железной дороги.

Кое-где река расширяется, заглатывая поросшие тугаями островки.

На противоположном берегу тоже пески — серые, однообразные.

Солнце подбирается к зениту. Печет.

Горячий воздух обжигает лицо. Дышать трудно. Николай Бегалин, солдат первого года службы, не успевает вытирать пот вафельным полотенцем. Он то и дело спрашивает у старшего наряда:

— Какая сейчас температура?

Ефрейтор Ковалдин отвечает спокойно:

— Градусов тридцать, не больше,

Бегалин не верит и вздыхает.

Вниз по течению спускается катер. За кормой вскипает вода.

Бегалин облизывает пересохшие губы и косясь на брезентовое ведро. Петр Ковалдин перехватывает его взгляд.

— Потерпи.

Бегалин с завистью провожает катер и, опустив бинокль, смотрит на солнце. На мгновение кажется, что ослеп.

Судорожно хватается за перила. До боли сжимает веки. Не сразу решается открыть глаза. Удивительно — и песок, и вышка, и Ковалдин, и собственная гимнастерка — всё выглядит синим.

Ковалдин бросает сердито:

— Не смотри на солнце!

— Как ты думаешь, сколько сейчас градусов, а? — снова спрашивает Бегалин, засовывая полотенце за воротничок гимнастерки.

— Тридцать пять, — неохотно отвечает Петр. На самом деле не меньше шестидесяти, но так, ему кажется, Бегалину легче переносить жару.

В рубку катера влетали брызги.

Никита свесился за борт и подставил ветру счастливое лицо.

За кормой болталось брезентовое ведро, гочно такое же, как на вышке, где изнывал от жары Бегалин. Кошевника не меньше мучила жажда.

Старшина сверхсрочной службы Вениамин Анатольевич Пологалов утверждал, что если выпить кружку соленой воды, потом можно хоть день бродить по пескам. Никита пил соленую воду и хвастал, что совсем не страдает от жажды. Но потом сознавался, что это средство не помогает и бегал за старослужащими, выпрашивая другой «секрет». Он много пил и потел.

Старшина второй статьи Шарапов вначале одергивал его, а потом махнул рукой и заявил:

— Когда надоест потеть, сам поймешь, что надо делать.

Шарапов родился в Ленинабаде, на Сыр-Дарье и, конечно, легче переносил жару.

Никита пытался заговорить с Вахидом о ночном происшествии, но командир катера стоял за штурвалом с таким видом, будто его совсем не интересовало, кем окажется утопленник. Он так и сказал Никите:

— Мы свое дело сделали, а дальше и без нас разберутся... Несите службу, матрос Кошевник.

Опять «несите службу»! Днем-то уж, кажется, чего беспокоиться: и так все видно... А потом ведь не каждый деиь попадаютсч утопленники...

Буксирный пароход отошел от Фирюзевара, стал медленно пересекать реку. За ним покорно потянулись трюмные баржи.

Теперь часовой по заставе сосредоточил внимание на буксире и баржах.

Из-за острова на большой скорости вылетел пограничный катер. Догнал транспорт и пристроился рядом.

Часовой повернул бинокль в сторону пристани. Там уже стояла досмотровая группа во главе с офицером.

Начальник отряда полковник Заозерный никого не принимал. Он сидел в своем кабинете за огромным столом, обтянутым зеленым сукном.

Перед Заозерным лежала оперативная карта. Чтобы она поместилась на столе, полковник убрал чернильный прибор и слегка потеснил бронзовый бюстик Дзержинского. Этот бюстик ходил с полковником всюду вот уже двадцать с лишним лет. Его преподнесли ему друзья по шахте «Комсомольская». Есть такая в Донецком бассейне. Преподнесли в тот самый день, когда после событий на озере

Хасан и Халхин-Голе он первым изъявил желание поехать на границу по комсомольскому призыву. С тех пор Заозерный не расставался с подарком.

Стоял бюст Дзержинского на тумбочке курсанта Заозерного в пограничном училище. Потом украшал его холостяцкую квартиру на одной из застав Тираспольского пограничного отряда. Прошел с Заозерным всю войну: держал оборону возле Николаева, высаживался с десантом в Крыму, шел в наступление под Севастополем и в январе сорок пятого года вышел на старую государственную границу в районе Тавроге, Литовской ССР. Взял его Заозерный с собой и в военную академию, которую окончил уже после войны, а потом — во Львов, Батуми, Измаил — всюду, где приходилось служить, — и, наконец, поставил в своем кабинете здесь, на южной границе...

Полковник потер виски, чтобы прогнать усталость.

Заключение судебно-медицинского эксперта мало что дало. Кое-где обнаружена кровь ярко-красного цвета. Такой цвет крови приобретается в случае отравления некоторыми функциональными ядами и зависит от присутствия оксигемоглобина. Однако ярко-красная кровь бывает и при сильном охлаждении. А неизвестный долгое время пробыл в воде.

Специальным самолетом труп неизвестного отправили в столицу республики, чтобы подвергнуть судебно-химическому исследованию.

Тем временем стали поступать сведения из сельских и поселковых Советов. Нигде пока не обнаружили исчезновение человека. Пол-

ковник не сомневался, что из других мест получит такой же ответ.

Он догадывался, что неизвестный собирался скрытно перейти границу. По той или иной причине это ему не удалось. Значит враг постарается перебросить к нам другого агента. Что у него за задание, пока сказать трудно, но в любом случае нарушитель должен быть обезврежен. Где пойдет этот другой нарушитель и когда?

Полковник всматривался в зеленую пунктирную линию, обозначающую на карте границу, и выискивал уязвимые места. Затем он приказал дежурному по отряду созвать начальников отделений и служб на короткое совещание.

В кабинете собрались старшие офицеры во главе с начальником штаба. Разложили перед собой карты.

— Прошу внимания, товарищи офицеры,— сказал Заозерный.

На небольшом круглом столике рядом с креслом полковника зазвонил телефон. В комнате было тихо и все слышали, как телефонист предупредил Заозерного:

— Будете говорить с генералом.

— Слушаю, товарищ генерал,— сказал полковник, и бугорок над его бровью вздулся более обычного.

— Ну что там у вас? — спросил генерал.

— Пока ничего нового, товарищ генерал,— ответил Заозерный.

— А мою депешу получили?

— Депешу? — переспросил полковник.

В это время вошел офицер с бланком, где отчетливо выделялся красный гриф.

Заозерный быстро пробежал глазами бланк:

«Судебно-химическим исследованием установлено отравление цианистым калием».

— Получил, товарищ генерал,— ответил Заозерный и вздохнул с облегчением.

— Ты чего вздыхаешь? — спросил генерал.

— Я не вздыхаю,— невольно улыбнулся полковник.— Я радуюсь. С открытыми-то глазами всегда легче.

— Ну, то-то,— сказал генерал.— Усильте охрану границы.

— Ясно!— Заозерный переложил трубку из одной руки в другую.— Сейчас принимаю решение.

— Правильно,— ответил генерал.— В случае чего — звоните немедленно.

— Есть!

Заозерный вытащил из верхнего ящика стола нераспечатанную пачку «Беломора», вскрыл и, помяв в руках папиросу, стал искать спички. Кто-то из офицеров протянул зажигалку.

— Спасибо,— сказал Заозерный и увидел коробок возле чернильницы. Он прикурил от

зажигалки, а коробок подвинул к себе.— Итак продолжим, товарищи офицеры.

В это время принесли еще одну телеграмму.

Видно, новое сообщение взволновало полковника.

— Немедленно сообщить на КПП! — приказал он.

Папироса погасла. Полковник поставил коробок на ребро и, придерживая мизинцем, чиркнул спичкой.

„МЕДУЗА“ ПРИХОДИТ В ПОРТ

Буксирный пароход «Медуза» причаливал к берегу. Капитан передвинул ручку машинного телеграфа на «стоп».

Буксир задел бортом деревянный причал, выплеснул на берег изрядную порцию воды.

Матросы на баржах торопливо освобождали чугунные кнехты от тросов. Описав дугу, тросы полетели на берег и обвились вокруг мертвяков*.

Капитан спустился с мостика встречать пограничников. Это был уже старый человек с усталым лицом. Глаза у него выгорели и казались бесцветными. Впалые щеки испещрены морщинами. Во рту трубка, словно приклеенная к нижней губе. Седые отвислые усы. Он был невысокого роста, в белом форменном кителе. Фуражка с «крабом» и золотым шнуром.

Старший лейтенант Мансуров — начальник КПП — сегодня сам возглавлял наряд.

* Тумбы на берегу для закрепления тросов.

Едва на пирс был переброшен трап, Мансуров с двумя младшими контролерами поднялся на судно. У трапа остался плечистый сержант.

Мансуров представился капитану и потребовал документы.

Капитан пригласил начальника КПП к себе в каюту.

Мансуров пропустил его вперед и пошел следом. Он был выше капитана и шире в плечах. Кожа у него отливала бронзой. Густые черные брови оттеняли глубоко посаженные глаза.

В каюте было тесно.

Капитан выдвинул откинутый к стенке столик и достал из небольшого, привинченного к полу, сейфа паспорта. Один за другим он передавал их старшему лейтенанту. Мансуров раскрывал темнокоричневые с золотым тиснением корки и медленно перелистывал чуть зеленоватые листы.*

Не обнаружив в них ничего подозрительного, он сказал капитану:

— Прошу, Максим Максимович, судовую роль.**

Сверив данные паспортов с данными судовой роли, Мансуров вернул их капитану и попросил грузовые документы.

* Такой паспорт удостоверяет личность советского моряка во время службы на судах заграничного плавания как в иностранных портах, так и в пределах пограничной зоны СССР.

** Списки команды, заверенные администрацией порта,

В это время младшие контролеры, ознакомившись с накладными, проверяли баржи, груженные кунжутом и кожевенным сырьем.

Плечистый сержант, одной рукой придерживая автомат, патрулировал от спущенного с буксира трапа к баржам и обратно, пока на мостике не показался старший лейтенант Мансуров. За ним шел капитан, помахивая трубкой.

Сержант остановился у трапа, ожидая распоряжений.

Мансуров жестом подозвал его и приказал осмотреть судно. Сам он спустился на берег и встал возле сложенных в штабеля бревен, где копошился автопогрузчик.

Водитель был в трусах и майке. Щуплый, с выпирающими ключицами на черном от загара теле, он казался юношей. Но Мансуров знал, что Степану Ефремову около сорока лет. Воевал. Под Харьковом попал в плен. Два с лишним года провел в концентрационных лагерях. После освобождения вернулся домой, на Орловщину. В живых осталась только сестра: эвакуировалась в Среднюю Азию. Он списался с ней и приехал — без денег и без специальности. Сестра была замужем. Он поступил разнорабочим на строительство, а жить перешел в гостиницу. Тогда это была еще не гостиница, а комнаты для приезжих.

Заведующая гостиницей, молодая женщина, овдовевшая в последний год войны, осталась с двумя детьми. Она пригрела Ефремова, и вскоре он переехал в ее дом.

Робкий и болезненный, Ефремов ни в чем не перечил жене. Она устроила его на курсы шо-

феров, и он стал учиться. Она сказала, что в Реги-равоне можно хорошо заработать и устроила его на автопогрузчик. Он уехал в поселок и стал работать на пристани.

Водитель автопогрузчика поймал строгий взгляд Мансурова и закивал. На его сухом, остроносом лице застыло подобие улыбки.

Мансуров подумал, что если бы его воля, он запретил бы Ефремову жить в пограничной зоне. Этот человек не внушал ему доверия. Но все документы у Ефремова были в порядке.

Он неохотно кивнул Ефремову и отвернулся.

Пограничники продолжали досмотр судна.

Капитан все еще стоял возле борта и попы- хивал трубкой. В прошлом году речное паро- ходство справляло его шестидесятилетие. Три- дцать пять лет плавал Максим Максимович на пограничной реке, из них больше двадцати (с небольшим перерывом во время войны) капита- ном. Казалось, зачем проверять судно, кото- рым он командует? Но Мансуров знал: про- верить обязательно нужно. Капитан тоже не в состоянии за всем уследить, и мало ли что мо- жет случиться во время погрузки в загранич- ном порту.

— Поберегитесь, товарищ старший лейте- нант, не то бревнышко на мозоль наступит!

Мансуров не заметил, как подъехал авто- погрузчик. Ефремов смотрел на Мансурова за- искиваяще, словно просил в чем-то прощения, и Мансуров опять почувствовал неприязнь. Он посторонился.

Автопогрузчик положил еще одно бревно на платформу. Ефремов решил, вероятно, что те-

перь достаточно, поставил машину в сторону и, забравшись на платформу, стал обвязывать бревна канатом.

Подошел мотовоз, подцепил платформу и поволок на станцию.

Досмотровая группа между тем закончила свое дело.

Мансуров козырнул капитану. Максим Максимович помахал ему рукой и стал набивать трубку.

Ефремов прыгнул с платформы, снял кепку и вытер вспотевшее лицо. Мансурову показалось, что он радуется уходу пограничников.

На мгновение Мансуров замешкался,— вряд ли он сам знал, что хотел делать,— но тут же взял себя в руки и зашагал дальше с независимым видом, чувствуя, однако, что Ефремов смотрит ему вслед.

На КПП Мансурову передали важное сообщение:

«Всем начальникам КПП. Похищен загранпаспорт, выданный на имя журналиста Басенюка Афанасия Петровича. Срок годности 5 мая 196... года. Человека с таким паспортом задержать. Обратить внимание на приметы, вписанные в паспорт: рост 1 метр 75 сантиметров, глаза — серые, волосы — каштановые».

Мансуров дважды прочел сообщение и, точно запомнив, запер в сейф. После этого он приказал дежурному вызвать к нему старших контролеров и позвонил на заставу. Надо было договориться с капитаном Ярцевым о совместных действиях.

К телефону подошел старшина Пологалов. Ярцев отдыхал. Мансуров знал: прошлая ночь

была для него тяжелой, впрочем, как и все последние ночи, потому что заместитель начальника заставы лейтенант Пулатов уехал в отпуск.

— Не надо будить,— ответил он старшине. — Я позвоню позже. — И подумал о своем друге лейтенанте Пулатове.

Мансурову явно не хватало Пулатова, который был частым гостем в его холостяцкой квартире. Он поймал себя на мысли, что завидует Пулатову, безмятежно отдыхающему где-то далеко-далеко отсюда.

«И нет ему дела до выловленного утопленника, или какого-то Басенюка»,— подумал он.

Не знал начальник КПП, что у Пулатова свои заботы, и скоро эти заботы коснутся его..

СОВПАДЕНИЯ

Тучи стремительно убегали в сторону Желтых скал и дальше к Южногорску. Сейчас они, должно быть, щедро поливали меловые скалы и усеянные яркочерными плодами кусты барбариса где-то в районе Нежнинского перевала.

Над мокрой платформой Старо-Нежнинского вокзала показалось чистое небо. Солнце побегало по Коммунистической улице, украшенной газонами, к так называемому «пятак», где возле Курортного парка разместилась лучшая в городе гостиница.

Из магазина «Подарки» торопливо вышел молодой лейтенант. Солнечный луч ударил в

глянцевую поверхность нахимовского козырька и, казалось, поджег зеленое сукно фуражки.

Лейтенант был высокий. Смуглое лицо его с резко очерченными линиями выдавало южанина. Он задержался на площади возле разукрашенного наподобие шахматной доски столбика с буквой «Т» и весело взглянул на светлую дорожку, которая, словно рассыпанная ртуть, плясала на мокром асфальте.

Шоколадного цвета «Волга» обдала лейтенанта брызгами. Он не стал ждать, когда она остановится, на ходу открыл дверцу и сел рядом с шофером.

Водитель спросил равнодушным голосом:

— Вам куда?

— Прямо, ака-джон*, пожалуйста. И скорей.

— Можно скорей,— согласился водитель с видом человека, которому некуда спешить.

— Стойте, стойте!

— Ну, что там еще? — недовольно спросил лейтенант, высовываясь из окошка.

К «Волге» бежал мужчина в светлом плаще и синей велюровой шляпе.

— Возьмите меня с собой! — задыхаясь попросил он. — Честное слово, опаздываю.

— А вам куда? — не очень любезно спросил лейтенант.

— На вокзал!

— Садитесь.

* Вежливое обращение к лицу

Попутчик тоже, видимо, торопился. Он сверил свои золотые часы с часами-секундомером лейтенанта и сказал неизвестно в чей адрес:

— Безобразие! Четыре минуты осталось до поезда.

— В Южногорск? — спросил лейтенант, поворачиваясь к нему.

— Ну, да, в Южногорск. А мне ближе — в Чистые воды.

— Мне тоже в Чистые воды.

— У вас уже есть билет? — спросил человек в плаще.

— Нет.

— У меня тоже.

— Значит, не успеем, — сказал лейтенант.

Когда такси выехало на привокзальную площадь и стало огибать памятник павшим борцам революции, попутчик предложил лейтенанту:

— Вы расплачивайтесь за такси, а я побегу в кассу.

Он выпрыгнул на ходу, и лейтенант подивился его ловкости.

Бегло взглянув на счетчик, лейтенант протянул водителю деньги. Тот медленно полез в карман, чтобы дать сдачи.

В это время диктор объявил, что электричка на Южногорск прибывает на второй путь.

Лейтенант не стал дожидаться сдачи, махнул рукой и побежал.

Его новый знакомый уже стоял у входа на платформу, размахивая билетами.

Они перебежали на второй путь и едва вскочили в последний вагон, как электричка тронулась, быстро набирая скорость.

В вагоне было мало народу. Они сели у окна, один напротив другого.

— Познакомимся? — сказал лейтенант.

— С удовольствием, — ответил попутчик и снял шляпу. У него оказались густые, вьющиеся волосы.

Лейтенант представился:

— Пулатов.

— Капитан Горский, — охотно ответил попутчик.

— Вы — капитан? — удивился Пулатов. — А я смотрю на ваш габардиновый плащ и думаю...

Горский засмеялся:

— Правильно думаете. Я человек гражданский с головы до ног.

— Почему же тогда — капитан? — спросил Пулатов.

— Я — моряк, — ответил Горский и в свою очередь спросил: — Давно отдыхаете?

— Третью неделю.

— Что же один?

Пулатов смутился. А Горский вдруг наклонился к нему и зашептал:

— У меня, знаете, роман... Как вас зовут?

— Акобир.

— Меня — Анатолий... Так вот, значит, пью я как-то в центральном источнике и вдруг — фантазмагория! Стоит рядом фея, ну точно сошла с картинки. Она — к выходу. Я — за ней. Проходит второй ванный корпус, сельскохозяйственный институт. Останавливается возле этой, ну, как её...

— Беседки Грёз, — подсказал лейтенант.

— Правильно. А за беседкой Грѣз — цветник. В цветнике — скамейка. С одной стороны скульптура...

— Девушка с целебной водой в кувшине, — решил блес-

нуть своей осведомленностью лейтенант.

— Правильно. А с другой стороны — тигр, приготовившийся к прыжку.

— На камнях, — добавил Пулатов.

— На камнях! — страшным шопотом повторил Горский и опять засмеялся: — Одним словом, на этой самой скамейке мы с ней и познакомились.

— Вступление романтическое, — пошутил лейтенант.

— Слушайте дальше, — не обратил внимания на его замечание Горский. — Я, конечно, декламирую: «О, Желтые скалы, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое, вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе». И спрашиваю: «Ну, как, нравится?» Она смотрит на меня с любопытством: «Это вы сами сочинили?» «Конечно, отвечаю, сам». «Замечатель-

но,— говорит она. — Ну-ка, сочините еще что-нибудь». Я говорю и говорю. А выше, знаете, с той площадки, где открывается вид на скалы, на нас смотрят тысячи глаз. И все, конечно, завидуют мне. Я это знаю. Я чувствую, что произвел на нее впечатление. И вдруг, когда я уже совсем был уверен в успехе, она показала на этих зевак и равнодушно сказала: «Вспомнилось: «На крутой скале, где построен павильон, называемый Эоловой арфой, торчали любители видов и наводили телескоп на Эльбрус». Она помолчала и добавила: «Это случайно не вы сочинили?». Я понял, что разоблачен, и что она не хуже меня знает Лермонтова. А ведь я нарочно заменил «Синие горы Кавказа» на наши Желтые скалы. Она собралась идти и не позволила мне себя провожать. Я взмолился: «Где вас можно найти?» «Это не обязательно»,— сказала она. «Почему?» — спросил я.— Горский виновато посмотрел на лейтенанта: — Глупо спросил, правда? Она ответила: «Потому, что вы не герой нашего времени»...

Он перебрался на сидение к лейтенанту и счастливо заметил:

— А потом я ее нашел. И сейчас мы должны встретиться.

Горский достал из кармана черную коробочку. Приоткрыл. На атласной подушечке лежала брошь с красным камнем, точно такая же, какую полчаса назад купил в магазине подарков лейтенант Пулатов. Он даже подумал, что это та же самая брошь и сунул руку в карман. Но заветная коробочка лежала на месте.

Горский увидёл замешательство лейтенанта.

— Что с вами? — спросил он обеспокоенно. Лейтенант рассмеялся:

— Удивительные совпадения. Я сажусь в такси и вы — тоже. Мне надо в Чистые воды, и вам — в Чистые воды. Я выбираю своей девушке самую лучшую брошь, но, оказывается, что вы купили своей точно такую.

Горский усмехнулся.

— Может быть, еще окажется, что мы с вами влюблены в одну и ту же девушку? — С этими словами он распахнул плащ и, достав из кармана фотокарточку, протянул лейтенанту.

Сердце у Пулатова дрогнуло.

— Да,— глухо сказал он,— это она.

Горский недоверчиво посмотрел на него:

— Ну, знаете, это уж слишком.

СОЛДАТУ НАДО СЛУЖИТЬ

Граница затаилась.

Прошел день, другой, но все было спокойно, и усиленные наряды не замечали ничего подозрительного.

Майор Серебренников опять собирался на фланг отряда и, чтобы успеть до отъезда закончить дела, пораньше пришел в штаб. Он придвинул к себе настольный календарь. Уставился серыми, немигающими глазами на исписанный убористым почерком календарный листок. Много, очень много предстояло сделать сегодня. И, конечно, прежде всего вызвать Бородулю. Он взял слово «Бородуля» в кружок. Потянулся к телефону.

— Дежурного по отряду,— загудел он. — Дежурный?.. Майор Серебренников. Бородулю ко мне. — Нажал на рычажок и сразу отпустил: — Коммутатор?.. Пожарского.. Несите документы, лейтенант.

Опять постучал по рычажку:

— Спишь, коммутатор!

В дверях показался капитан с интендантскими погонами.

— Разрешите, товарищ майор?

Серебренников кивнул и положил трубку:

— А я как раз хотел вам звонить.

Интендант сел на диван, прямо на солнечные зайчики. Они легко вспорхнули и стали ощупывать его нарядный китель.

— Слушаю,— сказал Серебренников.

Интендант, не вставая с дивана, придвинулся ближе к столу.

— Хочу посоветоваться.

— Давайте,— согласился Серебренников, что-то записывая на календарном листке.

Капитан сказал:

— Зашел меж солдатами разговор: бабка у одного верующая. Сам слышал.

— Ну и что?

— Как что? Вот я решил прочесть лекцию на атеистическую тему. А то все говорят: сторонюсь воспитательной работы.

Серебренников положил ручку и с любопытством посмотрел на капитана. Интендант сидел важно, боясь пошевелиться, чтобы не помять отутюженные стрелочки на брюках. В руках мял свернутую трубочкой тетрадь.

— Значит, лекцию? — переспросил майор с плохó скрывае́мой иронией.

— Ну да. Лекцию.

— Бабка верующая?

— Верующая.

— Безобразие?

— Конечно, безобразие,— капитан говорил серьезно.

В кабинет вошел молодой лейтенант с голубой папкой. По знаку майора встал рядом с ним, делая вид, что не прислушивается к разговору. Но Серебренников спросил у него:

— Если бабка верует — безобразие?

Лейтенант не был подготовлен к вопросу.

— Почему — безобразие? Вот моей тетке семьдесят лет и тоже верует. А так — замечательная.

Капитан хотел возразить.

Серебренников жестом остановил его:

— Лекция, конечно, не помешает. Только я знаю другой способ атеистической пропаганды. Эффективнее.

Интендант насторожился.

— Нужно все церкви передать в ведение КЭЧ*.

Брови интенданта поползли вверх:

— Почему КЭЧ?

— Развалятся! — убежденно сказал Серебренников и выдвинул средний ящик стола. — Вот, полюбуйте: это всё заявления. Штукатурка обваливается. Стекла не вставлены. Половицы прогнили. А здесь, с вашего разрешения, ассенизационный узел третью неделю не действует!..

* Квартирно-эксплуатационная часть.

— Мы думали завтра...

— Всё завтра да завтра! — возмутился Серебренников. — А люди хотят — сегодня!

Капитан ответил, разглядывая свои до блеска начищенные ботинки:

— Сделаем, товарищ майор.

— Поверю в последний раз, — строго сказал Серебренников. — А лекцию оставьте. Посмотрю. Чтобы вы, так сказать, не были в стороне от воспитательной работы. Кстати, у какого же это солдата бабка оказалась верующей?

— У Бородули, товарищ майор.

В дверь постучали.

— А вот и он, — сказал Серебренников. — Свободны, капитан, и не забывайте о нашем разговоре.

Принесли почту.

Лейтенант поставил на стол пузырек со спецчернилами, которые захватил с собой, и принял почту.

Серебренников окунул ручку в пузырек. Пробуя перо, провел несколько линий на чистом листе бумаги.

Лейтенант положил газеты на диван и, бережно развязав тесемки на голубой папке, разложил перед майором партийные документы.

Серебренников склонился над столом. Продолговатый шрам выглянул из-под отложного воротничка сорочки цвета хаки. Погоны были зеленые с двумя просветами. В тон им — галстук. Светлее — пуговицы и звездочки на погонах.

В дверь снова постучали. На этот раз не решительно.

— Да; пожалуйста.

Никто не входил.

— Прошу! — громче повторил Серебренников.

Никакого ответа.

— Посмотрите, лейтенант, кто там, — попросил Серебренников.

Лейтенант распахнул дверь.

— А, Бородуля...

Большоголовый солдат с вялым, невыразительным лицом доложил сбивчиво:

— Товарищ майор, по вашему приказанию рядовой Бородуля... Это... Прибыл... Рядовой Бородуля.

— Подойдите ближе, — сказал Серебренников.

Бородуля сделал полшага вперед и приставил ногу.

— Еще ближе.

Бородуля сделал еще полшага.

— И еще ближе!

Снова полшага.

— Ну, как хотите. Можете оставаться там... Садитесь.

Бородуля подумал и боком двинулся по ковровой дорожке. Неуклюже присел на краешек стула. Серебренников предложил ему пока посмотреть газеты.

Бородуля кивнул, но газеты не взял. Стал разглядывать кабинет. Прямо — на полстены книжный шкаф. Рядом — географические полушария. Радиоприемник «Белорусь». (А вот у них дома — «Рига»). Полумягкие стулья с квадратными спинками. Зеленая скатерть на столе. Лучше красная.

В простенке между окнами — портрет Владимира Ильича Ленина. Ничего не скажешь: хороший портрет. Только рамка коричневая. Надо бы золотую.

Лейтенант старательно дует на подписанные документы, чтобы высохли чернила, и подает новые.

Бородуля сидит и от нечего делать думает.

А для чего, собственно, вызвали? Ну, ходил в самоволку. Так ведь это было давно, еще на учебном пункте. И то велика беда: спросил как-то у командира отделения увольнительную; хотел пойти в город, сфотографироваться. Тот ответил, что увольнение дается в порядке поощрения. Если Бородуля хочет в город, должен приналечь на учебу. Но Бородуля решил проще: перемахнул через забор и угодил в объятия патрулю.

После учебного его оставили в хозяйственном взводе. Он ходил рабочим по кухне и развозил воду, дневалил по конюшне и был рассыльным по штабу. Такая жизнь его устраивала: ни хлопот, ни забот. Командир взвода махнул на Бородулю рукой, а когда была инспекторская — отправил в караул. Но Бородулей заинтересовались в политотделе, и вот он в кабинете майора Серебренникова. Сидит, не торопится. Действует по принципу: солдат спит, а служба идет.

Серебренников вернул партийные документы лейтенанту и вдруг заметил, будто продолжал давно начатый разговор:

— Ладно, товарищ Бородуля. Удовлетворим вашу просьбу.

— Мою просьбу? — удивился Бородуля.

— Поедете на заставу.

Бородуля разинул рот:

— Я — на заставу?

— А как же, — сказал Серебренников серьезно. — Это вы правильно заметили: солдату надо служить.

— Я заметил?! — Бородуле вовсе не хотелось расставаться с хозяйственным взводом.

— Вот так всегда, — улыбнулся Серебренников, когда за Бородулей захлопнулась дверь. — Приходит солдат на границу и еще не знает цену своим рукам. — Он помолчал. — Куда бы его послать?

— К капитану Ярцеву! — убежденно сказал лейтенант. — Там люди хорошие и участок ответственный. Не придется Бородуле скучать.

Серебренников ответил после некоторого раздумья:

— Что же, доложу полковнику Заозерному.

У ЯРЦЕВА ПОРТИТСЯ НАСТРОЕНИЕ

Пошла вторая неделя с тех пор, как пограничный катер Вахида Шарапова выловил утопленника, однако личность его выяснить так и не удалось.

Пограничные заставы продолжали нести свою вечно напряженную службу.

Николай Бегалин острее всех чувствовал это. Ему было трудней, чем другим солдатам привыкать к воинской дисциплине и сурово-

му климату Средней Азии. Всю жизнь он провел за Полярным кругом. Отец постоянно находился в плавании. Мать учительствовала в семилетней школе при лесопильном заводе. Она слишком опекала сына, и он рос хилым, болезненным.

Как-то Николай заболел ангиной. Когда встал на ноги, врачи прописали ингаляцию. В городской клинике его усадили за небольшой столик с клюкочущим в бачке паром и сунули в рот мундштук. Он скосил глаза на красный столбик ртути, поднимавшейся все выше. Стало трудно дышать. Он подозревал сестру. Она отвинтила кран, и температура спала.

Сейчас, стоя на вышке, Бегалин подумал, что снова попал на ингаляцию. Только сеанс продолжался не три минуты, а гораздо больше, и температура была выше, но никто не мог ее сбросить.

Николай дышал тяжело, со свистом, и все ждал, что вот-вот загорится воздух. На зубах похрустывал песок. Глаза разъедало потом. Гимнастерка сморщилась, будто сушеная вобла, и царапала кожу.

Снова рядом с Бегалиным стоял Петр Ковалдин. Он заметил, как похудел Бегалин за последние дни. Лицо вытянулось, выгоревшие брови и ресницы словно исчезли с лица.

— Не могу больше,— уныло вздохнул Бегалин и потянулся к брезентовому ведерку. Ковалдин неодобрительно покачал головой.

— Внутри все печет,— прохрипел Бегалин. Ковалдин отстегнул флягу:

— Пей отсюда.

Николай взял флягу. Вода была теплая, с металлическим привкусом. Он сделал несколько глотков и вернул флягу Ковалдину.

— А теперь ополоснись из ведерка,— предложил Петр.

Бегалин с удовольствием воспользовался этим предложением, оживился, стал обмахиваться полотенцем.

Ковалдин сказал строго:

— Больше ты в наряд полотенце не возьмешь.

— Почему?

— Не положено.

— Так ведь старшина разрешил.

— Старшина...— усмехнулся Петр.— А вот если начальник заставы узнает про это самое полотенце, и тебе и мне всыплет по первое число.

— Что же ты мне раньше не говорил? — упавшим голосом спросил Николай. Он едва успевал вытирать обильно стекавшие капли пота.

— Значит, я тоже мягкотелый,— ответил Ковалдин, снова вскидывая бинокль. Широкополая шляпа сползла на затылок, и солнце запуталось в огненно-рыжей шевелюре, которую Петру разрешили отрастить в связи с предстоящей поездкой на родину. Отличился в прошлом месяце ефрейтор Ковалдин: вместе с черногрудым «Амуром» задержал нарушителя границы.

Давно уже поступил на заставу приказ полковника Заозерного: предоставить Ковалдину десятидневный отпуск, а он все тянул и не ехал. Никто на заставе не удивлялся этому,

потому что только-только зажали изувеченные лапы «Амура».

Ковалдин оторвался от бинокля, чтобы отдохнули глаза, и спросил Бегалина:

— Сколько времени?

Солнце едва заметно передвинулось. На вышку паутинкой легла тень. Николай посмотрел на эту паутинку, облизал сухие, потрескавшиеся губы.

— Тринадцать часов сорок пять минут.

— Нет,— сказал Петр.— Ты забыл, что день сегодня еще убавился.

— Значит, тринадцать часов сорок две минуты,— поправился Николай и повернул бинокль в сторону заставы.

По дозорной тропе к вышке медленно двигался конный наряд.

— Смена! — обрадовался Бегалин.

Дежурный по заставе — сержант с неподвижным, будто стянутым маской лицом, — распахнул ставни на окнах, и в казарму ворвалось солнце.

— Подъем! — сказал он голосом, которого невозможно было послушаться. — Выходи строиться на уборку!

Через минуту двор ожил. Замелькали ведра, выплескивая на песок шипящую воду. Нетерпеливо залаяли овчарки.

Старшина сверхсрочной службы Вениамин Анатольевич Пологалов снял пробу в столовой и послал повара за экстрактом.

Начальник заставы заполнял пограничную документацию. Он сидел, низко опустив голову, недовольный, усталый.

Из отряда позвонил майор Серебренников, предупредил, что завтра будет на заставе.

— Ясно! — ответил капитан.

Серебренников ждал, что обычно словоохотливый Ярцев еще что-нибудь добавит, но Ярцев молчал.

Тогда Серебренников сказал:

— Рядовой Бородуля направляется к вам для дальнейшего прохождения службы.

Дежурный по заставе услышал.

— Бородуля?

Капитан зажал трубку ладонью и спросил:

— Вы что, сержант, знаете Бородулю?

— Тяжелый солдат, — хмуро ответил дежурный. — Он у меня в отделении на учебном был.

— Вот и хорошо. Значит закрепим за вашим отделением.

Дежурный хотел возразить, но капитан холодно остановил его:

— Решено, товарищ Назаров.

— Какой он солдат? — вздохнул дежурный. — Ему на печи воевать с тараканами...

— Ну, вы что замолчали? — насторожился майор.

— Да вот обсуждаем: с оркестром встречать Бородулю, или без оркестра? — ответил капитан.

Серебренников успокоился: значит, с Ярцевым всё в порядке.

— Я вам покажу оркестр! — усмехнулся он и повесил трубку.

А Ярцеву было сегодня не по себе. Получил он письмо от друга. Вместе кончали погранич-

ное училище. У того диплом с отличием. И у Ярцева — с отличием. Тот сразу пошел по штабам: младшим офицером службы... старшим офицером службы... А сейчас — майор, комендант участка.

И стало Ярцеву обидно за себя. Тот спрашивает: как он? А чего он добился? Начальник заставы. Капитан. Нет спору, у него очень почетная должность, но когда тебе уже под сорок и на личном счету почти двадцать лет выслуги...

Восемь лет назад Ярцева назначили начальником заставы и присвоили звание старшего лейтенанта. Он любил службу и вывел свое подразделение в передовые, а когда стал капитаном, чуть было не перебросили в штаб. Но в последний момент вмешался начальник отряда:

— Жалко отпускать вас с заставы.

— Ну и не отпускайте! — чистосердечно воскликнул Ярцев.

Начальник отряда улыбнулся.

— Ладно, — сказал он, подумав. — Еще годок поработайте на заставе, а там обязательно — в штаб.

Прошел год, но перевели не Ярцева, а начальника отряда.

Вскоре на инспекторской застава вновь получила отличную оценку.

Поверяющий, генерал — начальник штаба округа, — сказал:

— Собирайтесь, товарищ Ярцев, в округ. Совсем...

И уехал.

Но в округ Ярцев не попал. Генерал вдруг изменил свое решение:

— Пусть-ка он еще покомандует заставой! — И бросил Ярцева на оперативно важное направление, в Реги-равон.

На заставе было неблагополучно.

— Скорей наводите порядок! — напутствовал генерал. — А мы тем временем подберем должность в округе.

Ярцев с жаром принялся за дело, и уже следующей осенью подразделение стало одним из лучших.

Тут бы генералу самое время выполнить обещание, но он собрался в отставку. А Ярцев даже обрадовался: не хотелось расставаться с заставой, с людьми, которых успел полюбить.

Шло время.

В прошлом году командование отрядом принял полковник Заозерный. Узнав, что Ярцев «засиделся» на заставе, он позвонил в округ:

— Надо выдвигать человека!

Начальник войск округа согласился:

— Правильно.

И через неделю позвонил сам:

— Заберем Ярцева в соседний отряд. С повышением.

Однако полковник не захотел отпускать Ярцева:

— Сами что-нибудь придумаем, товарищ генерал.

Начальник войск усмехнулся.

— Ну, придумывайте! — Он знал, как трудно расставаться с хорошим офицером.

Затем как-то освободилась должность в отделении службы, и Заозерный тут же связался с генералом:

— Я насчет Ярцева...

— Поздно, — с сожалением ответил генерал. Оказывается, Москва уже прислала другого офицера, из Забайкалья.

Конечно, Ярцев мог подождать (по правде говоря, ему и теперь жалко было расставаться с заставой), но почему все только обещают ему и ничего не делают?!

Так стала расти обида. А тут вдруг еще это письмо от друга...

Сразу капитан Ярцев почувствовал себя разбитым, и напряжение последних дней обрушилось на него страшной усталостью. Хотелось лечь и выспаться, и ни о чем не думать. Лечь и приказать не трогать, не будить его до завтра... До послезавтра!..

— Товарищ капитан!

— Слушаю.

Старшина Пологалов принес накладные и надо было проверить их, подписать.

Едва за старшиной захлопнулась дверь, как вошли командиры отделений. Ярцев просмотрел их конспекты.

Потом приехал оружейный мастер, и начальник заставы показывал ему боевую технику. Потом беседовал с пограничниками. Потом инструктировал наряды...

А когда опустилось солнце, устало повел плечами.

«Не плохо бы сейчас на курорт!» — подумал он, вспоминая своего заместителя.

В ЧИСТЫХ ВОДАХ

Электричка осторожно подкатила к перрону.

Лейтенант Пулатов пропустил вперед Горского. Капитан сошел на платформу, одной рукой придерживая плащ, другой — шляпу. Он казался удрученным и молчал.

Пулатову тоже не хотелось разговаривать: слишком неожиданной была их встреча, и в голове не укладывалось, что вот есть человек, который мечтает о той же девушке, что и он.

Пулатов был знаком с ней третью неделю, с того самого дня, как убедился, что телевидение — величайшее изобретение человеческого гения. На экране возник лесопитомник. Пулатов узнал, что здесь, оказывается, находится одно из редчайших растений мира — гинкго. Его называют «живым ископаемым», потому что оно известно еще с палеозойской эры. Гинкго относится к хвойным растениям, хотя у него широкие клиновидные листья. В естественном виде оно сохранилось только в горах Южного Китая.

Больше ничего о гинкго Пулатов не слышал: внимание его привлекла научная сотрудница питомника, миловидная девушка, с короткой прической, очень смущавшаяся перед объективом.

Корреспондент телевидения обратился к ней с каким-то вопросом и назвал Людмилой Андреевной.

Пулатов тут же запомнил это имя, а на следующий день, кое-как справившись с процедурами, помчался в Чистые воды.

Вот так же тогда накрапывал дождь, и по перрону гулял ветер. Готовился к отправлению скорый «Москва—Южногорск». Поблескивали цельнометаллические вагоны. На стеклах застыли крупные капли.

По перрону, прижав к коленям платье, уныло брела продавщица мороженого. Да вот она и сейчас идет навстречу. Увидела лейтенанта и улыбнулась. Третью неделю он покупал у нее мороженое и всегда был в отличном настроении.

Сегодня продавщица удивилась: лейтенант едва заметно кивнул ей. А она уже достала эскимо.

На полшага позади офицера шел молодой человек в плаще и шляпе. Он тоже кивнул девушке и тоже не взял мороженого.

Она вздохнула.

Лейтенант остановился, и человек в плаще тоже остановился. Мимо них медленно поплыл скорый.

Из тамбура спального вагона высунулась усатая физиономия:

— Эскимо-о!

Продавщица поймала деньги и вложила в ладонь отъезжающему две порции мороженого в блестящей обертке.

Поезд, словно решив, что больше задерживаться нечего, прибавил скорость. Усы исчезли, и девушка посмотрела в ту сторону, куда удалялся лейтенант. Но его уже не было. Не было и человека в плаще.

Продавщица поправила лоток с мороженым и побрела к платформе, куда прибывала очередная электричка...

Пулатов в нерешительности остановился на привокзальной площади. Горский тоже остановился. Оба молчали.

Дождь перестал.

Дугой высекая искры, по кругу медленно шел трамвай.

«Догоню! — решил лейтенант, но с места не двинулся.

Горский переминался с ноги на ногу. Видно, ему было неловко.

Пулатов с досадой подумал о Людмиле:

«Вот как можно ошибиться в человеке!»

...Тогда он нашел ее и, будто невзначай, спрятался от дождя именно в том павильоне, где была она. Потом они вместе ехали в город и он сел в тот же автобус тоже будто случайно. Она сошла у вокзала, и он сошел тоже. Он решил: будь что будет! — догнал ее, извинился и рассказал, как увидел в телевизоре. Она очень смутилась и, пробормотав что-то несвязное, постаралась от него избавиться. Но он все-таки проводил ее до дому.

Оказывается, она жила не в Чистых водах. Они довольно долго ехали в электричке, и все время она чувствовала себя стесненно.

А на завтра он пришел опять. И послезавтра. И так каждый день вот уже третью неделю...

Лейтенант недружелюбно посмотрел на Горского.

«А может быть она не дарила ему фотографию?» — мелькнула спасительная мысль.

Но он тут же вспомнил, что Люся отлично знает Лермонтова и, конечно, только она могла ответить Горскому лермонтовскими словами: «На крутой скале, где построен павильон, называемый Эоловой арфой...» Только она, потому что раньше много лет жила на Кавказе, где каждый считает Лермонтова своим поэтом и знает наизусть. Впрочем, какое это имело значение?..

Горский кивнул в сторону Желтых скал:

— И там, наверное (как вы думаете?), «мелькают пестрые шляпки любителей уединения. А возле такой шляпки всегда можно заметить или военную фуражку,— Горский решил не ссориться и последние слова произнес мягко,— или круглую шляпу.»

— Безобразную круглую шляпу,— сердито поправил лейтенант.

— Почему безобразную?— Горский снял шляпу, повертел в руках.— По-моему, красивая шляпа.

— Безобразную!— упрямо повторил лейтенант.— Вы опять перефразировали Лермонтова. А Лермонтов сказал *безобразную*.— И не желая больше разговаривать, отвернулся.

— Стойте!— Горский взял его за рукав кителя.— Вы напрасно на меня сердитесь.

— Я не сержусь!— глядя исподлобья, ответил Пулатов.

Горский усмехнулся:

— Нет, сердитесь. И я вот что предлагаю. Давайте вместе поедem к ней и скажем...

— Никуда я не поеду,— отрезал лейтенант.— И вообще, дорогой товарищ, идите-ка вы своей дорогой... Ну, назначили вам свидание — идите на свидание!..

Он хотел еще что-то сказать, но, махнув рукой, решительно зашагал в сторону вокзала.

Горский подумал и направился за ним.

Пулатов прошел в ресторан, отдал гардеробщику фуражку.

Через минуту в ресторан вошел Горский. Он снял шляпу и плащ. На нем был дорогой темносиний костюм и белая манишка с галстуком-бабочкой. Горский пробежал глазами полупустой зал и направился к столику, за которым расположился Пулатов.

— Прошу извинить,— сказал он дружелюбно.— Но, честное слово, я не хочу ссориться.

Пулатов углубился в изучение меню, притворившись, что не расслышал.

— Вы разрешите? — Горский отодвинул стул и, не получив ответа, все-таки сел.— Мы с вами так удивительно познакомились,— сказал он, не спуская с лейтенанта глаз,— что, честное слово, не хочется ссориться.

— Ссориться, ссориться! — Пулатов захлопнул меню.— Я не желаю ссориться, как не желаю продолжать этот разговор. Я хочу ужинать. И если у вас есть подобное желание, тоже можете ужинать.

Лейтенант поманил глазами официантку, заказал шашлык по-кавказски и коньяк.

— Мне тоже,— сказал Горский.

— Я спешу! — бросил вслед официантке Пулатов.

Она понимающе кивнула.

— Эх, Лена, Лена,— вздохнул Горский.— Ну кто бы мог подумать, что она водит меня за нос.— Губы его растянулись в жалкой улыбке.— А ведь у меня были самые серьезные намерения.— Он опустил голову, и Пулатов ощутил жалость.— Понимаете,— продолжал Горский,— вот мне уже за тридцать. Вы, конечно, моложе.— Он заметил это с грустью.— Я все время в плаваньи... Вот встретил Лену и решил...

— Постойте, — сказал Пулатов. Только сейчас он уловил, что Горский называет Людмилу Леной.— Почему Лена?

Горский пожал плечами:

— Ну, потому, наверное, что такое имя ей дали папа с мамой. Или вас удивляет, что я не называю ее Еленой Андреевной?

— Людмилой Андреевной,— сухо поправил лейтенант.

— Еленой,— мягко сказал Горский.— Мою девушку зовут Еленой.

Лицо у Пулатова прояснилось.

— Постойте. А может быть мы все-таки едем к разным девушкам?

Горский неопределенно пожал плечами. Полез в карман.

— Вот она, смотрите.— Он еще раз показал Пулатову фотокарточку.

Лейтенант взял отпечатанный на глянцевой бумаге снимок и снова нахмурился.

— Нет. Это Людмила.

— Прочтите на обороте,— не стал спорить Горский.

Лейтенант перевернул карточку.

*«Пусть эти милые черты
навек останутся живыми.»*

Лена».

«Люся так не напишет»,— подумал лейтенант и вдруг его осенило.

— Я кое о чем догадываюсь,— сказал он, резко поднимаясь.— Поехали, сейчас разберемся... Где у вас назначено свидание?

— Возле дома туриста.

— Когда?

— В половине седьмого.

— У меня — тоже. Скорее, а то опоздаем!..

Когда Пулатов и Горский выскочили из такси, к часам возле дома туриста подходили две девушки. Они были в одинаковых голубых платьях с яркими розами в светлых, как лен, волосах. Только у одной роза была справа, а у другой слева. И похожи девушки были друг на друга, как эти розы. Они улыбались. Видимо, им доставляло удовольствие замешательство молодых людей.

— Вы—близнецы?—радостно спросил Пулатов, еще не зная, к какой девушке обращаться.

— Ничего подобного,— ответила одна из них и в свою очередь спросила:— А вы, оказывается, знакомы?

Пулатов узнал по голосу:

— Люся!

Но и Горский обрадовался:
— Леночка!— и шагнул к ней.

Пулатов шепнул Горскому:

— Это — Люся!

Горский беспомощно остановился.

На них стали обращать внимание.

Пулатов подхватил девушек и потащил к такси.

— Поехали, поехали, там разберемся!

Они расплатились за трамвайным парком и направились к Загородной роще.

Теперь Пулатов знал, какая из сестер Людмила. Лицо у нее было строже, и эта строгость, если приглядеться, делала сестер совершенно разными.

— Так вы не близнецы?— переспросил он.

— Нет, Леночка младше.

— На год — не считается,— подхватила Елена.

— До чего похожи!— всё еще не веря, произнес лейтенант.

Елена была живее: она и смеялась громче, и тащила за собой сестру. Конечно, это она придумала назначить свидание молодым людям одновременно. Людмилу — лейтенант чувствовал — мучают угрызения совести. Он видел, как по ее лицу разлилась краска, точно отражение красноцветных каштанов, мимо которых они проходили. И он взял ее под руку.

— Почему же ты не говорила, что у тебя есть сестра?

Она улыбнулась:

— А ты не спрашивал.

Он в самом деле ни о чем ее не спрашивал. Ему и так было с ней хорошо.

О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ И РАЗНЫХ

Армен Микаелян торопился так, словно за поворотом откроется Ереван, и газик свернет на улицу Шолохова, где жила старая мать Армена. Но поворот следовал за поворотом, а дорога все бежала и бежала вперед, увлекая за собой машину.

Серпантинами взобрались на перевал и снова спустились в долину. Дорога окунулась в хлопковое поле. По обе стороны от нее веером растекались кусты с первыми желтыми завязями. По зеленым рядкам бойко шагал «ДТ-34» с фанерным навесом от солнца.

Рядом с Микаеляном сидел майор Серебренников. Сзади прикорнул Бородуля.

Микаелян виртуозно крутил баранку и гадал, как Серебренников заговорит с Бородулей.

Серебренников молчал.

Бородуля прикрыл глаза и покачивал головой в такт машине. Это Микаелян видел в зеркальце.

«Ясно,— решил про себя Микаелян.— Майор скажет: о чем задумался, Бородуля?»

Передние скаты машины набежали на яркие буквы, выведенные на гудроне, с огромным восклицательным знаком в конце «СТОП!»

Микаелян резко затормозил и остановился возле шлагбаума.

К машине подошел пограничник, заглянул в кабину. Увидел майора Серебренникова. Доложил: на граница без происшествий.

— Хорошо,—ответил Серебренников,— продолжайте службу.

Газик проскочил завод эфирных масел и въехал в районный центр.

Возле хлопкоочистительного завода пришлось задержаться: взад-вперед маневрировал куций паровозик. Он толкал порожние платформы, оглашая воздух петушиным криком, и, наконец, скрылся за железными воротами.

Газик прошмыгнул под отяжелевшими проводами, словно специально укутанными почерневшими хлопьями ваты. Вдоль улицы выстроились чинары и тополя с побеленными стволами. За ними блестели оконными стеклами аккуратные домики с синими ставнями. Лениво плескалась вода в арыках, слизывая с берегов опавшие листья.

Видно, местные жители хорошо знали Серебренникова, потому что он едва успевал отвечать на приветствия.

За широкоэкранным кинотеатром свернули на одну из окраинных улочек. Здесь зеле-

ни стало меньше, и домишки пошли глинобитные.

Потом поселок оборвался.

Асфальт кончился. Газик затрясся на выбоинах, взметнул пыль. Запахло раскаленным песком.

Бородуля перестал дремать и уставился на крутой затылок майора.

«Ну, что, Бородуля, проснулся?» — начал Микаелян разговор за Серебренникова, и уже в который раз покосился на майора.

Наконец Серебренников повернулся к Бородуле.

Микаелян весь обратился в слух и даже сбавил скорость. Он вдруг вспомнил, что в хозяйственном взводе ничего не могли добиться от Бородули, говорили, что из него двух слов не вытянешь. А майор?

— Надо бы выехать пораньше, — отплевываясь, сказал Серебренников.

— Почему? — спросил Бородуля сонно.

— Пыль была бы свежее.

— А-а...

— На границе говорят: поешь ветерку с песочком — и сыт, — добавил Серебренников.

— А почему? — опять спросил Бородуля.

— Послужишь на границе подольше — поймешь.

Бородуля вспомнил: что-то такое говорил про границу отец. Отец у него человек заслуженный, тракторист.

Ну, конечно: провожал он его на границу. Ехали они на бричке мимо скошенных лугов. На подводе лежал рюкзак. В рюкзаке сало и хлеб. Рядом дребезжал котелок с ложкой, по

совету отца прикрученной к ободку медной проволокой.

Конь шел споро, и Бородуля-старший спешил выложить сыну свои наставления. Он хотел, чтобы Иван служил только на линейной заставе.

«Кто на заставе не служил — границу не видал, — говорил он. — А там, брат, такую школу пройдешь, что потом век не собьешься с пути».

Впрочем, это он тысячу раз говорил. Не только ему, сыну, всем и даже, кажется, в Харькове на областном слете механизаторов. Чудила, одним словом.

Бородуля усмехнулся и сказал:

— У меня отец тоже на границе служил.

— Давно? — поинтересовался Серебренников.

— Перед войной.

— А где, не знаете?

— На Дальневосточной.

Серебренников оживился:

— Я тоже в это время на Дальнем Востоке служил... Есть такая бухта — Находка.

— Командовали? — спросил Бородуля.

— Командовал.

— Всей бухтой?

Серебренников засмеялся.

— Да нет. Немножко поменьше. Отделением.

Бородуля недоверчиво покосился на него.

— А вы что думаете, я майором родился? — сказал Серебренников, подмигивая. — Нет, брат. Я тоже вначале срочную служил. Потом

демобилизировался. Потом воевал и тоже рядовым до сорок четвертого года.

— Скажите!— Бородуле вдруг показалось, что они с майором старые приятели.

«Раскалывается!» — подумал Микаелян, включая демультипликатор.

Вскоре майор уже знал, что Иван Бородуля учился десять лет, но окончил лишь семь классов. В колхозе больше был на подсобных работах. Хотели его направить в школу механизаторов. Отказался. Почему? Да все говорили: поезжай, поезжай!— вот он и отказался: своя голова на плечах есть!.. Потом посылали на курсы садоводов, но он решил, что это бабье дело... Сватали за дочку бригадира. Хорошая девушка, между прочим. Да раз сами сватали, какой ему интерес был?..

Солнце прямым попаданием било в машину. Борта накалились так, что до них невозможно было дотронуться. Песок хрустел на зубах. Серебренников протянул водителю зеленые очки.

— Не надо, товарищ майор,— пытался возразить Микаелян.

— Берите!— приказал майор. Он зажмурился, чтобы песок не попал в глаза и спросил сердито:— А где же ваши очки?

Микаелян вздохнул:

— Они у меня, товарищ майор, не держатся.

— Вот только потеряйте эти! — пригрозил Серебренников, и Микаелян понял, что назад очки у него майор не возьмет.

Еще через полчаса въехали на заставу.

Серебренников вылез из машины. Капитан

Ярцев встретил его у ворот. Серебренников протянул руку.

Дежурный представился:

— Сержант Назаров.

Бородуля высунулся из кабины и, едва увидев громадную фигуру дежурного, сразу признал в нем своего бывшего командира отделения.

Серебренников стряхнул пыль, попросил Назарова принести воды.

Бородуля не торопился сходить. Микаелян сказал:

— Давай, давай, не задерживайся!

— Ладно тебе! — миролюбиво произнес Бородуля и нехотя открыл дверцу кабины. Прикрываясь рукой от солнца, улыбнулся начальнику заставы.

— Почему не докладываете? — строго спросил Ярцев.

Бородуля удивился:

— Так ведь я это... с товарищем майором. — Он ждал, что сейчас Серебренников заступится за него. Но Серебренников тоже смотрел строго.

— Докладывайте, рядовой Бородуля.

Бородуля надулся, но доложил.

Дежурный принес воду. Полил Серебренникову на руки.

Бородуля, прислонившись к машине, вздыхал.

— Покажите рядовому Бородуле койку и пусть займется чем-нибудь, — распорядился капитан Ярцев.

— Есть! — ответил дежурный. — Пошли, Бородуля.

Солдат неохотно повиновался. Перед входом в казарму сержант остановил его и молча показал на щетку. Бородуля поставил на ступеньки вещевого мешок. Кряхтя, стал чистить сапоги.

— Теперь идем.

Сержант повел Бородулю в дальний угол казармы, показал на аккуратно заправленную чистыми простынями койку под свернутым накомарником. К спинке была прикреплена незаполненная бирка. Сержант сказал:

— После обеда заполните. Ясно? И вот что: наше отделение лучшее на заставе.

— Понял,— вздохнул Бородуля. Его не очень-то радовало, что придется служить в отделении сержанта Назарова. Бородуля помнил его по учебному пункту: язва, а не сержант. Просто отдохнул, пока был в хозяйственном взводе. И надо же было опять попасть к этому самому Назарову!..

Часовой по заставе окликнул дежурного:

— Катер возвращается!

Сержант велел Бородуле привести себя в порядок и, придерживая клинок, чтобы не бил по ногам, зашагал к воротам.

Он видел, как Шарапов развернул катер и поставил его против течения. Никита Кошевник бросил чалку — толстый витой канат — на мертвяк. Катер забился, точно пойманная на крючок рыба. Мотор заглох. Шарапов поколдовал над ним и стал подниматься к заставе. За ним медленно передвигал ноги Кошевник.

Шарапов доложил дежурному, что происшествий нет.

Назаров отвел пограничников в сторону:

— Разряжай!

Вахид щелкнул задвижкой магазинной коробки. То же проделал затем и Никита.

Когда шли на заставу, Назаров будто невзначай заметил Шарапову:

— Увидишь Истат, предупреди серьезно, чтобы реже ходила к реке.

— Опять обливалась?— стараясь казаться равнодушным, спросил Вахид.

Назаров подтвердил.

Шарапов вдруг остановился:

— А почему это я должен сказать?

Назаров притворился, что не расслышал.

— И еще скажи, чтобы не грубила часовому у водопоя.

Шарапов отвернулся.

Некоторое время шли молча. Потом дежурный сообщил, что приехал майор Серебренников.

Шарапов обрадовался. У него было много вопросов к майору.

Наряд остановился возле входа в помещение. Дежурный пошел в канцелярию, доложил начальнику заставы, что с границы прибыл катер.

Капитан Ярцев, получив у майора Серебренникова разрешение, направился к наряду.

Шарапов подошел к макету участка, показал начальнику заставы, где река изменила фарватер и где образовалась мель.

Ярцев слушал внимательно: всё это он должен был учесть в службе пограничных нарядов.

Он вернулся в канцелярию и стал что-то писать.

Серебренников оторвался от партийных документов, которые в это время просматривал. Ему показалось, что капитан нездоров. Сидит, низко опустив голову. И скулы, и нос, и подбородок — всё заострилось.

Серебренников подошел к окну, затянутому марлей. Посмотрел на столбик ртуты, застрявший где-то около сорока пяти градусов.

Ярцев медленно переворачивал страницы. Воротничок гимнастерки впился в шею и взмок.

Серебренников подождал, пока начальник заставы кончит работать, и спросил, усаживаясь рядом:

— Ты не заболел, случаем, Николай Павлович?

— Нет.— сказал Ярцев.

Серебренников смотрел на него пристально, как врач осматривает больного.

— А выглядишь неважно.

— Устал,— неохотно ответил Ярцев.— Заместитель на курорте, вот и верчусь, как белка в колесе.

Серебренников заметил, возвращая протоколы партийных собраний:

— Ночью пойду на поверку. Учти, пожалуйста.

Ярцев кивнул.

В канцелярию вошел Шарапов.

— Разрешите, товарищ майор?

Шарапов что-то придумал, это Серебренников почувствовал сразу.

— Завтра у одного сержанта день рожде-

ния,— без обвиняков приступил к делу Вахид.— Так вот мы хотим отметить и вообще организовать на заставе стол именинника.

Серебренников заинтересовался:

— А ну-ка, садись, садись,— сказал он.

— Стол именинника мы себе мыслим так,— объяснил Шарапов, продолжая стоять.— Сажаем именинника на почетное место за отдельным столиком...

— Вот и ты садись;— повторил Серебренников.

Но Шарапову было некогда:

— Сажаем, значит, именинника с близкими друзьями за отдельный столик. На столике цветы,— тут он запнулся.— В общем есть бумажные у Ларисы Петровны Ярцевой и она обещала... А потом — конфеты, пирог... Пусть солдат чувствует, что он действительно именинник.

— Молодцы!— одобрил Серебренников, тоже поднимаясь.— Ну, а что скажет начальник заставы?

Ярцев вяло повел плечами.

«Определенно он — нездоров»,— решил Серебренников.

— Начальнику заставы мы уже докладывали,— сказал Шарапов,— не возражает.

«Тем более странно, что сейчас он молчит»,— подумал Серебренников и ответил Шарапову:

— Я тоже приветствую. Больше того, буду рекомендовать ваше предложение всем застам.

Шарапов прищурился, словно представил себе, как будет выглядеть стол именинника:

— Белая скатерть — хорошо... Цветы бумажные — спасибо Ларисе Петровне... Но вот если бы настоящие!..

Зазвонил телефон.

— Ясно, куда клонит Шарапов, — недовольно сказал начальник заставы, поднимая трубку. — Есть в поселке одна девушка и стоит у нее на подоконнике самый настоящий фикус.

— А что, — подхватил Серебренников. — Это идея. У кого фикус?

— Конечно, — ответил Ярцев, — у секретаря поселкового Совета. — И бросил в трубку: — Слушаю!

— Не даст она мне. — Вахид смутился.

— А, Истат Мирзобаева, — вспомнил Серебренников. — Так вы скажите, старшина, что это я прошу фикус. — Он посмотрел на Ярцева. — Не возражаете, капитан?

Ярцев принимал телефонограмму.

— Поздравляю, товарищ Шарапов, — сказал он, вешая трубку. — Вам присвоено очередное звание. И Кошевнику тоже. — Помолчал. — За бдительность в охране границы. И другим...

«Чем же он недоволен?» — подумал Серебренников.

„АМУР“ ВЫРУЧАЕТ ДРУГА

Рассказывают, что «Амур» слышит голос Петра Ковалдина из казармы. А ведь от казармы до вольера добрых сто пятьдесят метров!

Удивительная собака. Спрашивают у Ковалдина: «Любишь?» «А чего скрывать,— говорит,— люблю». И начинает рассказывать родословную «Амура». Тут его нужно останавливать, иначе дойдет до индийского волка и ископаемой собаки бронзового века.

Петр хорошо знал, что восточно-европейскую овчарку, или как ее иначе называют — немецкую,— лишь с конца прошлого века стали использовать в качестве розыскной и военной собаки. Знал он, что эта овчарка впервые была завезена в Россию накануне русско-японской войны. Но когда он начинал рассказывать про своего «Амура», выходило, что его предки выносили раненых с Полтавской битвы и помогали разведчикам чуть ли не при Александре Невском.

Впрочем, Ковалдин рассказывал интересно и его слушали.

Последняя боевая операция надолго вывела овчарку из строя. След шел по раскаленным пескам. Нарушитель был уверен, что овчарка долго не выдержит. Но «Амур», вызванный для проработки следа, выдержал и через два с половиной часа настиг нарушителя.

Лишь когда стали конвоировать задержанного на заставу, «Амур» вдруг упал, перевернулся на спину. Заскулил.

Ефрейтор Ковалдин километра полтора тащил его на себе...

Вот уже несколько дней «Амур» наступает на лапы. Словно почувствовал, что на границе тревожно и болеть некогда.

Сегодня утром Петр возобновил трениров-

ку. Он вывел «Амура» за дувал, отошел по-
дальше и дал овчарке волю.

— Гуляй!

Засидевшийся «Амур» с радостным лаем
носился вокруг ефрейтора. Петр делал вид,
что ловит его, и тогда «Амур» убежал боль-
шими, пружинистыми скачками.

Ему нравилась игра.

Неожиданно, когда «Амур» описывал са-
мый длинный круг, Ковалдин резко окликнул
его:

— Ко мне!

«Амур» с ходу врезался лапами в песок и
застыл.

— Ко мне!— требовательно повторил Петр,
поднимая руку в сторону и резко опуская на
бедро.

«Амур» такими же крупными скачками
вернулся к хозяину и сел возле его левой
ноги.

Ковалдин дал ему кусок сахара.

— Хорошо, «Амур», хорошо.— Он обле-
ченно вздохнул: значит, «Амур» все помнит.
Впрочем, следует проверить еще. Ковалдин
достал из кармана небольшую палочку и
бросил.

— Аппорт!

«Амур» быстро принес палочку и зарабо-
тал еще кусок сахара.

Потом он брал препятствия и легко выпол-
нил еще несколько команд, словно никакого
перерыва в его тренировке не было.

Петр так и предполагал.

Он возвращался на заставу по берегу ре-

ки, с удовольствием думая об «Амуре». Петр не заметил, что надтреснутая кромка берега, основательно размытая водой, готова вот-вот обрушиться.

Свежий ветер, нарушив границу, срывал с гребней волн прозрачную пену. Ковалдину захотелось подставить лицо брызгам и он стал на самую кромку. Берег не выдержал его тяжести и с глухим рокотом обвалился.

Петр с головой ушел под воду. Вынырнул. Отфыркиваясь, поплыл за фуражкой, которую подхватило течением.

«Амур» беспокойно залаял и, не дожидаясь команды, бросился вслед за Ковалдиным.

Гимнастерка и сапоги сковывали движения ефрейтора. Фуражка уплывала все дальше.

Петр раздумывал, как ему быть, и в это время почувствовал на своей щеке горячее дыхание «Амура».

Решение пришло сразу. Захлебываясь, Петр с трудом стянул сапог. Хорошо хоть, что голенище широкое...

— Неси на берег, «Амур»!

«Амур» послушно выполнил приказание.

— Назад! — крикнул с середины реки Петр, едва «Амур» коснулся берега. Ефрейтор понял, что

фуражку ему не догнать, но и назад добираться трудно.

Он стал бороться с течением. Особенно сильное в этом месте, оно несло к чужому берегу.

«Амур» снова кинулся в реку. Петр, кое-как стянул с ноги другой сапог, бросил ему навстречу. «Амур» подхватил сапог и потащил на берег.

Ковалдину стало легче плыть. Усталый и злой вылез он на песок: пропала фуражка. Теперь Петр уже не видел ее среди клокочущих водоворотов. Он расстроился.

— Где фуражка?— Ковалдин показал в сторону реки.— Там фуражка!

«Амур» лизнул хозяину руку и снова бросился в воду.

— «Амур», назад!— хрипло закричал Ковалдин. Но на этот раз «Амур» не послушался.

Ковалдин напряженно следил за ним. «Амур» то исчезал за пенящимися брызгами, то снова на поверхности реки показывалась его остроухая морда.

Петр испугался: загубит овчарку.

— Назад, «Амур»!

Неужели река перекрывает его голос?

Он сорвал с себя гимнастерку и бросился в воду. Но если с берега ему видна была морда «Амура», то теперь он ее потерял из вида и плыл наобум.

Между тем «Амур» вынес фуражку на берег. Вожатого не было. «Амур» потянул носом и снова нырнул.

Часовой-наблюдатель передал Шарапову,

приказание начальника заставы выяснить, что за необычное купание затеяли Ковалдин с «Амуром», тем более, что после утопленника поступил приказ полковника Заозерного—купание прекратить.

Шарапов бросил Кошевнику:

— Отдать концы!— и, едва отойдя от берега, включил полный газ.

Капитан Ярцев не смотрит на Серебренникова.

— Опять ЧП!

Вертит в руках телефонограмму: ефрейтору Ковалдину присвоено звание младшего сержанта.

— Я, пожалуй, это звание придержу,— хмуро говорит капитан.— Пусть-ка эта история сначала забудется.

— Вы — начальник заставы,— спокойно отвечает Серебренников,— вам и решать.

Но Ярцев чувствует: Серебренников не разделяет его мнения. Повторяет сердито:

— ЧП!

— Ну, это — не страшное ЧП,— мягко говорит Серебренников.

Ярцев продолжает хмуриться.

Бегалин завидует Ковалдину. Вот бы с ним приключилась такая история! Он был часовым по заставе и только сменился. Поставил карабин в пирамиду, ополоснулся теплой, совсем не освежающей водой и вытерся шершавым вафельным полотенцем.

— Рядовой Бегалин!

— Я, товарищ старшина!

Стоит перед Бегалиным Вениамин Анатольевич Пологалов. Говорит, будто извиняется:

— Конечно, вы с наряда и загружать вас больше не полагается. Но, может быть, все-таки прокатитесь с водовозкой?

За водой на реку?! Да кто же от этого откажется!

Золотой человек — старшина!..

— Есть, товарищ старшина! — торопится Николай.

И вот он уже раздевается. Втаскивая шланг в реку, нарочно спотыкается и падает в воду.

Потом он нажимает на коромысла насоса и прислушивается к тому, как вода стекает в цистерну. Звук становится все глуше. Цистерна наполняется, а Николаю хочется, чтобы она была бездонной.

Он качает медленней. Но вода все равно прибывает и, наконец, плещется через край цистерны. Бегалин в последний раз нажимает на коромысла. Вытаскивая шланг, снова окунается.

Шофер медленно трогает машину с места. Бегалин одевается и идет следом. На заставу приходит сухой, точно и не окунался. Старшина с сожалением смотрит на него: что он может поделать?

Часов с шести вечера жара понемногу начала спадать. Пограничники возвратились

со стрельбища. Никита Кошевник подбежал к отстойнику и зачерпнул кружку мутной воды. Он уже было поднес ее ко рту, но тут заметил, что капитан Ярцев смотрит на него, и выплеснул воду себе в лицо. Он взглянул на капитана невинными глазами и демонстративно прошел на кухню. Попросил у повара кипятку. Стал пить не спеша, смакуя. А когда опорожнил кружку, сказал, прищелкивая языком:

— Здорово помогает!— и побежал к бильярду.

Бородуля вычистил карабин, поставил в пирамиду. Посмотрел, как Кошевник сражается с Шараповым, и присел на завалинку.

Вообщем-то он был недоволен. Как следует не дали отдохнуть с дороги, а сразу потащили на стрельбище. Хотел пожаловаться Микаеляну, длинные ноги которого торчали из-под газа, но подумал, что Микаелян ответит, конечно: «Это тебе не хозяйственный взвод!»— и не стал его трогать.

Бородуля достал из кисета махорочку, привычно скрутил сигарку. Подошел дежурный по заставе Назаров:

— Ну, как успехи?

Никита красиво положил шар и, очень довольный, ответил за Бородулю:

— Его пули, товарищ сержант, сейчас вокруг луны вертятся.

Бородуля обиделся.

Командир отделения сказал ободряюще:

— А ты научись стрелять, вот и не будут над тобой смеяться,

Но Бородуле показалось, что он тоже смеется. Бородуля затаился и даже закрыл глаза, чтобы не видеть сержанта.

Когда сигарка обожгла пальцы, он приоткрыл один глаз, чуть-чуть, чтобы не заметили, и удивился, потому что перед ним стоял не сержант Назаров, а старшина заставы Пологалов.

«Прямо, как в цирке!» — подумал Бородуля.

Он уставился на старшину. Пологалов — невысокий, коренастый, в новом обмундировании и хромовых сапогах. Фуражка цвета весенней зелени. Сапоги блестят, точно вокруг нет пыли. Бородуля невольно посмотрел на свои сапоги. Серые. Снял фуражку. Тоже серая. Подумал и стряхнул пыль.

— Молодец! — похвалил старшина.

Бородуля улыбнулся и потянулся за щеткой. Она лежала в двух шагах от него на крыльце.

Старшина тоже улыбнулся. Лицо у него было доброе, гладкое, с бородавкой на левой щеке.

«И до чего же бывают симпатичные люди!» — подумал Бородуля, старательно начищая сапоги.

Из штаба позвонил дежурный. Предупредил капитана Ярцева, что начальник отряда будет на соседней заставе.

— Есть! — ответил Ярцев с чуть заметным раздражением.

Серебренников встретился с ним взглядом. Взгляд у Серебренникова был острый, и капитан невольно опустил глаза.

На боевом расчете Ярцев зачитал приказ о присвоении очередных званий Шарапову, Кошевнику и Ковалдину.

«Все-таки объявил!» — с удовольствием подумал майор.

ИСТАТ ПОКАЗЫВАЕТ ХАРАНТЕР

Перед ужином выкроилось свободное время. Шарапов получил разрешение и направился в поселок.

Он спешил, потому что надо было обернуться в срок. Быстрым шагом до поселкового Совета можно дойти за двенадцать минут. Двенадцать минут туда, двенадцать — обратно и пятнадцать останется на разговор. Но пятнадцати, конечно, мало. Вот если бы у него в запасе было еще хотя бы десять минут!

«А собственно, почему нельзя выкроить еще десять минут?» — подумал Шарапов и, когда линия узкоколейной железной дороги нырнула в рассеченный надвое холм, побежал.

Он остановился перед последним поворотом, за которым должен был показаться поселок. Оправил форменку. С сожалением посмотрел на запыленные ботинки. Подумал и потер их ладонью.

Колея железной дороги потащилась к semaфору. Вахид свернул в сторону, к единственной улице поселка. Он высоко поднимал ноги, точно это могло спасти от пыли. За клубом остановился возле пересохшего ары-

ка. Решил, что делать нечего, и зашагал дальше, успокаивая себя тем, что Истат не посмотрит на его руки.

Мимо, весь в пыли, протарахтел автопогрузчик. Ефремов остановил машину и любезно раскланялся с Шараповым. Его вздернутый носик сморщился.

— Может подвезти, старшина?

— Нет, спасибо.

— А то пожалуйста.

— Спасибо, мне рядом,—повторил Вахид и увидел на переднем крюке автопогрузчика камеру.— Вот если водички можно...

— Пей,—охотно разрешил Ефремов. Шарапов решил помыть руки.

— А ну-ка сними камеру!—произнес кто-то над самым его ухом.

Он обернулся. Это говорила Истат. Она стояла в двух шагах от него в цветастом платье. По смуглым щекам ее разлился румянец. Губы были приоткрыты и словно охвачены пламенем. Большие черные глаза с насурьмленными бровями смотрели дерзко.

— Сними камеру!—потребовала она настойчиво.

— Пожалуйста,—ответил он, еще не догадываясь, что она хочет делать.

Камера была основательно наполнена водой. Держать ее было трудно.

— Выше!—распорядилась Истат и тряхнула тяжелыми косами.

— Так?—спросил растерявшийся Шарапов, не без усилия поднимая камеру над головой. Девушка кивнула.

— А теперь лей.

Он наклонил камеру. Она вдруг подскочила и встала под тягучую, словно мед, струю. Вахид резко повернул камеру, так что отверстие, через которое лилась вода, оказалось наверху.

— Что ты делаешь, девона!* — окончательно сбитый с толку, спросил он.

Она не ответила, выхватила у него из рук камеру и, подняв над головой, (откуда только сила взялась!) выплеснула на себя всю воду.

Шарапов не знал, что сказать.

Теперь она стояла перед ним мокрая, смешная, но, как показалось Вахиду, счастливая. Цветы на ее платье почернели. Платье туго обхватывало хрупкую девичью фигурку.

— Ну, зачем ты это сделала? — спросил Вахид с нарочитой строгостью.

— А вот пусть, пусть! — сказала она и снова трянула косами.

— Испортила платье, — произнес он с жалостью.

— Пусть! — повторила она. — Все платье испорчу. Приду к вашему начальнику. Покупайте, скажу, новые. Покупайте, раз заставляете меня обливаться.

— Тебя скорпион укусил, что ли? — Шарапов поднял брошенную ею камеру и повесил на крюк. Тут только он вспомнил о Ефремове. Водитель автопогрузчика виновато улыбался,

Истат разошлась:

— Почему купаться не разрешают? Что я

* Сумасшедший, безумный,

на тот берег уплыву?— Глаза у нее стали колючими.— Чего молчишь?

— Нельзя купаться,— сказал Шарапов.

— Всегда было можно, а теперь нельзя?— вспыхнула девушка.

— Нельзя,— твердо повторил Шарапов. Он не мог ей объяснить, что это приказ начальника отряда и связан он с последними событиями на границе.

Истат топнула ногой:

— Нет, можно!

Шарапов вздохнул:

— У нас говорят: в жаждущую землю лей воду, понимающему говори слова.

Девушка круто повернулась.

Вахид бросился за ней.

— Постой, у меня дело есть!— и загородил ей дорогу.— У меня знаешь сколько вопросов?

Она повела плечами:

— Вопросов полон мир,— кто даст на них ответ? Брось ими мучаться, пока ты в цвете лет...

— Я серьезно,— перебил он ее.— Вот мы у себя посоветовались и решили..

Теперь она перебила:

— Кто это сказал?

— Что сказал?

— «Вопросов полон мир...»

— Не знаю.

— Омар Хайям сказал.

— Ну и пусть!— Шарапов начал сердиться. Время его истекло, а он был еще далек от цели своего посещения.

— То есть, как это пусть?— она была настроена агрессивно.

— Ну, не все ли равно, что сказал Хайям?— заметил он миролюбиво и стал объяснять:— Понимаешь, мы на заставе решили...

— А не все ли равно, что вы решили?— безразлично сказала она и пошла к дому.

Голос у него дрогнул:

— Меня майор Серебренников послал.

Он шел с ней рядом и страшно злился на себя и на нее, и особенно на Ефремова, потому что если бы тот не подвернулся со своим автопогрузчиком, ничего бы не случилось.

Она вдруг остановилась:

— Что майор Серебренников сказал?

Он уловил в ее голосе любопытство и облегченно вздохнул.

Мансуров слышал гудки: два длинных, один короткий. Ему казалось, что он слышит даже, как скрипит якорная цепь и огромные жернова-колеса начинают перемалывать воду.

Пароход раздувает железные легкие. Нехотя отчаливает от берега. Речная волна, точно белка, крутит колеса.

Опять уходит «Медуза». Спускается вниз по течению старый капитан, и Мансуров вдруг чувствует себя одиноким.

Он понимает: Максиму Максимовичу пора на берег — годы немолодые и здоровье пошаливает. Но что делать ему в пустом доме? Предложить перебраться на КПП? Здесь ему будет совсем тоскливо.

Нет для Мансурова человека ближе Максима Максимовича, хотя они при исполнении

служебных обязанностей и относятся друг к другу с подчеркнутой официальностью.

Во время войны, двенадцатилетним мальчишкой, Анвар Мансуров убежал из детского дома на фронт. Но до передовой не добрался, а застрял в Оренбурге. Там, на вокзале, познакомился с моряком в прожженном бушлате. Моряк возвращался домой после ранения. Анвар, конечно, не знал этого и привязался к нему:

«Дяденька, возьмите на фронт!».

Моряк спросил:

«А ты кто такой?».

Анвар рассказал всё без утайки. Тогда моряк ответил серьезно:

«Что ж, пришвартовывайся!»— и повез его назад в Среднюю Азию.

В Ташкенте мальчик хотел убежать. Но Максим Максимович обещал:

«Вот, салака! Погостишь у меня недельку и вместе — на фронт. А убежать всегда успеешь».

Мальчик привязался к моряку, который к тому же оказался капитаном, и поверил.

Максим Максимович застал дом пустым. Жена умерла месяц назад от воспаления легких. Капитан загрустил.

Так и остался Мансуров у него. Окончил среднюю школу, пограничное училище, два года служил в Закарпатье, а потом перевели в родные края.

Мансуров вздыхает. Взгляд падает на образцы паспортов, которые, точно на парад, выстроились перед ним в опломбированной витрине под стеклом. Правофланговым стоит

одетый в черный мундир дипломатический паспорт с золотым гербом на груди. Рядом с ним — чуть светлее, но такой же нарядный — служебный паспорт. Потом еще какие-то специальные паспорта. И, наконец, замыкает парад так называемый общегражданский загранпаспорт, — в бордовом камзоле и тоже с гербом, на котором золотом вытиснено: СССР.

Вот такой паспорт, сроком до 5 мая 196... года, похищен у журналиста Афанасия Басенюка.

Мансуров не знал, где сейчас Басенюк. Да и зачем ему это было знать? Пусть разиней-журналистом занимаются те, кому по штату положено. А ему нужно не прозевать того, другого, похожего на Басенюка: ростом один метр семьдесят пять сантиметров, с серыми глазами и другими приметами, вписанными в паспорт. Не прозевать, если, конечно, этот мнимый Басенюк вздумает перейти границу.

Мансуров включил приемник. Москва передавала вальсы Штрауса. Накладкой ворвались сигналы точного времени. Мансуров сверил часы.

Работа в поселке кончилась. А он даже не знал, когда она у него начинается и когда кончается.

Молодой начальник КПП привык к жизни без выходных и свободных часов. Она стала для него необходимостью и, конечно, нравилась, потому что граница, как всякая другая служба, а скорей всего больше, чем какая-либо другая, требовала полной отдачи сил.

Проверив заперт ли сейф, Мансуров решил

подышать свежим воздухом, если пропитанный пылью, горячий воздух можно назвать свежим.

Он не спеша вышел за дувал на поселковую улицу и столкнулся с Истат Мирзобаевой. Она шла в мокром платье, приплясывая. На смуглом лице сияла улыбка.

Мансуров удивился:

— Откуда, Истат?

— Разве не видно?— ответила она задорно.— Я — с работы.

— Ну, ну, ну,— не поверил он.— А почему мокрая?

Она прижала руки к груди:

«Наполнено такую жаждой измученное сердце,
Что и потоки вод прозрачных ее не утолят!».

Вскинула на него глаза:

— Кто это сказал?

— Ты сказала,— ответил Мансуров.

— Нет, правда,— настаивала она.

— Правда, ты,— заметил он серьезно.

Она засмеялась:

— Да ну вас!— и хотела его обойти.

Он не пустил.

— Вначале скажи: кто измучил твое сердце и почему оно наполнено такую жаждой?

Она потрянула головой:

— Конечно, это — он!

— В зеленой фуражке? — заговорщицки спросил Мансуров.

— Нет, — сказала она. — В чалме. — И побежала.

Он крикнул вслед:

«Вернись, убей меня — ведь умереть любя
Приятнее, чем жить на свете без тебя!»

Она на мгновение остановилась:

— Это из «Гулистана» Саади.

— А кто — в чалме?

— Тоже Са-ади-и! — пропела она и опять побежала.

«Я встретил девушку,
Полумесяцем бровь,
На щечке — родинка,
В глазах — любви!» —

замурлыкал Мансуров и осекся.

Опять тоска подкралась к нему. Он не заметил, как старательно кивал ему с автопогрузчика Ефремов.

Не заметил и позже, как неизвестно откуда появился майор Серебренников. Он подошел к Мансурову, который одиноко сидел на свежеструганной скамейке перед воротами КПП, и прогудел в самое ухо:

— Спим, товарищ старший лейтенант?

Мансуров вскочил:

— Товарищ майор, на участке без происшествий. Докладывает начальник КПП старший лейтенант Мансуров.

— Как то есть без происшествий? — сердито сказал Серебренников. — А если вы не замечаете старшего офицера, разве это не происшествие?

В порту заработал движок. Словно потревоженные им, в сгустившейся темноте задрожали звезды.

— Рассказывай, как живешь, — спросил Серебренников, шумно усаживаясь на диване в кабинете Мансурова.

Оказалось, что никаких новостей у начальника КПП нет. Служба, как служба. Живет не жалуется.

Серебренников покачал головой.

— Сколько часов ежедневно ты проводишь в этом кабинете? — спросил он.

Начальник КПП сделал движение, чтобы подняться. Серебренников жестом остановил его.

— Ну, так сколько?

— Много, товарищ майор.

— А дома?

— Иногда совсем не захожу, — сознался Мансуров. — И сплю на этом диване.

— Почему?

Мансуров понял, куда клонит Серебренников. Не в первый раз заговаривает он с ним о том, что пора жениться. Только ведь это пустой разговор.

— Чепуха, — заметил Серебренников, и лоб его пересекла глубокая складка. — Просто ты еще не встретил девушку, которая бы понравилась по-настоящему.

Он подошел к окну. Стирая звезды, по небу плыла чуть розоватая половинка луны.

Мансуров тоже подошел к окну. Встал рядом с майором.

Серебренников произнес задумчиво:

— Представь себе вот такую же ночь, и луну, которая была, может быть, на день-два моложе... Это случилось в июле, лет пятнадцать назад. Первое послевоенное лето. Я — лейтенант, и в моем подчинении младший по званию офицер — Нина Кравченко. Западная Украина. Вызывают в Одессу. В штаб соединения. Добрались мы на попутном грузовике до ближайшей железнодорожной станции. Смотрим, стоит на путях поезд, точно поджидает нас. Мы неплохо устроились у окна, и поезд тронулся. Мимо с ревом промчался встречный. «А этот куда же?» — спросил я пожилого мадьяра в расшитой бисером свитке. «В Одессу», — ответил он. И тут оказалось, что мы сели не в тот поезд...

Серебренников улыбнулся своим воспоминаниям, положил руку на плечо Мансурову:

— Любить надо, Анвар. Понимаешь? Тогда жизнь будет красивой.

Мансуров думал о своем: вот скоро приедет Пулатов и станет веселей.

Потом он провожал Серебренникова.

Кругом было темно и тихо. Луна искала свою вторую половинку. Здесь она ее не нашла и закатилась за сопку.

Они шли по рельсам узкоколейки.

Теперь Серебренников снова думал о капитане Ярцеве. Безусловно, майор знал и то, что Ярцев давно командует заставой и то, что недавно его собирались перевести на штабную работу. Но Серебренников видел, как Ярцев

ДЕФИЦИТНЫЙ ТОВАР

— Давно так не фартило.

— Выкладывай.

— Дошел после второй стопки. Целуется.

— Не трепись, говорю. Выкладывай.

— Ах, выкладывать... Вот, пожалуйста.

На траву шлепается кожаный бумажник с двумя отделениями. В одном — паспорт и военный билет. В другом двести рублей наличными и аккредитив на три тысячи.

— Что еще?

— Сумочка.

— Давай сумочку.

— Фэ...

— Слушай, «Зуб», руки у тебя золотые. Иначе бы дал в морду.

— Сумочка тю-тю.

— Не крути.

— Я не крутю.

— Так что же на одном бумажнике пофартило?

— А сумочка?

— Вот ты меня выведешь из терпения...

— Есть сумочка, «Буйвол». Только не у меня.

— Опять крутишь?

— У штымпа* сумочка. Вместе увели.

— Откуда штымп?

— Ростовский, говорит.

— Как познакомились?

— Ну, я бумажник взял и ходу. В тамбуре электрички дымы пускаю. Сам знаешь, после работы курить хочется. Вдруг он подходит.

* Новичок (воровской жаргон).

привязан к заставе, и считал, что лучше его не трогать. Так или не так?

Поговорить с Ярцевым, конечно, следовало. Но он будто почувствовал это и попросил разрешения заняться своими делами: один, без помощника.

Серебренников уловил фальшь. Свел брови: занимайся, пожалуйста. Он знал, что хуже всего докучать человеку. Придет время, когда Ярцеву самому захочется отвести душу.

Серёбренников изменил свои планы на вечер и отправился на КПП, обещая вернуться в двадцать два тридцать.

Сейчас было двадцать два пятнадцать. Он спешил.

Где-то вдалеке слышался шум приближающегося поезда. Он нарастал с каждым мгновением. Опережая поезд, из-за холма вырвалась слабая полоска света. Она разливалась, словно фантастический рассвет.

Наконец, сконцентрированный снап лучей заскользил по рельсам, вспыхивая подпрыгивающим голубоватым пламенем. Игрушечный паровозик, запрокидывая вагончики на крутом вираже, вырвался на прямую и заголосил.

Пограничники сошли с полотна. Паровозик поравнялся с ними, приятно обдал ветром.

Мансуров включил сильный фонарь, стал ощупывать вагоны. Пустая платформа. Цистерны. Еще платформа.

Мигнул красноглазый огонек.

Рельсы замерли, ожидая, когда с перестуком колес снова вернется жизнь.

Впереди показалась застава.

Кругом — никого. Он да я. Вытаскивает часы. Я удивился: ну точь в точь как у моего клиента.

— Что же сам не взял?

— Цепочка мудреная. Бился — никак. Думаю: подзашьюсь.

— Так, детка.

— Это, говорит, не вы, случаем, обронили? Конечно, отвечаю, я. Прошу, сэр. Я — за часиками. А он: «Стоп. Предлагаю руку и сердце». Ну, познакомились. Зашился в Ростове паренек. Смылся. Здесь один. Очень чувствительный: скучает.

— Раньше не был в наших краях?

— Упаси бог!

— Ладно. А где часики?

— У него.

— Ну давай штымпа. Познакомимся.

— Организую в момент.

Разговор происходит в зарослях кустарника на берегу ворчливой Нежнинки.

Вечер зажег звезды, выпустил месяц на склоны Знаменского хребта. Вдали угадывается Нежнинский перевал. С грохотом несется невидимая за кустарником электричка. Торопится в Южногорск.

«Зуб» — узкий в плечах, с длинным лицом. Когда смеется, выставляет напоказ золотые коронки. Это его приманка. Замечает приезжий человек хорошо одетого, с виду болезненного парня, тоже, наверно, отдыхающего, и проникается доверием. «Зуб» робко просит разрешения присесть рядом, заказывает коньяк, и жертва обречена...

Ветви кустарника хлещут по щекам. Штым

доверчиво идет за «Зубом», старается не шуметь.

Впереди неожиданно вспыхивает фонарик. «Зуб» отлетает в сторону. Новичок секунду стоит, точно оцепенев, и тоже ныряет в кусты.

Фонарик гаснет. Густой, простуженный голос зовет насмешливо:

— Ну, где же вы, детки?

«Зуб» подталкивает новичка,

— Он.

— Ай, храбрецы! — издевается простуженный голос.

— Так ведь я нарочно, — хихикает «Зуб».

— А я — за ним, — равнодушно говорит новичок.

«Буйвол» раскуривает папиросу — изучает штымпа. Парнишка ничего. Лет восемнадцати. Коренастый. С неприметным лицом.

— Познакомимся, детка.

— Том.

— А кличка, извините?

— Том.

— В таком случае — имя?

— Со всех сторон Том, — спокойно отвечает новичок.

— Ну что же, — соглашается «Буйвол». — И это неплохо. Что о себе расскажешь?

— Вот.

Новичок выкладывает перед «Буйволом» содержимое карманов. Золотые часы на цепочке с мудреным замком. Паспорт и курортная книжка. Лотерейные билеты. Деньги и несколько фотокарточек.

«Буйвол» снова раскуривает папиросу — к фонарику прибегать не хочет — вглядывается.

Молодая красивая женщина снята возле грязелечебницы. Все фотокарточки одинаковые. Видно, только что получила.

— Биография подходящая,— говорит «Буйвол», кивая на вещи.— А где сумочка?

Новичок протягивает руку в сторону Нежинки.

— Разумно,— скрипит простуженный голос.— Судимости?

— Нет.

— Приводы?

— Два раза имел.

— Сходило?

— Как видишь.

— Молодец, детка.

— Я — Том.

— Ну, ну, милый. Если нужна самостоятельность — пожалуйста. Разве мы звали?

— Одному тошно.

— Отлично, детка.

— Я — Том.

— Хорошо, Том. А на чем засыпался?

Том отвечает скупой:

— Человек под электричкой. И откуда взялся? Спешил, наверно. Не рассчитал. Подбегаю — готов. Потом — еще люди. Кто такой? Не найдут документов. Стою, как пришитый. Протокол. Меня — в свидетели. Я — ходу... Потом смотрю в его паспорт: Басенюк. Афанасий Петрович. А паспорт чудной. Никогда такого не видел. Тошно. Обобрал покойника... Сел на поезд. Уехал.

— Заливаешь складно.

— Правду говорю.

— А где чудной паспорт?

— Вот,— Том лезет за пазуху.

• «Буйвол» с любопытством разглядывает бордовые корки с золотым тиснением.

— Загранпаспорт?!

«Зуб» лезет пощупать бордовые корки. «Буйвол» плечом отодвигает его. Спрашивает у Тома:

— Зачем берег? Опасно.

Том говорит безразлично:

— Теперь веришь?

— Чистая биография!— простуженный голос звучит довольно.— Подаришь на дружбу?

— Бери. Мне зачем?

— Большим человеком будешь!— «Буйвол» в отличном настроении.— Все, что принесли — ваше. Хорошо поработали.

«Зуб» тянется за бумажником. «Буйвол» отбирает документы.

— Мое правило знаешь? Документы — штука опасная. Сам уничтожу.— Смотрит на фотокарточки женщины:— И эти — тоже...

Объясняет Тому:

— Приносить документики обязательно,— говорит с усмешкой:— занимаюсь статистикой всех разинь.

Новичку безразлично.

«Буйвол» уточняет:

— Ненужное уничтожаю. Сам... Мерекаешь?

— Куда больше.

— Умница... А теперь скажи время?

Том смотрит на краденые часы.

— Десять.

— Хорошо, детка.

Том отдает часы «Зубу». Тот низко кланяется.

— Идите за мной.

«Буйвол» ныряет в кусты и выводит дружок к станции. Ходят по тускло освещенному перрону. Мирно разговаривают. Садятся в электричку.

Том разглядывает «Буйвола». Тучный. С тяжелыми кулаками. Вялые глаза. Выпирающий кадык.

Едут недолго. В Старо-Нежнинске сходят «обмывать» знакомство. В привокзальном ресторане все столики заняты. «Зуб» исчезает и вскоре появляется с бутылкой. Разделяются с ней в скверике. Пьют из горлышка по очереди. Вначале «Буйвол», за ним Том и «Зуб».

Повеселевший «Зуб» скандирует:

— Выпьем, братцы, пока тут,
На том свете не дадут.

«Буйвол» уточняет:

— Там дадут иль не дадут,
Выпьем, братцы, пока тут!

Оба смотрят на Тома. Кажется и у него приподнятое настроение. Подмигивает:

— Ну, а если там дадут,—
Выпьем там и выпьем тут!..

Все трое хохочут.

К перрону подходит электричка из Южногорска.

— Внимание, детки! — говорит «Буйвол».

Они стоят в темноте, возле остановки такси. Хорошо видят всех, кто выходит с вокзала.

— Эти!— говорит «Буйвол».

Том и «Зуб» разглядывают молодого человека в габардиновом плаще и велюровой шляпе. Рядом с ним щеголеватый лейтенант.

— Сейчас?— спрашивает «Зуб».

— Нет. Просто запомните.

Молодой человек в плаще и офицер поджигают такси. Трое за будкой слышат их разговор:

— Завтра опять вместе поедем?— спрашивает человек в плаще.

— Конечно.

— Где встретимся?

— Не знаю.

— Завтра у вас какие процедуры?

— В четыре тридцать ванны. Кажется, в первом корпусе,— отвечает лейтенант.

— Устраивает. Там и встретимся.

Подходит такси. Лейтенант пропускает вперед человека в плаще и садится рядом.

— Всё слышали?— спрашивает «Буйвол».— А теперь — внимание, детки,— и притягивает дружков к себе.

Потом он тоже останавливает такси.

Том и «Зуб» машут руками вслед.

«Победа» вырывается на загородное шоссе. Встречные машины попадают редко и стрелка спидометра подбирается к восьмидесяти.

Впереди — электрическое зарево.

— Стоп, приехали! — «Буйвол» щедро расплачивается.

Некоторое время он стоит на шоссе, смотрит, как тает сигнальный огонек на удаляющемся такси. Потом быстро идет к дачной платформе. Ждет электричку.

Он снова куда-то едет. На одной из станций быстро слезает. Долго кружит по улицам и, наконец, исчезает в глухом переулке. Сейчас он где-то на окраине города.

Заходит в приоткрытую калитку. Не обращая внимания на яростный лай гремящего цепью бульдога, поднимается на крыльцо. Звонит. Щелкают затворы. Он идет через темную переднюю. Нащупывает ногой ступеньки. Осторожно поднимается по крутой лестнице и толкает дверь.

Ослепляет свет. «Буйвол» жмурится. Еще никого не видя, говорит почтительно:

— Здравствуйте, Василий Васильевич

— Привет.

Глаза привыкают к свету. Перед «Буйволом» — крепкий старик с пышными усами и голым черепом. Толстая шея с характерными складками. Руки заложены за спину.

— С чем пожаловал?

— Есть кое-что.

— Выкладывай.

«Буйвол» кладет на стол два паспорта — мужчины, которого подпоил «Зуб», и женщины с сумочкой, — военный билет, курортную книжку, аккредитив, фотокарточки.

Хозяин дома, не глядя, считает все это в ладонь и выходит из комнаты.

«Буйвол» остается один.

Старик скоро возвращается. Бросает на стол деньги. «Буйвол», не считая, засовывает их в карман. Он знает таксу. Тянет не спеша:

— Есть хороший товар.

— Ну?

— Боюсь продешевить.

Старик смотрит на него изучающе.

— Принес?

— Да как сказать,— уклончиво отвечает «Буйвол».— Паспортишко один... Специально для вас, Василий Васильевич. Мои детки из-за него чуть не подзашились.

— Посмотрим.

— Сколько, Василий Васильевич?

— Покажи товар.

— Боюсь продешевить.

— Слышал уже. Называй цену.

— Вот столько, да полстолька, да еще четверть столька,— на пальцах показывает «Буйвол».

— Не дурно заломил,— хмурится Василий Васильевич.

— Будет?

— Что за товар?

— Загранпаспорт.

Василий Васильевич недоверчиво смотрит на «Буйвола».

— Принес?

— Деньги мои, паспорт ваш,— как само собой разумеющееся говорит «Буйвол».

Василий Васильевич не торгуется.

— Се-ля-ви!* — гнусава произносит «Буйвол» неизвестно где подслушанную фразу и бережно засовывает деньги за пазуху.

Хозяин дома с интересом разглядывает заграничный паспорт. Убеждается в его подлинности. Не скрывает удовольствия.

— Силен, Буйвол!

* Такова жизнь (фр.)

Старик читает вписанную в паспорт фамилию:

— Басенюк. Афанасий Петрович. Он что же, выходит, обиженный?

«Буйвол» понимает: Василий Васильевич хочет знать, где сейчас этот Басенюк. Вздыхает:

— Поставьте свечку за упокой души раба божьего. Сыграл в ящик Афанасий Петрович.

Старик испытующе смотрит на «Буйвола». Тот выдерживает взгляд. Василий Васильевич кивает: поверил.

Деловой разговор окончен. Хозяин дома приглашает гостя к столу. Приносит коньяк и стопки.

— Мы тут пижона одного заприметили,— говорит «Буйвол», закусывая лимоном.— Крутится с лейтенантом. Скоро, думаю, обработа-

ем. Того и другого... Вы как раз офицерское удостоверение спрашивали.

Василий Васильевич настораживается.

— Пижон?

— Пижон.

— Какой из себя?

«Буйвол» объясняет.

Василий Васильевич снова хмурится.

— Где познакомились?

— Да в Чистых водах... За девчонкой ухлестывает.

— Что за девчонка?

— А клиентка твоя... Из сестричек. Перманент делает.

— Вот что,— строго говорит Василий Васильевич,— ты пижона оставь. И лейтенанта. Это мои. Понял?

«Буйвол» отвечает спокойно:

— Могу не трогать. Только детки обидятся. Так хорошо нацелились. Завтра в ванну залезут — и обработаем.

Василий Васильевич понимает, куда клонит «Буйвол». Достает еще пачку денег.

— Детишкам на конфетки,— говорит он.— Скажешь сам обработал.

«Буйвол» не вдается в подробности.

— Ну, я пошел.

— погоди,— останавливает Василий Васильевич.— Услуга за услугу.

«Буйвол» ждет.

— Новый прокурор в городе. Старые делишки ворочает.

— Ну и что?

— Будто не понимаешь? — в голосе Василия Васильевича тревога.

Хмель улечувается.

— Советуете менять климат?

Василий Васильевич улыбається.

— Догадливый. Командировочку дам в Среднюю Азию.

— Сейчас?

— Зачем сейчас. Посмотрим, каков прокурор.

«Буйвол» кивает. Он выходит на улицу. Опять крутится в переулках. Останавливает такси.

ЗВЕЗДЫ

За пятнадцать минут до выхода на границу дежурный разбудил Назарова и Бородулю.

В казарме, освещенной тусклым светом ночника, было темно. Назаров бесшумно оделся.

Бородуля с трудом разыскал гимнастерку, уронил ремень. Куда-то запропастилась портянка. Он долго искал ее под койкой и, к своему изумлению, обнаружил в сапоге. Наткнулся на тумбочку, больно ушиб колено. Пошарил руками в темноте и нащупал спинку кровати. Увидел на полу бледную полосу света, бившую из-под двери. Побрел по ней, протирая глаза.

Лучше было не ложиться. Только сомкнул веки — подняли. И уснуть-то как следует не успел.

Толкнул дверь и зажмурился. Прямо на него уставилась пузатая электрическая лампочка.

— Копаешься, Бородуля, — сказал Назаров, появляясь из соседней комнаты. Он был уже

одет по форме, с автоматом. К ремню пристегнут сигнальный пистолет и патронташ с ракетами.

Бородуля непослушными пальцами застегнул воротничок гимнастерки. Пошел за оружием.

— Вначале умойся,— сержант говорил доброжелательно.

«Всё не так!» — подумал Бородуля и пошел умываться.

Дежурный поторопил:

— Время!

— Сейчас! — отозвался Назаров. Прислушался. Во дворе, возле умывальника, чертыхался Бородуля.

— Ну, что у тебя там? — спросил Назаров, подходя ближе.

— Напиться хотел, да кружка куда-то запропастилась.

— Пей из крана,— посоветовал сержант.

— Я его вымазал мылом...

— Да вот же кружка, на тебя смотрит,— Назаров показал на крышку умывальника.

— Верно,— удивился Бородуля.

— Готовы? — опять спросил дежурный, вырастая перед ними из темноты.

— Сейчас.

Бородуля напился.

— Я за оружием.

— Натришь мазью,— посоветовал Назаров.— Съедят комары.

— А где мазь?

— В дежурке. Только пошевеливайся, пошевеливайся!

Бородуля побрел к дежурной комнате. На-

заров решил, что сам он еще, чего доброго, не найдет мазь и, опережая его, распахнул дверь. Бутылка с «комариной» мазью стояла на подоконнике.

— Скорей!

Бородуля наклонил бутылку и подставил ладонь под горлышко. Мазь была белая, тягучая, как паста. Пахла ликером.

«Ничего!» — подумал он и стал растирать мазь ладонями.

— Лицо намажь и шею, — посоветовал Назаров.

— А если воротничок запачкаю? — возразил Бородуля.

— Значит постираешь гимнастерку.

— Так я просто не намажу шею.

Дежурный постучал в окно:

— Товарищ сержант, начальник ждет. Время.

— Хватит, — недовольно произнес Назаров. — Почисть сапоги и бегом за оружием.

— Зачем чистить сапоги? — удивился Бородуля.

— За боевым приказом идешь, — разъяснил сержант. И добавил для большей убедительности: — Будут сапоги грязные — вернет начальник заставы.

Они вошли в канцелярию в ноль часов четыре минуты. Кроме начальника заставы здесь находился майор Серебренников.

Дежурный спросил:

— Разрешите обратиться к капитану, товарищ майор?

— Обращайтесь.

— Товарищ капитан, пограничный наряд в

составе сержанта Назарова и рядового Бородули готов к охране государственной границы Союза ССР.

Ярцев постучал по часам.

— Опаздываете, товарищи пограничники.— Он был недоволен.

Серебренников стоял в стороне, молча наблюдая за Ярцевым.

— Виноваты, товарищ капитан,— отозвался сержант Назаров.

— Виноваты,— упавшим голосом повторил дежурный, недружелюбно покосившись на Бородулю.

Один Бородуля не чувствовал себя виноватым и даже злорадствовал, что сержанту выпали: очень уж придиричив был этот сержант.

— Службу нести можете? — спросил начальник заставы.

— Так точно! — твердо ответил Назаров.

Ярцев подошел к Бородуле.

— Поправьте ремень.

Бородуля передвинул бляху с пятиконечной звездой чуть вправо.

— Так,— заметил начальник заставы и потянулся к карабину.

— Ваше оружие? — спросил он Бородулю

— Конечно, мое.

— Нужно отвечать: так точно,— поправил капитан, как показалось Серебренникову, с раздражением.

— Так точно!

Начальник заставы взял карабин и, отодвинув затвор, на свет заглянул в канал ствола.

— Почищен хорошо,— одобрил он.— Номер карабина?

Бородуля забыл номер.

— Может быть, это не ваш карабин? — спросил начальник заставы.

— Мой.

— Почему?

— Я же знаю, где мой стоит в пирамиде.

— Номер своего оружия нужно всегда помнить, — заметил Ярцев устало.

— Хорошо.

— Есть, рядовой Бородуля. Есть, а не хорошо.

— Есть, товарищ капитан, — согласился Бородуля.

— Ну, вот, молодец. А номер запомните.

Когда были осмотрены патроны, сигнальный пистолет, фонари, капитан Ярцев объяснил задание.

Всё, кажется, правильно. Но Серебренников никогда раньше не слышал, чтобы Ярцев так равнодушно отдавал боевой приказ.

Назаров и Бородуля ушли.

Капитан устало посмотрел на Серебренникова.

— Идите отдыхать, Николай Павлович. — Серебренников легонько подтолкнул его к двери. — Выйду на границу без вас. Тем более, что старшина Пологалов со мной.

— Есть! — ответил Ярцев.

Назаров шел впереди. В четырех шагах за ним — Бородуля. Они спустились к реке и шли дозорной тропой, время от времени включая фонарики.

Бородуля задрал голову. Звезд было так много, что у него зарябило в глазах.

«Ишь ты,— подумал он,— как шмели!»

Даже показалось, что услышал жужжание. Остановился.

— И-ишь ты... и-ишь-шь ты! — передразнил кто-то.

Он прислушался.

— И-ишь-шь ты... И-ишь ты...

Усмехнулся: река!

Назаров растворился в темноте. Бородуля испугался, что потеряет его и пустился догонять. Вот снова — его спина. Маячит черным, расплывчатым пятном. Пятно показалось Бородуле неподвижным. Наверно, сержант остановился и прислушался.

Бородуля тоже остановился.

— И-ишь-шь ты... И-ишь ты...

Вдруг звезды стали снижаться, давить на него. Бородуля ощутил, как неприятный холодок пробежал по спине. Шагнул к черному пятну. Это начинались камыши. Он застыл в нерешительности.

Река издевалась:

— Бои-ишься ты, бои-ишься ты!..

— Товарищ сержант! — позвал Бородуля шопотом.

— Бои-ишься ты... бои-ишься ты! — отозвалась река.

Кровь ударила в виски.

— Товарищ сержант! — повторил он настойчивей.

Тихо.

Вдруг он вспомнил и легонько ударил себя несколько раз по голенищу. Сразу из камышей донесся ответ.

Бородуля почувствовал облегчение и шагнул в камыши.

Назаров поджидал его. Спросил строго:

— Почему кричишь?

— А что вы не отзываетесь? — обиделся Бородуля.

Назаров шепнул ему на ухо:

— Кричать нельзя.

— Я не кричал. Я тихо.

— Тихо тоже нельзя. Для того и установлен сигнал.

— Забыл, сколько стучать по голенищу, — схитрил Бородуля, — вот и позвал.

— Забывать нельзя.

— Теперь не забуду.

Бородуля взглянул на небо. Звезды отодвинулись.

«Ишь ты, как далеко!» — с удовольствием подумал он.

Река повторила:

— И-ишь-шь ты... И-ишь ты...

— Не отставать! — прошептал Назаров. — Держите дистанцию.

Справа сплошной двухметровой стеной поднимался камыш. Слева к вспаханной полосе тоже подступал камыш, тесно сомкнувшись и застыв в немом ожидании.

Комариные эскадрильи почуяли добычу. Они набросились на пограничников, но, будто наткнувшись на заграждение, круто взмыли вверх.

«Ага, мазь не нравится!» — решил Бородуля и сразу почувствовал ожог на шее.

«Нашли лазейку, дьяволы!» — он с наслаж-

дением прихлопнул комара. Едва убрал руку, как снова сжгло, в двух местах сразу.

За рекой тявкнул шакал.

Бородуля прибавил шаг и почти налетел на сержанта.

— Т-сс! — предупредил Назаров. — Ложись! Камыши поредели.

Бородуля увидел реку. Впрочем не столько увидел, сколько почувствовал. Река плескалась о берег.

Назаров приказал Бородуле оставаться здесь, а сам пополз дальше. Он скрылся в небольшой ложбине и ударил по голенищу. Слышно хорошо. Бородуля ответил. Он знал, что сержант рядом и все-таки едва справлялся с непонятной дрожью. Может быть, комары малярийные? Может быть, заболел?

Он с наслаждением давил их и считал. Считал и считал, стараясь, главное, не думать о звездах. Он совсем забыл, что находится на границе. И вдруг вернулся к действительности. Что-то случилось. Он не знал — что.

Опять забежали по спине мурашки. Бородуля ударил по голенищу. Прислушался. Назаров ответил и неслышно подполз.

— Что случилось?

Бородуля удивился:

— А вы разве не слышите?

— Нет.

Бородуля опять прислушался.

— И я не слышу...

— Так зачем звал?

Бородуля догадался: шакалий концерт окончился. Поразила внезапно наступившая тишина.

— Проверил сигнал,— выкрутился Бородуля.

Назаров прошептал:

— Больше не проверяй. Лежи тихо.

Он отполз.

Бородуля завертел головой. Шея мучительно ныла.

«Лучше было постирать гимнастерку!» — с сожалением подумал он.

чп

Серебренников не ложился. Все его сборы заключались в том, чтобы надеть фуражку.

— Готов, старшина? — спросил он, когда Пологалов вошел в канцелярию.

— Так точно.

Продолжительный телефонный звонок заставил Серебренникова вернуться. Оказывается, полковник Заозерный, находившийся на соседней заставе, тоже собрался на границу.

— Встретимся у отдельного дерева,— предупредил он.

— Есть! — ответил Серебренников.

— Сверьте часы...

Пока глаза привыкали к темноте, все вокруг казалось однообразно серым. Серебренников знал, что в таких случаях надо смотреть на звезды. Он так и сделал.

Дежурный протянул бутылку с мазью.

— Это ты хорошо придумал,— одобрил Серебренников. Конечно, он и сам бы зашел за мазью,

Шли дозорной тропой, тем же маршрутом, что и наряд сержанта Назарова. Комары гудели, пикировали, но жалить не решались. Их тоскливая песня сливалась с монотонным гудением реки.

Старшина лучше знал местность и шел впереди.

Возле какого-то невидимого ориентира он остановился. Подождал майора. Сказал одними губами:

— Двести метров правей, в камышах, моряки.

— Пошли.

Они неслышно спустились к реке. Волны ударились о берег и рассыпались у самых ног. В маленьком заливчике едва разглядели замаскированный катер. Сразу впереди раздался условный сигнал. Старшина ответил. Тогда старший наряда внезапно появился перед майором. Серебренников узнал Шарапова. Его губы едва шевелились. Серебренников с трудом расслышал:

— Товарищ майор, на границе без происшествий. Старший наряда — старшина первой статьи Шарапов.

— А где младший наряда? — так же тихо спросил Серебренников.

Вахид свистнул, подражая какой-то ночной птице.

За спиной Серебренникова зашевелился камыш.

— Старший матрос Кошевник.

— Хорошо, — сказал майор. — Продолжайте службу.

— Есть!

И сразу наряд растворился, словно его здесь никогда и не было.

Пологалов повел Серебренникова дальше.

Комары не отставали. Их гудение становилось злей. Теперь они кружили над головой слипшимся комком. Самые отчаянные все-таки жалили.

Старшина время от времени освещал землю. Признаков нарушения границы не было.

В камышах захрюкал кабан, испугнул фазаний выводок.

Пологалов и Серебренников остановились. Долго прислушивались.

— Дальше, — наконец шепнул Серебренников.

— За поворотом — наряд, — тихо предупредил старшина.

Майор знал, что сейчас услышит хлопки. И все-таки они раздались неожиданно и не с того места, откуда он их ожидал.

Пологалов снова ответил.

Будто из-под земли вырос пограничник. Узнал Пологалова. Стал докладывать:

— Товарищ старшина...

Пологалов показал на Серебренникова, который остановился в нескольких шагах сзади.

— Докладывайте майору.

Пограничник, мягко ступая, подошел к майору.

— На границе без происшествий. Докладывает старший наряда — рядовой Бегалин.

— Продолжайте службу.

— Есть!

— Где еще наряды? — спросил Серебренников старшину.

— Один — в камышах, в стороне от дозорной тропы. Другой — в районе отдельного дерева...

Серебренников посмотрел на светящийся циферблат часов:

— Пошли к дереву. Кто там в наряде?

— Сержант Назаров и рядовой Бородуля.

...И-ишь ты, и-ишь ты! — пела река.

Бородуля давил комаров. В другой раз он не пожалеет мази и не испугается, что придет лишний раз стирать гимнастерку. Впрочем, стирать не обязательно. Можно походить и в грязной. Кто увидит?

В просвете между камышами виднелся кусочек неба. Бородуля старался не смотреть в эту сторону, потому что неприятное ощущение от будто бы снижающихся звезд еще не прошло.

Потом у него затекли ноги. Он расправил их, и сразу зашуршали камыши, словно повеяло ветром.

К Бородуле подполз старший наряда.

— Лежи тихо. Слушай.

— Что слушать?

— Ночь слушай. И не шевелись. Ясно?

— Ясно.

— Тише говори.

— Я тихо.

— Не забудь: если кто-нибудь пойдет от границы — я пропускаю, а ты подаешь опознавательный знак. Если пойдет с тыла — пропускаешь ты и не допускаешь безнаказанного отхода. Ясно?

— Ясно.

Назаров отполз. Бородуля знал, что он где-то тут, рядом, но чувствовал себя неуверенно. Надо было взять себя в руки. Что он — грус, в самом деле? Подумаешь, звезды... Ну, звезды, как звезды. Вот сейчас поднимет голову и увидит Большую Медведицу. Семизвездный ковш. Это всё, что он знал по астрономии. Большую Медведицу он часто наблюдал дома, когда отправлялся с ребятами в ночное.

Он увидел над собой звездное небо — огненное, громадное, но сколько ни всматривался, не мог различить Большую Медведицу. Все звезды были незнакомые. И чем больше вглядывался в них Бородуля, тем страшнее ему становилось. На самом деле: куда девалась Большая Медведица?

Бородуля прижался к земле и закрыл глаза.

Не думать о звездах... Не думать о звездах... Вообще ни о чем не думать!..

Так он лежал долго. И вдруг на какое-то мгновение сознание отключилось. Бородуля

словно провалился куда-то. А на него шла Большая Медведица.

Он испуганно вскинул веки. Определенно на него кто-то шел.

Небо стреляло звездами и прижимало к земле. Хотелось отползти подальше в камыши и спрятаться. Ноги налились свинцом, не слушались. Тогда он снова закрыл глаза и сдавил голову руками.

— Рядовой Бородуля!

Что происходит?!

— Бородуля, встать!

— Стой, кто идет?! — отчаянно крикнул он и щелкнул затвором.

Кто-то отвел дуло карабина в сторону.

— Этим не шутят.

Бородуля, наконец, увидел, что рядом стоит майор Серебренников. Это он отвел карабин в сторону.

Бородуля вскочил на ноги.

— Товарищ майор, товарищ майор!.. — как в бреду бормотал он.

— Спал, Бородуля? — спросил майор, отпуская карабин. — Поставь на предохранитель.

— Он испугался...

Это говорил Назаров.

Старшина Пологалов молчал.

Бородуля вдруг понял всю нелепость своего положения и похолодел.

— Я не испугался.

— Так что же? — тихо спросил майор.

— Я за... маза... скировался, — голос у Бородули дрожал.

— ЧП, — вздохнул старшина.

— На заставе разберемся,— медленно произнес Серебренников.

Вскоре подошел наряд соседей, и майор узнал полковника Заозерного.

Серебренников доложил, что наряды несут службу бдительно, кроме одного.

Полковник слушал хмуро, и Серебренников представил себе, как пульсирует бугорок над его бровью.

— Бородуля — трудный солдат, — сказал Серебренников, — но я уверен: сегодняшней случай послужит ему уроком.

— Возможно, — согласился Заозерный. — Но за него отвечаете вы лично.

— Есть!

— У вас всё?

— Как вам сказать... — Разговаривали по-прежнему шопотом. — Меня капитан Ярцев беспокоит.

— Ярцев? В чем дело?

— Взынченный он, недовольный.

— А как на заставе?

— На заставе порядок.

— Ярцев — лучший начальник.

— Я знаю.

— Может быть, его расстроило, что не перевели в штаб?

Серебренников пожал плечами:

— А, может быть, он устал?

Заозерный поморщился:

— Я бы давно прислал ему офицера, да замучили разные сборы. Что поделывать, и в округе перебарщивают. — Он посмотрел на Серебренникова. — Вы — секретарь парткомиссии, вот и занялись бы этим. Через политотдел,

— А вы? — вопросом на вопрос ответил Серебренников.

Заозерный махнул рукой:

— Мне некогда. На плечах — граница.

Он помолчал.

— Ярцев — удивительно... Вот уж за кого я был совершенно спокоен... Разберитесь, Владимир Михайлович.

— Попробую, — ответил Серебренников.

ТРЕВОГА

В комнате было душно. Затянутые марлей окна почти не пропускали воздуха. Но москиты пробивались сквозь густую сетку, жалили и ускользали из-под пальцев.

Лариса — жена Ярцева — сидела возле детских кроваток, отгоняла москитов.

Ярцеву не спалось. Он лежал с открытыми глазами. Думал. Заместителя нет, а одному все-таки трудно работать. Устал и едва сдерживает раздражение. А тут еще это письмо от друга.

Так, может быть, придти в политотдел, к тому же майору Серебренникову, и сказать:

«Товарищ секретарь партийной комиссии, я — коммунист Ярцев — считаю, что со мной поступают неправильно...»

— Пора, Коленька, вставай!

Ему не хотелось отвечать.

— Коля, ты слышишь?

Лариса подошла к мужу и, увидев, что он лежит с открытыми глазами, спросила озабоченно:

— Ты заболел?

Он отвел ее руку. Встал. Посмотрел на часы. Через пятнадцать минут нужно было высылать на границу очередной наряд.

— Ты обязательно ложись,—сказал он ей.— Так ведь можно известись.

Во сне заворочался Славик.

— Видишь? — ответила она тихо.— Как же я лягу? — и на цыпочках подошла к сыну.

В дверь постучал дежурный.

— Иду! — сказал капитан, поправляя портупею.

Он проинструктировал наряд и остался в канцелярии. Скоро должен был вернуться с границы майор Серебренников. Ложиться не стоило.

Освещенная слабым светом, длинная, узкая комната показалась чужой и неудобной.

«А ведь недавно мне здесь нравилось! — подумал Ярцев.— Сейчас вернется Серебренников, и я с ним поговорю,— решил он, склоняясь над зашифрованной картой.— Нет, лучше поговорю после».

Он знал наизусть, где сейчас пограничные наряды и был уверен, что участок перекрыт полностью. Однако не мешало еще раз проверить. Будет спокойней...

«Надо поговорить с майором сейчас. Зачем откладывать? — И вдруг рассердился на себя.— А не пахивает ли это карьеризмом, товарищ Ярцев? — Он вздохнул:— Ну, какой же это карьеризм, если сами предлагают!.. — и махнул рукой: — Черт знает что!..».

Он ждал Серебренникова.

Майор вошел недовольный.

Старшина Пологалов тоже был подавлен, теребил пуговицу.

— Что случилось? — спросил Ярцев.

— ЧП! — объяснил старшина.

Ярцев насторожился.

— Сон на границе, — сказал Серебренников.

«Опять ЧП!» — расстроился Ярцев и произнес резко:

— Конечно, это только у политработников биография без сучка и задоринки. А у нашего брата, простых смертных, обязательно что-нибудь случается.

— Вы устали, капитан, — миролюбиво заметил Серебренников.

— Нет, — упрямо возразил Ярцев.

— Разрешите быть свободным? — спросил Пологалов, чувствуя, что в данный момент ему лучше удалиться.

— Пожалуйста, — ответил майор и, когда остался вдвоем с Ярцевым, повторил убежденно:

— Вы устали, Николай Павлович, и говорите не то, что думаете.

Ярцев отвернулся к столу, и снова в глаза бросилось злополучное письмо. Он с досадой взял его и хотел порвать, но вместо этого протянул Серебренникову:

— Пишет друг, комендант участка... А ведь мы вместе кончали училище!.. «Как ты?» — спрашивает? — Ярцев осекся. Не так он хотел разговаривать с Серебренниковым.

«Значит, я ошибся, — подумал майор. — Ярцеву надоела застава», — но убежденности не почувствовал.

Кто будет спорить, что судьба границы решается на заставе?

Никто!

Застава — самое важное звено в пограничной службе. Значит, это звено должно быть укреплено надежными опытными кадрами.

Вот почему Серебренников не разделял мнения тех, кто во что бы то ни стало хотел перевести Ярцева на штабную работу.

У каждого свой талант. Ярцев — прирожденный начальник заставы. Пусть себе служит здесь и нечего смущать его всякими обещаниями.

Серебренников был близок к истине. Он словно подслушал, о чем размышлял капитан.

А Ярцев переживал:

«Ну, почему, почему все только обещают мне и ничего не делают?» — это была упрямая, горькая мысль. Она сверлила и сверлила мозг, лишая покоя.

Ярцев с обидой смотрел на Серебренникова.

«Сейчас скажу: хватит!.. Я больше не останусь здесь! — И вдруг почувствовал, что не скажет, потому что любит заставу. — Так чего же я хочу? — растерялся он и вспомнил ЧП. — Если уйду с заставы, никаких ЧП для меня больше не будет. — И сам себя перебил: — Глупости я говорю!»..

— ЧП, ЧП! — произнес он вслух.

— Что касается ЧП, — неожиданно подхватил Серебренников, — давайте поделим ответственность.

— Почему? — без особого энтузиазма спросил Ярцев,

— Это я предложил перевести Бородулю к вам на заставу.

— Разве я боюсь ответственности? — недовольно произнес Ярцев. — Просто всё надоело.

— Опять вы говорите не то. — Серебренников понимал: сейчас продолжать разговор не следует (Ярцев был слишком взволнован) и пошел отдыхать. У дверей задержался:

— А ведь вы рождены для заставы, Николай Павлович, — сказал он, словно рассуждая вслух. — Или всё-таки настаивать на вашем переводе?..

Ярцев обхватил голову руками и молчал.

Остаток ночи Серебренников решил провести на крыше. Это место ему предложил Пологалов. В казарме душно, не уснешь. А крыша — плоская, прочная, обжитая ветром.

Серебренников поднялся по пожарной лестнице на крышу и расстелил плащ. Только теперь почувствовалась усталость.

Майор лежал на спине. Прямо над ним в полосе Млечного пути ярким четырехугольником повисло созвездие Лебедя.

Серебренников чуть повернул голову и увидел на юго-востоке другой четырехугольник — созвездие Кита. На границе оно яркое, а на Урале, где прошло его детство, почти незаметно. Зато там в полнеба шагает Большая Медведица, а здесь, прижатая к горизонту, подернулась мглой, особенно во второй половине ночи.

Вот так же читал Серебренников звезды в октябре сорок первого года.

Свердловск. Леденящая ночь. Тусклые огни

семафоров. Попыхивающие «буржуйками» пульманы. И рядом — женщина — родная, близкая — его жена, с закутанным в одеяло Юриком.

— Я боюсь, боюсь! — горячо шепчет она. — Ну, как я буду одна?

Он успокаивает, тревожно поглядывая на сына. Юрик ворочается, кряхтит. Хочет высвободить ручонки. Он — как медвежонок, и таким запомнил его Серебренников на всю жизнь.

Таким он видел его под Яхромой, в ночь, освещенную взрывами, когда шли в наступление.

Таким представлял его себе в Карабановском госпитале, где лежал контуженный, с перебитой ногой.

Таким видел сына на Юхновском направлении, командуя отделением противотанковых ружей. Потом — когда ходил в разведку и снова попал в госпиталь. И снова думы о сыне. Обязательно хотел выжить, чтобы увидеть его и жену. Обнять их. Пожалеть. Сколько вынесли они за эти тяжелые годы. Как терпеливо и мужественно ждали его!

В это ему тогда очень хотелось верить...

Серебренников не мог уснуть.

Справа виднелись огни поселка. Ветер замыкал провода, и лампочки на столбах то гасли, то вспыхивали, будто затеяли игру.

Отражение береговых огней жгутом переклестывало реку.

Из Реги-равона вырвался сноп лучей. Бреющим полетом заскользил по земле.

«Как падающая звезда!» — подумал Сереб-

ренников. Он знал, что это локомотив узкоколейки.

И вдруг Серебренников почувствовал, какую боль принесли ему в запальчивости сказанные Ярцевым слова о том, что лишь у политработников биография без сучка и задоринки...

Сон навалился тяжелый.

Серебренников увидел себя в Свердловске, по пути в военно-политическое училище.

Жены нет дома.

Сейчас она должна придти с работы.

Сейчас они встретятся.

Под чьими-то ногами весело запели ступеньки. Он знал, что это она. Тихо окликнул.

Она прислонилась к стене:

— Ты?!

Он потянулся к ней истосковавшимися руками, стал покрывать поцелуями ее глаза, губы, шею — и обо всем на свете забыл. Но она отстранилась:

— Ты жив?

Он посмотрел на нее с недоумением:

— Как видишь, жив...

И снова затемненный вокзал. Много недосказанного. Болезненно сжавшееся сердце. Рядом — женщина — чужая, холодная.

Вагоны вздрагивают. Колеса прилипли к рельсам, буксуют. Пыхтит паровоз:

Рас-ста-ем-ся... Рас-ста-ем-ся! Рас-ста-ем-ся!..

Вагоны катятся быстрее. Захлебываются в неудержимом ритме:

На сов-сем... На сов-сем!

Рас-ста-ем-ся... Рас-ста-ем-ся... Рас-ста-ем-ся на сов-сем!..

Резкий толчок вскидывает Серебренникова. Крушение!..

Он просыпается и не сразу соображает, что на крыше.

Гудит ветер.

Небо все еще в звездах. Значит ночь продолжается. Звезды подернуты дымкой. Плы- вут.

Серебренников успевает заметить красную вспышку, на мгновение озарившую камышовые заросли.

И вдруг понимает: ракета!

ШАМПАНСКОЕ НА СЧАСТЬЕ

Самолет плавно оторвался от взлетной дорожки и, сделав круг над Южногорском, лег на курс. Внизу мелькнули редкие электрические огни.

Приятно было сидеть в мягком кресле и сознавать, что вот он, лейтенант Пулатов, возвращается на границу не один.

А может быть, все это сон? Может быть, самолет только снится? Вот сейчас он откроет глаза и увидит себя на санаторной койке. Рядом, отделенный тумбочкой, где всегда стояли расставленные шахматы, будет храпеть майор-дальневосточник. Сейчас...

Самолет вошел в облака. Потускнел сигнальный огонек на крыле. Застывшая было стрелка высотомера, прислушалась к отстукивавшему секунды часам и бросилась догонять их.

Лейтенант ощутил слабое пожатие. Нет, это не сон. Людмила летит с ним. Он сжимает ее

руку, слышит ее дыхание, видит ее немножко испуганные глаза. Она — первый раз в самолете. Первый раз так далеко и, наверно, надолго уезжает из дому. Она еще не привыкла к мысли, что замужем. И ему, Пулатову, тоже не верится, что рядом не просто соседка, а его, самая настоящая, жена.

Где-то внизу, под облаками, бежит электричка. В полупустом вагоне, также прижавшись друг к другу, мчатся навстречу судьбе капитан с вьющейся шевелюрой и девушка, очень похожая на Людмилу — ее сестра.

Лейтенант думает о Горском. Это он помог им сыграть свадьбу. Он и Василий Васильевич, стареющий парикмахер, сосед Людмилы, Горский тоже хотел жениться, но Василий Васильевич заявил: вначале надо выдать замуж старшую.

Горский умолял лейтенанта:

— Ведь ты любишь ее. Любишь. Так женись! А затем — я.

— Я-то люблю, — смутился Пулатов. — А Людмила?

— Любит, любит! — сказал обрадованный Горский.

— Ладно, — согласился Пулатов. Он совсем потерял голову. Потом — ЗАГС, оформление документов в пограничную зону...

Солнце ударило в хвост самолета, провело золотистую линию вдоль фюзеляжа. Такие же золотистые полосы — на бокалах в дорожном ресторане южногорского аэровокзала. Из этих бокалов перед вылетом они распили бутылку шампанского на счастье.

... И вот уже позади Ташкент. Теперь оста-

лось лететь немного. Небо васильковое, чистое. Самолет рассекает его могучими крыльями. Пропеллеры слились в прозрачный круг.

Потом, где-то за Сыр-Дарьёй, к самолету потянулись горы. Он равнодушно плыл над ними, не забираясь выше и не меняя курса.

Тогда горы отступили, и взору открылась цветущая долина.

Кряжистые вершины издали ревниво следили за самолетом. Он летел над обширными хлопковыми полями, дышал ароматом урюковых садов, заглядывался на созревающий виноград.

— Смотри, Люся-хон,— заволновался Пулатов,— вот моя родина.

Она прильнула к стеклу.

Маленький юркий самолетик где-то далеко внизу привидением скользил по зеленым полям, проходил сквозь здания, скашивал деревья. Он никак не хотел отстать от большой белокрылой птицы и старательно повторял все ее движения.

Людмила смотрела на этот невесомый самолетик, который точно фиксировал ее внимание на самом интересном.

Вот он побежал полем, перегнал один трактор и потянулся за другим.

Вот пронесся тенистой улицей поселка и, раздвинув листву, открыл длинный ряд аккуратных белых домиков.

Сверкнула шустрая змейка реки, выгнула спину горбатым мостом и растворилась среди кустарника.

Затем, рядом с заводскими трубами, выросли огромные бунты хлопка. Людмиле захоте-

лось поближе рассмотреть их. И, словно угадав ее желание, самолет снизился.

Она видела, как залитое солнцем поле заиграло вдруг всеми цветами радуги, и невольно зажмурилась.

Она забыла, что находится в самолете. А Пулатов ревниво следил за ней и ждал, когда она посмотрит на него.

Она, наконец, вспомнила, что он рядом. Он увидел в ее глазах восхищение.

— Я тебе расскажу! — радостно заговорил он. — Вот эта рубаша — из хлопка... И гарнитоль. И марля. И линолеум. И клей для обуви... Да что клей! А небьющиеся искусственные стекла... Переплеты книг... Лак, которым покрывают кузова легковых автомобилей... Подумаешь, лак!.. А дамские туфли из ворсиста — искусственной кожи? Ну, и само собой разумеется, порох, вата, тончайшая бумага для папирос... Покрышки для автомашин — всё это из хлопка.

— И ацетатный шелк, — подсказала она нежно, — ты забыл...

Конечно, она — ботаник, и ей хорошо известно, что делают из хлопка, но всё-таки он хотел ее удивить:

— Ладно. А вот по морю несется торпедный катер. Его корпус сделан из очень прочного материала. Из чего, как ты думаешь?

Она пожала плечами.

— Ты правда не знаешь?

— Правда.

— Из текстолита!

Она невольно улыбнулась его горячности. Но он воспринял это по-своему:

— Ты мне не веришь?

— Верю, конечно.

Он взял ее за руки.

— Но ведь сырьем для создания сверхтвердых пластин текстолита тоже послужил хлопок... Вот почему мы считаем его своим национальным богатством.

...А самолет летел дальше, и вдруг ландшафт изменился. Теперь под крылом лежали пески, безжизненные, суровые, как застывшая лава.

Людмила закрыла глаза.

Пулатов окликнул ее, когда вновь начались сады.

Блеснула на солнце железная крыша. Одна, другая, третья. И снова густые кроны деревьев. Портальные краны. Опять — блестящая крыша... Краны. Деревья. Крыши. Заводские трубы... Краны... Тополевая аллея. Крыши...

Людмиле стало плохо: самолет пошел на посадку. Она откинулась в кресло. Лейтенант ласково дотронулся до ее нежных льняных волос.

— Потерпи немножко, Люсенька-хон!

Ей была приятна его забота. Вот так бы и сидеть рядом. Пусть кружится голова...

А самолет уже коснулся бетонированной площадки и бежал навстречу притаившемуся среди густой зелени аэровокзалу.

СЛЕД ОБРЫВАЕТСЯ

На заставе вспыхнули огни.

— Тревога!

Когда майор Серебренников спустился в

канцелярию, там уже находился капитан Ярцев.

— Что случилось? — спросил Серебренников.

— След!

— Едем?;

Начальник заставы кивнул и окликнул дежурного:

— Ковалдина ко мне!

— Есть!

Петр вбежал, пряча под фуражку рыжую шевелюру.

— «Амур» может идти по следу? — спросил Ярцев.

— Так точно.

— Но он давно не ходил по следу.

— Возьмет, товарищ капитан.

— Выводите.

— Есть!..

— Начальнику отряда сообщили? — спросил Серебренников.

— Сейчас выезжает, — ответил Ярцев. — И тоже со служебной собакой. Только наш путь короче. Прибудем раньше.

Снова вбежал дежурный:

— Кони поданы.

— Хорошо.

— Личный состав построен.

— Идемте, товарищ майор.

Ярцева словно подменили. Это опять был командир, у которого каждый человек и каждая секунда на учете.

— Занимать места согласно боевому расчету. Тревожные* ждут указаний. Коней под-

* Выезжающие по тревоге (спец. термин).

седлать. За меня остается старшина Пологалов.

— Я — старшина Пологалов!

— Разойдись!..

Строй пограничников рассыпался.

Поскакали втроем: Ярцев, Серебренников и Ковалдин с «Амуром» на поводке.

Ярцев думал: Моряки предупредили: образовалась мель. Чго я предпринял? Выслал к этому месту дополнительный наряд сержанта Назарова... Но как я мог отправить с ним Бородулю?.. Сон на границе... ЧП! ...Куда ведет след?..»

Назаров боялся, что Бородуля снова уснет, и залег рядом с ним, оставив удобное для наблюдения место. Теперь река за поворотом тропы была ему не видна. Назаров весь обратился в слух и заставлял слушать Бородулю.

Река шумела. Потом в ее монотонный гул вплелось сердитое рокотание мотора. Дозором шел пограничный катер. У мели катер развернулся, ощупал фарами камыши и самосплавом пошел по течению.

Теперь, пожалуй, можно было несколько минут лежать спокойно.

Назаров смотрел на притихшего Бородулю: тоже мне — воин.

— Следите за мной! — шепнул он спустя некоторое время и пополз на старое место, откуда граница отлично просматривалась.

Все спокойно.

Он вернулся к Бородуле.

— Не спишь?

Бородуля засопел.

Неожиданно налетел ветер. Разметал комариное войско. Назаров выждал немного и сполз в ложбину. Ветер трепал камыши. Ничего не видно и не слышно: сплошной гул вокруг.

Назаров решил, что в такую погоду лучше патрулировать. Подал условный сигнал. Бородуля откликнулся.

Пошли дозорной тропой к отдельному дереву. Назаров светил фонариком. И вдруг увидел едва заметные бесформенные вмятины. Он похолодел: неужели кто-то прошел?

При тщательном исследовании вмятин Назаров пришел к выводу, что они оставлены человеком, ноги которого были обмотаны тряпками. На рыхлой земле кое-где сохранился бледный узор ткани.

Назаров достал сигнальный пистолет и выстрелил...

Капитан Ярцев соскочил с коня. Склонился над следом.

След несомненно был ухищренным.

Серебренников тоже спешился.

— Вы как считаете, товарищ майор? — спросил Ярцев.

— Очень возможно.

До реки было каких-нибудь сто метров. Каменистая почва между рекой и дозорной тропой следов не сохранила.

Младший сержант Ковалдин отдал повод своего коня Бородуле и погладил овчарку.

— След, след!

«Амур» натянул поводок, потащил вожатого за собой. Примерно в десяти метрах от обнаруженного следа Ковалдин заметил небольшую лунку диаметром в три сантиметра и показал капитану.

Начальник заставы присел на корточки перед лункой. Вскоре он уже знал, что нарушитель пользовался шестом.

Через шесть-семь метров Ковалдин обнаружил другую лунку. Еще через шесть метров — опять лунка. Должна была быть лунка и где-то перед дозорной тропой.

Сержант Назаров показал капитану поцарапанный камень. Рань-

ше он не обратил на него внимания. Камень был небольшой и, должно быть, от удара шестом сдвинулся с места.

Начальник заставы, приподняв камень, увидел под ним лунку. Вопросительно посмотрел на майора.

— Наклон лунки к границе,—подсказал Серебренников.— Если вспомнить, что тяжесть тела давит на шест больше в начале прыжка,

то, естественно, нарушитель уходил в противоположную этому наклону сторону.

Ярцев согласился:

— И был он здесь минут тридцать назад. «Значит, когда подходил катер!» — с досадой подумал Назаров.

Шест помог нарушителю незаметно преодолеть мягкий грунт и выйти на проезжую дорогу. Хорошо тренированный человек может пройти за это время четыре-пять километров.

Значит, где он сейчас: в Реги-равоне, в сторону которого потянул вожатого черногрудый «Амур», или, не доходя поселка, свернул к линии узкоколейной железной дороги? Здесь, на подъеме, поезда обычно шли медленно и нарушитель мог воспользоваться этим.

Капитан высчитал: пятнадцать минут назад в сторону районного центра прошел поезд....

Стало совсем светло, когда «Амур» уверенно вывел Ковалдина к железнодорожному полотну. Должно быть, нарушитель проходил здесь совсем недавно.

«Амур» пробежал несколько метров по шпалам и остановился возле отметки 1—400. Здесь начинался подъем и след обрывался.

Петр различил отпечаток босой ступни. Вчера в этом месте ремонтировали путь, и земля была рыхлой. Один-единственный отпечаток, но как он мог пригодиться!

Петр внимательно изучил след. Он видел словно разорванный отпечаток пятки и плюсны. Вмятины от свода стопы не было, и Петр заключил, что у неизвестного очень высокий

подъем. Подушечки концевых фаланг пальцев оставили овальные лунки. Значит, человек бежал. Левая нога у него сильнее правой. потому что прежде чем прыгнуть на платформу, он оттолкнулся левой ногой.

Ковалдин измерил стопу раздвижной металлической линейкой, которую всегда носил с собой. От центра пятки до центра подушечки второго пальца оказалось двадцать четыре с половиной сантиметра. Петр знал, что длина босой ступни человека составляет, примерно, одну седьмую часть его роста и тут же высчитал, что рост неизвестного около ста семидесяти двух сантиметров.

Ковалдин снял точный оттиск следа и стал ждать распоряжений капитана. Начальник заставы приказал обследовать полотно железной дороги до районного центра и послал с Ковалдиным еще одного пограничника.

«Амур» шел неохотно. Он потерял след. Петр подбадривал его.

Рельсы блестящим пояском петляли среди барханов. Солнце поднималось все выше. Жизнь вокруг затаилась. Пески поражали однообразием. Река, оставшись правей, скрылась за барханами. Почерневшие столбы уныло повторяли извилины пути. Было непонятно, почему они не шли напрямик, а словно конвоировали железную дорогу.

Стало припекать. Петр беспокойно следил за овчаркой. Они прошли уже несколько километров с начала преследования и, конечно, «Амур» устал.

За очередным барханом показалась чахлая джида. Она протянула к наряду рахитичные

ветви с изъеденными листочками. Узкая полоска тени легла под ноги. «Амур» словно споткнулся об нее и застыл, наострив уши.

Ковалдин ослабил поводок. Овчарка рванулась и, обогнув джиду, стала разгребать лапами песок. Петр хмурился, но не мешал. «Амур» пританцовывал и лаял. Ковалдин увидел черепаху. Значит овчарка окончательно потеряла след. Он снова вывел ее на полотно.

— След, след!

«Амур», казалось, не понимал, чего от него хотят: он безразлично трусил по шпалам.

Еще через полтора километра дорога, резко изменив направление, стала спускаться в оазис. Навстречу встали урюковые сады. Рельсы пересекли мост через головной арык и, выгнувшись скобой, побежали к семафору.

Ковалдин увидел неуклюжие пакгаузы с метровыми буквами на побеленных стенах: «НЕ КУРИТЬ!» — и затерявшееся среди них приземистое здание вокзала. На первом пути стоял поезд, оцепленный пограничниками.

Начальник заставы приехал на станцию ближней дорогой и поджидал Ковалдина.

Полковник Заозерный остался на заставе Ярцева, чтобы руководить общими действиями пограничников.

Наряды плотно закрыли границу, и нарушитель не мог вернуться за кордон.

На помощь заставам торопились вспомогательные подразделения, которые по приказанию полковника выслал отряд. Они должны были оцепить район, где скрывался неизвестный.

Майора Серебренникова Заозерный направил в поселковый Совет поднять активистов.

Старший сержант Боярун—лучший инструктор службы собак—прорабатывал тот же след. Его «Дозор», как и «Амур», вскоре достиг железнодорожного полотна и остановился: след исчез.

Боярун знал, что за несколько минут до него по линии узкоколейки прошел Ковалдин.

— Что же,— решил он.— Пойдем и мы.

Рядом с начальником заставы стояли дежурный по станции, кондуктор Ахмедов и водитель мотовоза.

Дежурный нервничал: поезд задерживался.

Кондуктор чувствовал себя виноватым. Он один обслуживал состав и перед отправлением решил ехать не в последнем тамбуре, как обычно, а на третьей от мотовоза платформе, где был особенно ценный груз.

— Очень ценный,— подтвердил дежурный по станции.

Ахмедов виновато крутил черные, загнутые кверху усы.

Первичный осмотр поезда ничего не дал.

Начальник заставы уточнил:

— Вы отправились из Реги-равона в три часа пятьдесят минут?

Ахмедов закивал, придерживая короткими, толстыми пальцами сползшую на бритый затылок тюбетейку.

— В три часа сорок шесть минут,— поправил водитель мотовоза, молодой парень в ди-

намовской футболке, очень довольный, что обратил на себя внимание Ярцева.

— Почему в три часа сорок шесть минут? — спросил начальник заставы.

— А наш кондуктор всегда торопится.

— Почему все-таки в три часа сорок шесть минут? — повторил Ярцев, которого, видно, не удовлетворил такой ответ.

— Четыре лишних минуты главный дает на подъем, — водитель усмехнулся: — За четыре минуты раньше выезжаем, а на пять минут раньше времени прибываем на станцию.

— Почему?

— Машина новая. — Водитель кивнул на мотовоз. — Хорошо тянет.

«Может быть, подгонял к нарушителю?» — мелькнула мысль у Ярцева.

— Второй год езжу с ним и второй год мучаюсь, — сообщил водитель. Ему доставляло удовольствие издеваться над кондуктором.

Ахмедов вздыхал.

«Нет, он, конечно, здесь ни при чем», — думал Ярцев. Он знал, что Ахмедов — демобилизованный солдат, член партии, сын того самого Ахмеда Ниязова, который был краснопалочником* и даже, говорят, участвовал в поимке Ибрагим-бека.

Капитан повернулся к Ахмедову:

— Вы ничего подозрительного не заметили во время пути?

Ахмедов покачал головой.

* Так называли местных жителей, которые, вступив в доброотряды, боролись с басмачами.

ВЕРИТЬ ИЛИ НЕ ВЕРИТЬ

«Амур» увидел пограничников и завилял хвостом. Ковалдин взял его на короткий поводок.

Капитан Ярцев вопросительно смотрел на вожатого. Ковалдин пожал плечами. Ярцев показал на последнюю платформу, груженную станками.

По команде вожатого «Амур» легко прыгнул в открытый тамбур.

— След! — строго приказал Петр.

«Амур» послушно обнюхал тамбур. Спустился по другую сторону вагона и, оцетинившись, побежал по шпалам назад, к головному арыку.

Петр почувствовал, как отлегло от сердца: ведь он поручился за «Амура», хотя тот долгое время не ходил по следу.

Начальник заставы разрешил дежурному по станции отправлять поезд и догнал вожатого.

У железнодорожной будки «Амур» свернул вправо, к развилке дорог. Не останавливаясь, потянул к поселку. Бросился к газетной витрине возле районной типографии. Обнюхал скамейку под витриной и встал на нее передними лапами.

Капитан Ярцев заметил, что угол вчерашней газеты, вставленной в витрину, оборван. Он снял газету и протянул «Амуру». Овчарка зарычала, перепрыгнула через скамейку. Припадая к земле, понеслась дальше, увлекая за собой пограничников.

Не обращая внимания на редких прохожих, «Амур» бежал напрямик, заставляя их шара-

хаться в сторону. Он тихонько повизгивал. Теперь Петр верил, что овчарка бежит по свежему следу.

Слегка замешкавшись на площади перед кинотеатром, «Амур» рванулся через дорогу, ткнулся мордой в закрытую на щеколду калитку и яростно залаял.

— Гостиница? — удивился Ковалдин.

«Амур» действительно привел их к воротам гостиницы.

— Откройте!

По тополевой аллейке уже бежала перепуганная дежурная.

— Да сейчас, сейчас!

«Амур» чуть не сбил ее с ног и, снова повизгивая, устремился к длинному п-образному зданию, где размещалась гостиница.

— Кто-нибудь заходил? — успел спросить у дежурной капитан Ярцев.

Она развела руками: не видела.

Ярцев побежал за Ковалдиным.

«Амур» влетел на крыльцо, сунулся носом в дверь. Застыл, приподняв переднюю лапу.

— Вперед! — Ковалдин показал на дверь.

«Амур» жадно втянул в себя воздух. Спрыгнул с крыльца и обогнул здание. Подлетел к приоткрытой фанерной двери с аккуратной дощечкой: «КВАРТИРА». Замер, ожидая приказа. Ковалдин придержал овчарку.

Капитан Ярцев стоял рядом с пистолетом в руке. Он знал, что это квартира Ефремовых.

— Вперед! — Ярцев ногой распахнул дверь.

За столом сидел водитель автопогрузчика.

— Встать, руки вверх!

Ефремов побледнел. Послушно поднял руки. Проснулись и заплакали дети. Старшие, сбившись в угол, испуганно смотрели на пограничников.

— Вывести детей,— спокойно и, как показалось Ковалдину, даже ласково распорядился Ярцев.

Старшая дочь Ефремовых — десятиклассница (от первого брака жены) — решила, что это относится к ней и повела своих многочисленных братишек и сестренку на улицу.

Ковалдин с «Амуром», который упорно рвался к Ефремову, остался у дверей. Капитан Ярцев привычно обыскал Ефремова. Оружия у того не было.

— Сядьте.

Ефремов сел. В глазах застыло выражение тоски.

— Опустите руки.

Ефремов положил руки на стол. Шелушащиеся, мозолистые руки с ободранными ногтями дрожали. Он хотел сцепить пальцы, чтобы унять дрожь, но пальцы ускользали, не слушались.

— Прошу отвечать на вопросы.

Ефремов кивнул.

Ярцев отодвинул стул. Сел напротив. Конечно, он знал прошлое Ефремова...

Сколько раз начальник КПП говорил ему, что Ефремову нельзя верить. Значит Мансуров прав: овчарка привела к Ефремову!.. И почему вдруг Ефремов оказался в районном центре?

Ярцев приступил к опросу:

- Когда вы сюда приехали?
- Ночью.
- Точнее.
- На рассвете... Поездом.
- Где ехали?
- На последней платформе.
- Кто вас видел?
- Никто.
- Почему?
- Я опаздывал и вскочил уже на ходу. Кондуктора на платформе не было.
- А пограничников видели?
- Видел.
- А они вас?
- Не знаю.
- Где человек, с которым вы встретились на отметке 1—400?
- Я ни с кем не встречался.

Водитель автопогрузчика сидел перед капитаном усталый и жалкий. Он был в той самой майке, в которой его привыкли видеть на пристани.

Что-то дрогнуло в сердце капитана, но он продолжал опрос.

— Я советую говорить правду.

Ефремов снова кивнул.

— Так где же человек, с которым вы встретились?

— Не встречался,— через силу выдавил Ефремов.

— Вы ехали в тамбуре последней платформы? — повторил Ярцев.

Чуть заметный кивок.

— А ведь у знака 1—400 на эту платформу вскочил человек.

Ефремов молчал.

— Где он? — Ярцев смотрел пристально.

— Я никого не видел.

— Ложь!

— Не видел, — упавшим голосом повторил Ефремов.

— Вы сами понимаете, что этого не может быть, — Ярцев старался говорить спокойно.

— Не видел.

— Повторим сначала. Вы ехали в тамбуре последней платформы?

Ефремов кивнул.

— Человек, которого мы ищем, тоже вскочил на эту платформу. Как же вы могли его не заметить?

Ефремова било, точно в лихорадке.

— Отвечайте.

Молчание.

— Ну, хорошо... Зачем вдруг вам понадобилось ночью ехать в райцентр?

— Домой...

— Что домой?

— Я ехал домой.

— Почему так спешно?

— Вспомнил... — Ефремов говорил с трудом.

— Что вспомнил?

Ефремов потянулся за водой. Стакан стоял на краю стола, и Ефремов случайно опрокинул его. Осколки рассыпались по полу. Он вдруг упал грудью на стол и затрясся в беззвучных рыданиях.

— Успокойтесь! — глухо сказал Ярцев.

Только теперь он как следует разглядел комнату. Два окна, занавешенных марлей. Между

ними — никелированная кровать, аккуратно заправленная.

«Этой ночью на нее не ложились», — подумал Ярцев.

Рядом — другая кровать, с сеткой, на деревянных качающихся ножках, должно быть, для Ефремова-младшего. Возле стены напротив — три кровати, сдвинутые вместе. Дальше — шифоньер и снова кровать. Казалось, вся комната заставлена кроватями. Впрочем, как же иначе разместить всех? Сколько у Ефремова детей? Семь или восемь?.. Сейчас они где-то на улице — испуганные, растерянные...

Ковалдин всё еще стоял у дверей, сдерживая «Амура».

Ярцеву стало не по себе. А если Ефремов не виноват? Но ведь овчарка привела к нему. И он не отказывается, что ехал в последнем тамбуре.

Как же он мог отказаться, если «Амур» привел сюда?

Капитан заметил на полу возле дверей эмалированное ведро, а на подоконнике кружку. Встал и зачерпнул воду. Протянул кружку Ефремову.

— Пейте.

Ефремов взял кружку. Зубы стучали.

— Вы можете отвечать? — спросил Ярцев, опять сядя напротив.

Ефремов кивнул.

— Итак, что же вы вспомнили?

— Я вспомнил... — Он говорил тяжело. — Вспомнил, что у Надежды... жены, значит... рождение... Сегодня... Все время помнил. А тут забыл... И вдруг опять вспомнил...

Ефремов остановился. Спазмы сжимали горло. Он отпил воду.

— Вспомнил и решил приехать... Поздравить.

Он говорил тихо, одними губами. Ярцеву пришлось наклониться к нему.

— Дальше.

— Я знал, что в три часа пятьдесят минут со станции отправится поезд...

— Ну?

— А в семь десять из райцентра пойдет в Реги-равон... Вот и решил поехать...

— Зачем? — повторил начальник заставы.

— Рождение у жены.

Ярцев вдруг спохватился:

— Кстати, где же она?

Ефремов молчал.

— Так где же?

— Ее не было дома.

— Ну? — допытывался Ярцев.

— Я хотел спросить у дежурной и пошел в гостиницу. Но дверь была заперта. Тогда я вернулся.— Ефремов говорил через силу.

«Вот почему «Амур» вначале потянул к гостинице!» — подумал Ярцев.

— С вокзала вы прямо пошли домой?

Ефремов кивнул.

— И никуда не заходили?

Снова кивок.

— Дальше?

Ефремов преданно смотрел на Ярцева.

«Черт знает что,— подумал капитан.— Ему хочется верить!»

— Расскажите подробно, как вы шли домой,— спросил он, насупившись.

Ефремов задумался:

— По шпалам до буд-
ки...

Пауза.

— Потом... в поселок...

Опять пауза.

— Я не знаю, что го-
ворить. — В глазах —
безысходность. И вдруг —
луч надежды. Произнес
скороговоркой, точно об-
радовался, что вспомнил:

— Страшно захотелось курить. Была ма-
хорка... С фронта предпочитаю махорку. — Он
вспомнил фронт и, наверное, вспомнил плен.
вздыхнул: — Возле типографии в витрине отор-
вал кусочек газеты...

«Все эти мелкие подробности он говорит для
того, чтобы поверили, — подумал Ярцев. — А
как же нарушитель?».

— Тот, с которым вы встретились, тоже лю-
бит махорку?

Успокоившиеся было руки Ефремова опять
задрожали.

— Клянусь детьми, я никого не видел.

— Ефремов, говорите правду.

Тяжелый вздох.

Ярцев начал терять терпение.

— В таком случае я вынужден вас задер-
жать. Встать, Ефремов!

Испуг в глазах Ефремова.

— Вы... поведете меня... под... конвоем?

— Конечно, под конвоем.

И вдруг удивительная решимость:

— Хорошо, только одна просьба, товарищ капитан.

— Просьба? — Ярцев насторожился.

«Амур» зарычал.

— Фу! — одернул его Ковалдин. У него затекли ноги. Обрадовался, что сейчас пойдут на заставу. Он свое дело сделал.

— Я не сбегу... Вы знаете! — Ефремов говорил четко, и голос окреп. — Пожалуйста, когда пойдем по двору, мимо детей, сделайте вид, что ничего не произошло.

— Хорошо, — невольно ответил капитан, зная, что нарушит инструкцию.

— И по поселку, если можно... Я не виноват, вот увидите...

Ярцеву стало жарко.

— Сядьте, Ефремов.

Ефремов послушно сел и сразу безвольно опустил руки, будто израсходовал все свое мужество.

Ярцев сказал Ковалдину:

— Следите... — Он хотел сказать «за арестованным», но не смог. — Я сейчас вернусь.

У дежурной по гостинице Ярцев узнал, что жена Ефремова второй день на совещании в столице республики. Сегодня должна вернуться. Он попросил дежурную выйти и через коммутатор связался с полковником. Заозерный приказал выезжать на заставу. Ефремова захватить с собой.

чужой

Хорошо живется на свете, когда есть верные друзья — «Пахта» и «Хунук». «Пахта» — сред-

неазиатская овчарка с рыжей короткой шерстью. «Хунук» — неопределенной породы, с широкой черной грудью и длинными лапами в белых чулках. Косматая морда смахивает на пуделя. Глаз выбит. Может быть, потому называли его «Хунук».*

«Пахта» и «Хунук» знают свое дело: хозяйским рыком сгоняют овец в укрытие.

Словно облитый керосином, весело потрескивает кизяк. В котле жарится мясо, перемешанное с луком и морковью. Конечно, это еще не плов, но кто может сказать, что плохой ужин?

Время позднее. Таир, молодой чабан, деревянной ложкой отодвигает крышку.

Кряхтя, к котлу подходит старый Хол. На ладони — хрустящая лепешка — фатир — из пресного теста.

На почтительном расстоянии от чабанов — псы. Ждут и облизываются. «Пахта» не выдерживает, скулит.

— А, саг**! — Таир кидает кость. «Пахта» и «Хунук» бросаются к ней. «Пахта» — на долю секунды раньше. Подхватывает кость и рычит. «Хунук» выражает свое неудовольствие громким лаем.

— Хэ! — восклицает старый Хол и тоже бросает кость. «Хунук» подхватывает.

Невидимый за барханами, плывет катер.

Хол прислушивается. Любит он тихую ночь. Бледное пламя костра. Яркие звезды. Крепкий нас.***

* Здесь: некрасивый.

** Собака.

*** Жевательный табак.

Костёр догорает.

Медленно тянется ночь.

Старый Хол ложится и закрывает глаза.

Таир тоже начинает дремать, время от времени покрикивая на «Пахту» и «Хунука», если они слишком громко лают.

За сопками торопится поезд.

«Пахта» и «Хунук» воют возле самого уха.

Старый Хол накрывает голову стеганым халатом.

Молодой чабан спит, широко разбросав руки. Здесь, за барханами, почти нет комаров, и сны сладкие, особенно под утро.

Стариковский сон чуток. Хол слышит, как возвращается катер. Потом идет поезд. И опять — шум винтов... Но в предрассветный час и ему хочется спать. А тут вдруг словно с цепи сорвались «Пахта» и «Хунук».

Где-то за барханами тормозит поезд. Уж не на него ли тявкают проклятые псы?

Лай смолкает. Затем звучит еще яростней, за кошарой.

Старик будит помощника — всё-таки рядом граница.

Таир лежит с открытыми глазами. Вставать не хочется. Ну, чего тявкают?

Тревожно заблеяли овцы.

— Э, йигит! * — настаивает старый Хол.

Таир встает. Подходит к воротам. Заглядывает в кошару. Овцы мечутся. Попробуй разберись, в чем тут дело?

«Пахта» и «Хунук» хрипнут от лая. Лезут на глинобитную стену.

* Парень.

— А, саг! — в сердцах ругается молодой чабан и швыряет в них кауши.*

Псы обиженно умолкают.

Овцы в кошаре успокаиваются.

— Ну вот, — бормочет Таир. — Давно бы так.

Он с трудом отыскивает кауши и надевает на босые ноги.

— Смотри! — вдруг окликает его старый Хол.

Таир видит, как в небе разрывается ракета. Многозначительно переглядывается с Холом.

Примерно через два километра от отметки 1—400, где рельсы делали очередной поворот, «Дозор» насторожился. Он сошел с рельс и нерешительно остановился возле едва заметного отпечатка следа, оставленного человеком, обутом в кауши.

«Чабан! — решил старший сержант Боярун. — Но почему не заметно, что прошла отара? И почему след ведет к барханам, если утром отара обычно направляется к реке?»

Он стал искать начало следа. Пересек рельсы. Вернулся по шпалам назад. Нет, дальше следа нет. Значит, это прошел нарушитель. Он, должно быть, надел кауши, чтобы сбить пограничников со следа, и спрыгнул с поезда.

Складной линейкой Боярун измерил общую длину следа от заднего среза пятки до средней точки изгиба носка. Затем определил ширину подметки и каблука. Измерения записал в небольшой блокнотик и пошел по следу.

* Род местной обуви.

Отпечаток другого кауша обнаружил примерно через метр. Потом опять левый след и правый след, также на метровом расстоянии друг от друга. Ясно — человек бежал и, несомненно, это — мужчина. Отпечатки были нечеткие, а затем и вовсе пропали: занесло песком.

Боярун вернулся к первоначальному оттиску следа, прижал овчарку к себе.

— Хорошо, «Дозор», хорошо! — Ткнул пальцем в отпечаток подошвы: — А теперь — след, «Дозор», след!

Овчарка, понюхав след, вопросительно посмотрела на вожатого.

— Этот, этот след, — ласково произнес Боярун и вдруг резко скомандовал: — Вперед!

«Дозор» припал к следу.

— Вперед! — строго повторил Боярун.

Овчарка взяла след.

За одним из барханов сержант увидел кошару. Рядом, возле потухшего костра, сидел человек. Навстречу выскочили сторожевые псы.

Человек у костра повернулся, и Боярун узнал старого Хола. Чабан подзывал к себе «Пахту» и «Хунука».

— А, саг!.. Фу, фу!..

«Дозор» рвался к кошаре...

Вскоре Бояруну стало известно, что на рассвете «Пахта» и «Хунук» подняли страшный лай и тоже бросались на кошару. Потом завоновалась отара. А когда чабаны увидели ракету, догадались: в кошаре — чужой. Таир побежал на заставу. Хол же решил не выго-

нять овец из укрытия до его возвращения, чтобы не спугнуть неизвестного.

Боярун спросил:

— А потом овцы не волновались?

— Нет, — торопливо ответил старый Хол, отправляя в рот очередную порцию наса.

«Значит, неизвестный еще там», — подумал Боярун и принял решение...

Застоявшаяся отара с веселым блеянием ринулась навстречу солнцу, толкаясь и застревая в распахнутых настежь воротах.

Когда овцы освободили кошару, старый Хол выпустил туда «Пахту» и «Хунука». Они с громким лаем влетели в кошару. И в это время на противоположной стене появился старший сержант Боярун с автоматом на изготовке. Он увидел прижавшегося к стене человека с занесенным над головой ножом.

— Руки вверх!

Человек обернулся на голос, и собаки сбили его с ног.

МУХАММЕДОВ РАСКРЫВАЕТСЯ

Полковник Заозерный сидел за столом капитана Ярцева — спокойный и даже, казалось, равнодушный. Лишь бугорок над его бровью пульсировал сильнее обычного.

Рядом стоял начальник КПП, выполнял роль переводчика. До этого полковник обращался к задержанному по-русски и по-английски, но тот не понимал.

Местное наречие оказалось ему знакомым, и он охотно пояснил, что фамилия его Мухаммедов. Абдулло Мухаммедов. Бедный человек. Дехканин. Живет на том берегу. Как перешел границу — сам удивляется. Брат у него тяжело болен. Хотел навестить. Шел ночью к брату в Фирюзевар. Днем невозможно — спалит солнце, а где верблюд у бедного человека? Да, видно, заплутал. Просит отпустить домой: брат тяжело болен, единственный брат, и у него ребятишки.

— Ребятишки, говорите? — переспросил полковник.

Мансуров перевел.

— Ребятишки. Бедный человек. Отпустите. Помочь надо, — запричитал Мухаммедов.

Он знал, что ничего компрометирующего пограничники у него не нашли. Нож в брезентовом чехле, — так ведь у всех ножи!

Мухаммедов говорил быстро, не сбиваясь, точно повторял заученный урок. Он часто произносил «бедный человек», словно обязательно хотел заставить пограничников поверить в это.

Пока Заозерный не пытался направить

следствие в нужное ему русло. Он просто слушал. Нарушитель, сбитый с толку поведением полковника, старался выложить все, что ему казалось необходимым. Он предвидел возможные вопросы и хотел предотвратить их, чтобы иметь возможность отвечать по-своему.

Полковник не мешал.

Мухаммедов рассказал, как перебрался через реку. Он не думал, что это пограничная река. Та, другая, как известно, преграждает дорогу в кишлак к брату. Потом пошли пески. А ведь пески — всюду пески. И вдруг — железная дорога. Он удивился: неужели за те пять лет, что он не был у брата, среди песков проложили рельсы? И тут загудел паровоз. Он увидел вырвавшиеся из ночи огни. Огни надвигались на него. Он испугался и побежал. За барханами различил кошару. Обрадовался, что сейчас все выяснит у чабанов. Но сторожевые псы прижали к дувалу и, спасаясь от них, он очутился в кошаре. Бедному человеку всегда не везет.

— Все? — спросил полковник.

Мансуров перевел.

— Все, — торопливо ответил задержанный.

— Значит вы просите отправить вас к брату?

Мансуров снова перевел.

Задержанный радостно закивал.

— Что же, — заметил полковник, — надо подумать.

Мансуров перевел.

Задержанный прижал руки к груди в знак благодарности.

Полковник достал портсигар.

— Курите.

Мухаммедов охотно протянул руку к портсигару. Рука едва заметно дрожала. Он сидел перед полковником в помятых полотняных брюках и порванной на локтях рубаше. Подпоясывавший ее синий выцветший платок сейчас лежал на столе.

Брюки у Мухаммедова задрались. Полковник видел ступню с высоким подъемом. Еще раньше, когда только ввели задержанного, он на глаз определил, что рост его, примерно, метр семьдесят сантиметров. Значит, младший сержант Ковалдин правильно прочел след.

Мухаммедов медленно повернулся к окну. У него было смуглое лицо, покрытое каплями пота, хотя в этот ранний час еще не было жарко.

За спиной задержанного у небольшого столика сидел майор Серебренников. Вел запись. Он отодвинул в сторону приемник, чтобы удобней было писать, и старался не пропустить ни одного слова из того, что переводил Мансуров. Бессонная ночь, казалось, не отразилась на Серебренникове.

Мухаммедов смотрел в окно. Майор видел его профиль. Нос с небольшой горбинкой. Круглый, низкий подбородок. Яйцевидная бритая голова. Мухаммедову было лет тридцать пять.

Стараясь скрыть волнение, он ждал вопросов. Конечно, он был уверен, что в любом случае вопросы последуют. Заозерный и Серебренников читали его мысли: какой зададут вопрос?

Из своей многолетней практики полковник Заозерный знал, что от этого вопроса будет зависеть многое. Нужно обязательно спросить не то, к чему приготовился задержанный, и он спросил, казалось, самое безобидное:

— У вас, Мухаммедов, большая семья?

— Холост,— ответил Мухаммедов на своем родном языке.

Расчет был правильный: задержанный ответил, не дожидаясь вопроса переводчика. Полковник сделал вид, что не заметил его оплошности. Но сам Мухаммедов не мог этого скрыть. Пальцы судорожно впились в колено.

«Так, значит, вы понимаете по-русски?» — он ждал, что такой вопрос теперь обязательно задаст полковник. Используя те несколько секунд, которые Заозерный молчал, Мухаммедов силился найти лазейку, объяснить почему вдруг ответил на вопрос без переводчика. Он решил сказать, что холост, а вот у брата большая семья и надо помочь, словно не отвечал полковнику, а продолжал свой рассказ. Он так и сделал.

— Минуточку,— спокойно сказал полковник.

Мухаммедов осекся и похолодел: выходит он снова понял!

Полковник молчал. Мухаммедов понемногу начал успокаиваться. И тогда Заозерный сказал Мансурову, глядя в упор на нарушителя государственной границы:

— Свободны, товарищ старший лейтенант. Дальше мы договоримся сами.

Мансуров щелкнул каблуками и вышел.

Вероятно, если бы полковник был уверен, что перед ним опытный агент иностранной разведки, он так не поступил. Мухаммедов же, как назвал себя задержанный, несомненно, первый раз шел на ответственное задание. Теперь полковник должен был не дать нарушителю опомниться.

— Я расскажу, как вы перешли границу,— заметил он и неторопливо, шаг за шагом, восстановил весь путь нарушителя от пограничной реки к кошаре.

Мухаммедов ошалело смотрел на полковника.

— А теперь назовите свою настоящую фамилию,— как само собой разумеющееся, потребовал Заозерный.

Мухаммедов тяжело дышал.

Полковник переглянулся с Серебренниковым. После того, как Мансуров скрылся за дверью, Серебренников положил ручку и не спускал глаз с задержанного. Они с полковником думали об одном: есть ли у нарушителя яд? При обыске в одежде Мухаммедова ампулы не нашли. Но, может быть, яд не в ампуле? Полковник вспомнил: эксперта удивило, что в тканях рта утопленника, которого выловил Шарапов, не обнаружено следов, тогда как химическая судебно-медицинская экспертиза подтвердила отравление цианистым калием.

Есть ли у нарушителя яд? И где? И захочет ли он им воспользоваться? Нужно во что бы то ни стало помешать, если он предпочтет смерть.

Мухаммедов вдруг лихорадочно потянулся ко рту. В тот же миг Серебренников перехватил его руки.

— Откройте рот! — приказал полковник.

Мухаммедов замотал головой, плотно сжимая губы.

— Откройте рот! — строго повторил Заозерный, запрокидывая голову задержанного.

— Осторожно! — прохрипел Мухаммедов. — Там яд!

Он говорил по-русски.

Он хотел жить...

Полковник держал в руках металлическую коронку с пломбочкой на нитке, обработанной специальными химикатами.

Стоило сорвать пломбу, как обнажалась крохотная ампулка на дне коронки. Коронка сидела неплотно и при нажиме сдвигалась. Зуб рассекал ампулку, и яд действовал мгновенно.

«Вот почему эксперт не обнаружил следов в тканях рта утопленника!» — подумал полковник.

— Пить! — попросил Мухаммедов и дрожащими руками взял стакан. Бледность постепенно сходила с его лица. Он сделал несколько жадных глотков.

— Разрешите немного отдохнуть? — с едва заметным акцентом произнес Мухаммедов. — Я всё скажу.

Серебренников снова приготовился писать. Нарушитель закрыл глаза и некоторое время сидел не шевелясь. Так, с закрытыми глазами, он и начал рассказывать:

— Моя настоящая фамилия — Ходжиев. Умар Ходжиев... В «Си-Ай-Си»* известен еще как агент номер ...— и упавшим голосом он назвал этот номер.

Серебренников записывал.

— Вас, конечно, интересует мое задание?— Ходжиев помолчал.— Я должен был перейти границу и затеряться среди местных жителей. Ни чем не выделяться среди них. Вот видите — моя одежда...

— Продолжайте,— сказал полковник, играя портсигаром.

— Можно закурить? — агент схватил протянутую полковником папиросу и глубоко затянулся.— Я шел без оружия.

— Почему?

— Чтобы не вызвать подозрения.

— Продолжайте,— повторил полковник.

— Моя главная задача — обосноваться пограничном районе.

— Без документов?

Ходжиев сознался:

— Мне должен был передать их один человек. И деньги.

— Где встреча?

— В Энабадском ресторане. Каждый понедельник и четверг с восьми до девяти часов вечера.

— Как бы вы узнали друг друга?

— Я должен был сесть за крайний столик. Заказать чай. Ко мне подойдет человек, по-

* Контрразведывательная служба военного министерства США, занимающаяся также шпионско-диверсионной деятельностью,

кажет на чайник и произнесет следующие слова: «Запрет вина — закон, считающийся с тем, кем пьется, и когда, и много ли, и с кем. Не так ли?» В ответ надо продолжить четверостишие: «Когда соблюдены все эти оговорки, пить — признак мудрости, а не порок совсем». Это — Омар Хайям.

— Каждый понедельник и четверг, — подчеркивая слово «каждый», вставил полковник. — Значит, человек, с которым вы должны были встретиться, мог сразу и не придти?

— Почему? — возразил агент. — Это я мог задержаться.

— Допустим. Но ведь до понедельника или, скажем, четверга тоже надо прожить. Откуда вы знали, сколько придется добираться до Энабада?

— Я умею голодать.

— Почему же вас не снабдили деньгами?

— Переходить границу с деньгами — опасно.

— Ну, а если бы человек, которого вы ждали, не явился? — настаивал полковник. — Как бы вы расплачивались за чай?

Задержанный нервно закашлялся.

— Пожалуйста, говорите. — Полковник заметил, что папироса у нарушителя погасла. Протянул спички.

Ходжиев машинально взял коробок. Повертел в руках.

— Я все сказал.

— Разве у вас не было другой явки?

Ходжиев не ответил.

— И раньше вы ни с кем не должны были встретиться? — допытывался полковник.

— Когда раньше?

— До Энабада.

— Нет. До Энабада надо было добираться самому.— Ходжиев зажег спичку. Скептически оглядел свой наряд.— Вот мой «пропуск». Ну, и еще, конечно, знание языка.

— Так вы ни с кем не встречались? — полковник тоже с удовольствием бы закурил.

— Нет,— спичка в руках задержанного погасла.

— А в поезде?

— Нет.

— Вы торопились к поезду?

— Нет.

— Но вы знали, что будет поезд?

— И да и нет.

— Не понимаю.

— Мне сказали, что возможно будет поезд.

— Продолжайте.

— Если удастся — надо воспользоваться им. Если нет — постараться уйти как можно дальше.— Он, наконец, прикурил и два раза подряд затянулся.

— Куда вы дели шест? — выждав некоторое время, спросил полковник.

— Шест? — Ходжиев сбил пепел.

— Ну, да, шест, которым вы пользовались вначале,— спокойно напомнил полковник.

Агент ответил неуверенно:

— Шест был разборный. Я закопал его в песок по дороге к кошаре.— Он запнулся.

— Мы нашли.— Полковник свел брови. На самом деле шеста пока еще обнаружить не удалось.

Задержанный недоверчиво посмотрел на него.

— Шест оказался полым,— как бы рассуждая вслух, заметил полковник.

Ходжиев молчал. Заозерного вдруг осенило: в шесте — деньги. Он не верил, что нарушителя отправили через границу без денег. Больше курить не хотелось: все становилось ясным.

Агент угрюмо мял в руках коробок.

— Вернемся к поезду,— сказал полковник.— Кто вас должен был поджидать?

Агент сделал нетерпеливое движение.

— Я же сказал: до Энабада встречи у меня ни с кем не было.

— Вы уверены в этом?

— Уверен.

— Так же, как в том, что шли за границу без денег? — усмехнулся полковник.

Ходжиев раздавил коробок.

— Ведь я бросил шест... Значит все остальное — правда.

— Остаться без денег — опрометчиво.

Папироса погасла, и нарушитель опять чиркнул спичкой.

— Я разобрал шест и ту часть, в которой деньги, должен был взять с собой. Но торопился и спрятал в песок. А с собой взял другую... Когда обнаружил, что ошибся, ту, с деньгами, уже не нашел: ведь я не старался запомнить место.— Он смял папиросу: — Потому и сказал, что перешел границу без денег.— Хрустнул пальцами: — Как бы я доказал, что у меня были деньги?

На этот раз Заозерному показалось, что он говорит правду.

— Итак, до Энабада у вас не было встречи? — уточнил он.

— Нет.

— И вы никого не видели в поезде?

— Нет. Тамбур, куда я прыгнул, оказался пустым.

— А если бы там был человек?

— Не знаю.

— Вы бы его убили?

— Нет!!!

— Почему?

— Я никого не хотел убивать.

— Но ведь вас могли разоблачить.

— Потому я и спрыгнул с поезда. Услышал, что кто-то есть на платформе — за грузом мне сначала не было видно — и спрыгнул...

ЗАСТАВА НЕ СПИТ

В этот ранний час на заставе, как всегда, было тихо. Но, против обыкновения, никто не спал.

Одни пограничники устроились на зава-
линке перед казармой. Другие, словно тени,
бродили взад и вперед.

Никто не взялся за кий.

Никто не захотел ехать с водовозкой, даже Бегалин, для которого лишний раз окунуться в реку было величайшим наслаждением. И, может быть, впервые за все время службы на границе он не думал о том, что скоро поднимется солнце и станет трудно дышать.

Подошел Кошевник, тронул Бегалина за плечо. В руках он держал бескозырку. Свер-

нутыми в трубочку лентами показал на окно канцелярии: здорово, мол.

Бегалин кивнул.

Никита послунывил пальцы, пригладил вихры. Отколупнул кожу на облезлом носу и пропел шопотом:

«С неба звездочка упала зо-ло-та-ая!»

Ему было весело. Обидно, конечно, что на этот раз обошлись без него. Но ведь утопленника он выловил. Вообще-то все нарушители должны проходить через его руки. С этим, который сейчас в канцелярии,— черт с ним! А вот, которые еще пойдут...

— Хочешь пить? — спросил он Бегалина, уверенный, что тот ответит: хочу. Но Бегалин ответил: нет!

— Брось! — не поверил Никита и, подражая капитану Ярцеву, добавил: — Я пью утром горячий чай. Два-три стакана. А в остальное время надо перетерпеть.

Он поманил Бегалина:

— Идем на кухню: кипяточек есть.

Николаю не хотелось вставать и не хотелось пить. Он отказался.

— Чудак! — удивился Никита. Нахлобучил на глаза бескозырку. Свернул за угол казармы.

— Товарищу коку привёт. Разрешите кипяточку? — Никита нацелился кружкой в котел поменьше и прищелкнул языком: — Здорово помогает!

— А как же мое средство?

Кошевник обернулся: сзади стоял, добродушно усмехаясь, старшина Пологалов.

— Помню!

Кошевник живо всыпал в кружку пригоршню соли.

Старшина засмеялся:

— Так ведь ты отказался от моего средства?

— Нет,— убежденно сказал Никита и, залив соль кипятком, сделал огромный глоток. Обжегся. Стерпел.— Здорово помогает! — В этот момент он действительно верил, что соленая вода лучшее средство от жажды. А старшина не сомневался, что едва вернется водовозка, Кошевник подлетит к ней и будет хлестать холодную воду.

Старшина снял пробу.

Кошевник допивал третью кружку кипятка. Вертелся возле Пологалова, хотел что-то спросить.

— Ну, говори, что у тебя? — помог старшина.

— Интересуюсь,— сказал Никита,— а разрушителя будут кормить?

— Конечно,— ответил Пологалов и пошутил: — Ты ведь уступишь ему свой завтрак?

— Почему я? — удивился Никита, но заметил подвох и засмеялся.— Нет, правда?

Ответа старшины он не расслышал: затропился.

Старшина догадался: пришла водовозка.

Кошевник смотрел, как наполняется цистерна-отстойник. Ему не хотелось ждать, пока вода отстоится, и он наполнил кружку.

Шарапов, проходя мимо, бросил насмешливо:

— Не надоело потеть, Кошевник?

— Матросу без воды — хана! — Никита развел руками и пошел за Шараповым.

Командир катера торопился в столовую. Еще издали он увидел в приоткрытую дверь небольшой столик, на котором растопырил стрельчатые листья фикус. Шарапов все-таки достал его вчера у Истат Мирзабаевой. Он вспомнил, как она обливалась водой, и усмехнулся: до чего бедовая!..

Окликнул Кошевника. Попросил красиво написать: «Стол именинника».

— Это можно, — сразу согласился Никита. — А меня будут сажать за этот стол?

— Один раз в году, так уж и быть, посадим, — прищурился Вахид, сдувая пыль с фикуса.

В дверях показалась могучая фигура сержанта Назарова:

— Бородулю не видели?

Кошевник вмиг подлетел к нему и стал приставать: как обнаружили след?

Назаров отмахнулся:

— Ну обнаружили, и — всё!

Такое объяснение не удовлетворяло Кошевника. А Назарову было не до него. Он думал о Бородуле.

Не случись чрезвычайного происшествия, виновником которого был Бородуля, возможно нарушитель не прошел бы мимо наряда. Тогда бы Назаров не оставил самое выгодное место для наблюдения.

Назарова никто не ругал. Он обнаружил след и поднял заставу в ружье. Чтобы распознать след, требовалось большое умение. Возможно, Назарову даже объявят благодар-

ность. И тем не менее он был недоволен собой. Ветер... Если бы не поднялся ветер, Назаров, конечно, уловил бы посторонний звук и принял меры. Но Назаров не хотел делать скидку на ветер.

Сейчас командир отделения искал Бородулю. Он вдруг заметил, что Бородуля исчез: час от часу не легче! Где может быть Бородуля?

Назаров подходил к пограничникам, сидящим на завалинке:

— Бородулю не видели?

— Не видели.

Он заглянул в конюшню. И здесь нет Бородули.

Тогда Назаров завернул в столовую.

Куда-то запропастился Бородуля, а тут Кошевник лезет со своим дурацким вопросом: как обнаружили след? Ну, обнаружили и обнаружили.

Назаров повторил расстроенно:

— Значит, не видели?

— А ты в казарме смотрел? — спросил Шарпов.

Назаров отмахнулся:

— Что ему делать в казарме? — Он знал, что ни один пограничник не пойдет в казарму, если на заставе боевая обстановка.

— А ты все-таки посмотри.

Назаров неохотно пошел в казарму,

— Бородуля?

Тишина.

— Бородуля! — громче повторил Назаров и прислушался: показалось, кто-то сопит.

Он подошел к койке Бородули,

— Рядовой Бородуля?

Молчание.

Назаров отодвинул ставни. Теперь он хорошо видел Бородулю. Солдат безмятежно спал.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Когда полковник Заозерный сказал Мансурову, что дальше обойдется без переводчика, начальник КПП вышел из канцелярии и сел на завалинке рядом с пограничниками.

Никто из солдат ни о чем не спросил Мансурова, и Мансуров ничего не сказал им. Но раз больше не требовалось переводчика, каждый подумал, что нарушитель поддается.

Взметнув облако пыли, на заставу ворвался газик. Он описал полукруг и остановился возле комнаты дежурного. Из машины вышел капитан Ярцев. Открыл дверцу заднего сидения. Кому-то предложил выходить.

«Ефремов!» — узнал Мансуров и сразу вспомнил свою неприязнь к водителю автопогрузчика.

Ефремов, втянув голову в плечи, виновато улыбался. Вслед за ним из машины выскочили Ковалдин и «Амур».

Дежурный, проинструктированный полковником, что-то сказал Ярцеву. Начальник заставы кивнул.

Мансуров подошел к машине и, поймав заискивающий взгляд Ефремова, насупился.

Лицо Ефремова посерело.

Ярцев не слишком любезно отстранил Мансурова.

Начальник КПП отступил в сторону. Ярцев повел Ефремова в помещение.

Петр Ковалдин погладил «Амура» и направился к вольеру. Пограничники на завалянке ждали, когда он освободится и подойдет к ним.

Мансуров, насупившись, смотрел вслед Ефремову.

— Старший лейтенант Мансуров!

Начальник КПП обернулся: на крыльце стоял Заозерный.

— Слушаю, товарищ полковник!

— Пригласите Ярцева в комнату дежурного и зайдите сами.

— Есть!

Пограничники стоя приветствовали полковника.

— Сидите, товарищи,— разрешил он.— Хорошо поработали. Молодцы.

В ответ все заулыбались.

Полковник пошарил по карманам: портсигар остался на столе в канцелярии.

— А закурить найдется?

Несколько рук потянулось к нему. Заозерный выбрал «Беломор» и кивнул на бильярд:

— Почему не играете?

— Это мы сейчас! — сказал кто-то из пограничников. Напряжение минувшей ночи прошло.

Старшина Пологалов приказал сержантам выводить отделения на уборку. Замелькали метлы. Возле цистерны выстроилась очередь с ведрами и лейками.

Из окна ленинской комнаты высунулась

вихрастая голова Кошевника. В руках — кисточка. За ухом — рейсфедер.

— Давай, давай! Жми, ребята-а! — закричал он и пронзительно свистнул. Вдруг увидел Заозерного. Вытарашил глаза:

— Здравия желаю, товарищ полковник! — И мгновенно исчез.

Полковник усмехнулся.

В комнате дежурного он внимательно выслушал Ярцева.

Итак, овчарка привела к Ефремову. Ефремов не отрицает, что ехал в тамбуре последней платформы. Вскочил на ходу, потому что поезд отходил раньше времени. Это подтверждают водитель мотовоза и главный кондуктор. Ехал, чтобы поздравить жену с днем рождения. Никого на платформе не видел.

От нарушителя государственной границы полковник узнал, что тот прыгнул в последний тамбур, который оказался пустым. Значит первое несоответствие: Ефремов заявляет, что ехал в этом тамбуре, а нарушитель — что в тамбуре никого не было. Правда, нарушитель оговорился: кто-то был на платформе, за станками, и вначале он не заметил.

Говорил ли Ефремов Ярцеву, что определенный участок пути ехал не в тамбуре и почему? Не говорил... А Ярцев не спрашивал.

Дальше. По мнению Ярцева Ефремов слишком старательно вспоминал подробности, вроде той, как отрывал газету. Конечно, начальника заставы должно было насторожить чрезмерное увлечение деталями: преступники прибегают к такому методу, чтобы запутать следы. Но Ярцев был склонен ве-

рить Ефремову, особенно после того, как тот обратился к нему с просьбой провести мимо детей, словно ничего не произошло.

— Так,—сказал полковник.—Ваше мнение, капитан?

Ярцев ответил уклончиво:

— Сложная ситуация.

Мансуров вставил: —

— Я, товарищ полковник, не верю Ефремову. Весь он какой-то не наш, словно боится чего-то.

Полковник оставил его замечание без ответа, склонился над макетом участка заставы.

— Вот здесь отметка 1—400,—сказал он.— Смотрите. А здесь рельсы делают крутой поворот. Если спрыгнуть сюда,—он показал то место, где старший сержант Боярун обнаружил след,—пожалуй, с платформы трудно заметить. Видите — сразу загораживает скала.— Достал записную книжку и протянул Ярцеву: — Начертите расположение станков на платформе... Так... Значит, если Ефремов почему-либо решил ехать здесь, нарушитель мог его не заметить.

— Но он же сознался, что ехал в тамбуре,—недовольно сказал Мансуров.

Заозерный продолжал развивать свою мысль:

— Конечно, подозрительно, что нарушитель переходит границу и осведомлен о движении поезда. А Ефремов едет именно в этом поезде, ночью, без ведома пограничников... Кстати, товарищ Мансуров, почему наряд не доложил вам о Ефремове?

— Так ведь он сам говорит: вскочил на ходу,— Мансуров почувствовал, как неприязнь к Ефремову усиливается.

— Ну и что же? — сухо заметил полковник.— Разве наряд не отвечает за отправляющийся поезд?.. Или, по-вашему, завертелись колеса, а дальше хоть трава не расти?

— Я думаю, товарищ полковник, Ефремов догнал поезд за семафором,— высказал предположение Мансуров.

— Но Ефремов видел пограничников,— напомнил Ярцев.

— Вряд ли,— усомнился Мансуров.

— А вы проверьте,— сказал полковник.— Возьмите газик майора Серебренникова и через двадцать минут доложите.

— Есть!

— Подозрительно, что нарушитель прыгнул в тамбур, а на платформе — Ефремов,— продолжал рассуждать вслух Заозерный. Мансуров задержался: — Но как случилось, что Ахмедов — опытный кондуктор — ехал не в этом тамбуре?

Ярцев объяснил, искоса поглядывая на Мансурова:

— Ахмедов сопровождал особенно ценный груз.

— Других причин не было?

— Никак нет.

— Вы верите Ахмедову?

— Верю.

— А вы, Мансуров? — спросил полковник.

— Я тоже верю,— ответил Мансуров.

Заозерный повернулся к Ярцеву:

— Действительно ли ценный груз был на той платформе, где ехал Ахмедов?

— Это подтвердил дежурный по станции.

— Ефремов не знал, что Ахмедова не будет на последней платформе?

— Нет.

— Почему?

— Такое решение Ахмедов принял в последний момент, перед отправлением поезда.

— Ясно.— Полковник постучал по циферблату часов: — Спешите, Мансуров.

Начальник КПП вышел.

— Он давно подозревает Ефремова,— сказал Ярцев.

— А вы?

— Ефремов человек со странностями, но я ему верил.

Полковник спросил:

— Больше не верите?

Ярцев ответил честно:

— К сожалению, товарищ полковник, еще верю.

— Почему, к сожалению?

— Факты...

— Пока фактов нет,— перебил полковник.— Есть стечение обстоятельств. А этого для обвинения недостаточно. Нужны доказательства.

— Вы считаете, товарищ полковник, что Ефремов невиновен? — Заозерному показалось, что Ярцев обрадовался.

— Нет,— сказал он.— Просто необходимо убедиться либо в его виновности, либо в невинности.

— Ведет он себя странно, — задумчиво протянул Ярцев.

— В чем заключается эта странность?

— Слишком предупредителен и, как Мансуров говорит, будто заигрывает с пограничниками.

— Почему?

— Я объясняю это тем, что биография у него... тяжелая. Ну, был человек в плену, боится, что потерял доверие.

— Возможно, — согласился полковник. — А не кажется ли вам, капитан, что если бы Ефремов и нарушитель границы встретились преднамеренно, то последнему вовсе не обязательно было прыгать с поезда здесь. — Заозерный опять подошел к макету участка. — Он мог это сделать дальше, когда начнутся сады. В районном центре легче замести следы, чем в песках. И, согласитесь, неразумно менять его на кошару.

— Я подумал, товарищ полковник, что нарушитель мог просто что-нибудь передать Ефремову.

— Исключено.

— Почему?

— Место свидания не надежное.

Полковник прошелся по комнате.

— Выясните у Ефремова, капитан: все ли время он находился в тамбуре... Да, а действительно ли у его жены день рождения? Это вы узнали?

— Никак нет.

— Почему?

— Я докладывал, — напомнил Ярцев, — ее не было дома.

— Надо было спросить ребяташек, скажем, старшую девочку.

— Не догадался, товарищ полковник.

— Это тоже надо узнать.

— Есть!

— Ну вот и узнавайте.

Заозерный отпустил Ярцева и хотел вернуться в канцелярию, но в это время доложили, что поисковая группа доставила все части разборного шеста, которым

пользовался нарушитель.

— Очень хорошо,— заметил полковник и вскоре уже разглядывал их.

В одной из частей шеста за двойными стенками оказалась советская валюта, аккредитив, облигации трехпроцентного займа и свернутый в трубочку паспорт на имя Умара Ходжиева.

Выходит, задержанный скрыл не только деньги, но и что шел с документами. Выдумал зачем-то версию о встрече в Энабадском ресторане. Теперь полковник не верил в эту встречу. И раз имя Умара Ходжиева вписано в паспорт, значит это — чужое имя... Нарушитель хитрит. Он еще далеко не откровенен. Так, может быть, он все-таки связан с Ефремовым?

Шофер майора Серебренникова — Микаелян — обрадовался, что наконец-то и о нем

вспомнили. Отвезти Мансурова на КПП? С удовольствием!

Газик зарывался в песок. Мансуров прикрывал глаза. Микаелян вспомнил про подарок Серебренникова и, достав очки, протянул старшему лейтенанту.

— Спасибо. Надеюсь сам.

Мансуров думал: почему пограничники не доложили ему о Ефремове?

Газик промчался улицей поселка и замер возле контрольно-пропускного пункта.

Микаелян не любил ждать. На этот раз долго ждать и не пришлось. Мансуров вернулся быстро.

— Поехали.

Вид у него был озадаченный.

Снова пылила дорога. Мелькали дома. Впереди — кирпичное здание станции. Из-за барханов вынырнул мотовоз с неровной цепочкой красных вагонов.

— Стоп! — приказал Мансуров.

Микаелян резко затормозил.

Когда пыль рассеялась, шофер увидел, что кто-то, не дожидаясь остановки поезда, спрыгнул с платформы и побежал к газику.

— Женщина! — удивился Микаелян.

Она бежала неуклюже: приземистая, тяжелая.

— Давай навстречу! — распорядился Мансуров.

Газик рванулся вперед.

— Так это же Ефремова! — узнал Микаелян.

— Останови.

Женщина, задыхаясь, подбежала к газiku и навалилась на дверцу кабины. Скуластое лицо ее было искажено. Сухие губы дрожали. Пальцы вцепились в борт машины и, казалось, нет силы, которая могла бы их оторвать.

— Где... — она задыхалась. — Где? — голос глухой.

— Успокойтесь, — произнес Мансуров, пытаясь открыть дверцу, за которую держалась Ефремова.

— Где мой муж? — Он прочел на ее лице отчаяние. — Что вы с ним сделали?

— Да вы успокойтесь, — растерялся Мансуров.

Глаза ее налились гневом.

— Кто позволил?... Я спрашиваю: кто позволил?!

— Успокойтесь. Мы должны были проверить, — неожиданно для себя стал оправдываться Мансуров, будто он задержал Ефремова.

— Ах, проверить! — она словно впечатывала слова. — Его проверить... А вы... а ты... — голос ее гремел: — Ты знаешь, что такое Освенцим, или что такое Дахау?.. Знаешь, что

такое селекция?! — Глаза жалят: — Зубы у тебя целы? Ребра целы? Легкие не отбиты?!

Микаелян почувствовал, как холодок прошел по спине.

— Где он? — наседала Ефремова. — Сейчас же везите меня к нему!

Мансуров побледнел: не часто приходилось видеть такое отчаянное горе...

Ефремову принял майор Серебренников. Полковник Заозерный все еще был занят изучением документов задержанного агента. Капитан Ярцев остался с нарушителем границы.

Серебренников был в курсе дела. Ярцев доложил, что Ефремов, по его словам, некоторое время ехал за станками. Он, как известно, оказался в поезде без ведома главного кондуктора и решил поставить его в известность. Но перешагнуть с платформы на платформу в темноте не рискнул и вернулся в тамбур.

Старший лейтенант Мансуров тоже разобрался. Оказывается, наряд проверил поезд и, разрешив отправление, перешел на другую сторону полотна, остановившись между третьей и четвертой платформами. Пограничники видели, как кто-то прыгнул в последний тамбур. Они не сомневались, что это Ахмедов, и спокойно вернулись на КПП. Мансуров влепил наряду по пять суток ареста за беспечность.

Всё складывалось в пользу Ефремова.

...Женщина увидела Серебренникова.

— Товарищ майор! — подалась ему навст-

речу.— Как хорошо, что вы здесь! — И сразу заговорила о муже: — Он честный... Честный... Только всего боится. Думает, что не верят... Это так страшно... Я говорю: чего боишься?.. А он боится... Всех боится... Наконец, отходить стал. И вдруг...

Она отстранила стакан, который ей протянул Серебренников. Спросила с болью и обидой:

— За что его?

— Успокойтесь, — сказал Серебренников.

— Он честный! — твердо повторила она, сверкая сухими глазами. — Поверьте!

— Конечно, — согласился Серебренников. — Только зачем было ехать домой ночью? — О нарушении границы и подозрении, которое в связи с этим падало на Ефремова, он ничего не сказал.

— Ночью? — машинально переспросила она.

— Даже если торопишься на семейный праздник, — добродушно сказал Серебренников.

— Праздник? — глаза Ефремовой расширились. — Какой праздник?

— День вашего рождения.

Она некоторое время оторопело смотрела на него, и вдруг по щекам хлынули слезы.

— День рождения! — повторила она, счастливо улыбаясь. — А я завертелась. — Доверчиво сообщила Серебренникову:

— Вот день рождения всех детей помню. А свой... — Из груди вырвался вздох облегчения. — Так вот почему он приехал! А я ду-

мала: что случилось?.. Прихожу домой. Только что был, говорят, с пограничниками...

Она смеялась сквозь слезы.

Микаелян увез Ефремовых в поселок.

Мансуров угрюмо смотрел вслед: и всё-таки он не верил Ефремову.

А еще через некоторое время заставу покинул Ходжиев.

РУКИ ПИАНИСТА

На столе подполковника государственной безопасности Шилова лежали части разборного шеста, паспорт, командировочное удостоверение, аккредитив, облигации трехпроцентного выигрышного займа и деньги, принадлежавшие нарушителю.

При помощи лупы подполковнику Шилову удалось обнаружить, что в паспорте заменена фотография. На гербовой печати буквы «А» в слове «Управление» и «Л» — «Милиция» были сдвинуты и подправлены тушью. Облигации и деньги не поддельные. Аккредитив — тоже.

На первом же допросе задержанный решил говорить правду:

— Моя настоящая фамилия Абдусаломов. Рахматулло Абдусаломов.

Шилов включил магнитофон.

Полковник Заозерный молча сидел в углу кабинета. Ему тоже кое-что еще надо было выяснить.

Нарушитель закрыл лицо руками, и потому голос его доносился будто издалека.

— Я должен был перейти границу,— сказал он, подтвердив свой агентурный номер,— и затеряться среди местного населения.

Он волновался и не договаривал слова:

— Я хочу, чтобы вы мне пове... Я все расскажу, чтобы вы поверили... Я понимаю: теперь мне трудно пове... Я не сразу решился говорить правду. Но вы узнаете мою историю, поймете, что я хотел, и пове...

Шилов придвинул к нему стакан с водой. Абдусаломов справился с волнением и, снова закрыв глаза, наверное для того, чтобы сосредоточиться, приступил к рассказу.

Родился Абдусаломов в Туркмении. Отец— узбек. Рабогал чайханщиком. Мать—туркменка. Умерла при родах. Кроме младшего— Рахматулло— в семье было шестеро дочерей. Что он может сказать о них? Все замужем, имеют детей. Отец снова женился, и он ушел к сестрам. Когда было шестнадцать лет, началась война. Весной сорок четвертого года призвали в армию. Двадцатого июля под Гродно гитлеровцы предприняли контрнаступление, и он попал в плен.

Войска второго Белорусского фронта, отразив контратаку, стремительно заняли Белосток. На западном берегу Свислочи, где был создан мощный оборонительный рубеж и завязались ожесточенные бои, Абдусаломова вместе с другими пленными погрузили в эшелон и отправили в Германию.

Он не будет рассказывать о всех тех ужасах, которые пришлось пережить в концлагере. Во всех концлагерях было одинаково

жутко, и вряд ли он сообщит что-нибудь новое.

Но время шло, а он оставался жив. И вдруг его переводят в другой лагерь. Вот об этом он хочет рассказать, потому что иначе невозможно понять всего того, что с ним случилось.

Новый лагерь находился километрах в ста пятидесяти от Берлина.

Он не верил своим глазам: вокруг стояли только таджики и узбеки, туркмены и киргизы, да еще казахи. Все, как и он, в лохмотьях, истощенные, жалкие, поддерживающие друг друга, чтобы не упасть, и не понимающие, зачем их сюда согнали.

И вдруг на деревянный помост, который не сразу разглядели, поднялся человек с густой, черной бородой; в чалме. Его длинный черный халат вылизывал наспех сколоченные доски. Человек прижал руки к груди и пропел, закатывая глаза:

— Бисмиллоху рахмону рахим...

Он читал молитву. Он просил аллаха сжалиться над несчастными, опутанными коммунистической пропагандой людьми, которые отныне возвращаются к вере и будут служить аллаху, как записано в коране.

Потом «вернувшихся к аллаху» погнали в баню и выдали зеленые робы, и накормили горячим супом.

А потом всех их разбили поротно и повзводно и выстроили на плацу.

Снова на помост поднялся чернобородый мулла, низко поклонился долговязому оберс-

ту* в пенсне с золотой оправой и обратился к строю военнопленных:

— Слушайте, мусульмане!

Оберст стоял, широко расставив ноги, побычи втянув голову в плечи.

— Наши враги — русские! — выкрикнул он срывающимся фальцетом. — А все мусульмане — друзья! Мы протягиваем вам руку помощи. Зачисляем в Туркестанский легион великой германской армии! Хайль Гитлер!

Несколько голосов недружно ответили:

— Хайль!

Оберст ударил в ладоши.

Рассыпалась барабанная дробь.

Отделение эсэсовцев вынесло полковое знамя. На голубом полотнище с белой полосой, в белом кругу возле древка горел золотой полумесяц.

Потом какие-то младшие офицерские чины обошли строй «вернувшихся к аллаху» и вручили каждому нарукавные эмблемы с изображением минарета.

— Гот мит унс!** — кричал оберст и тыкал пальцем в бляху своего ремня.

Потом «обращенных к вере» заставили принять присягу и целовать знамя. А тех, кто отказывался, расстреливали.

Одна мысль тогда руководила им: выжить, найти способ вернуться к своим. И он стал легионером...

Абдусаломов замолчал.

* Полковник.

** С нами бог (нем.).

Подполковник Шилов обменялся взглядом с Заозерным.

Конечно, они знали о Туркестанском легионе. Формирование его началось вскоре после разгрома немцев под Москвой. В то время гитлеровцы спешно основали марионеточную организацию, которая впоследствии стала называться «Туркестанским национальным комитетом». Прикрываясь целью борьбы за создание «единого туркестанского государства», этот комитет руководил подготовкой и засылкой шпионов и диверсантов в советский тыл. Насколько большое значение придавалось комитету и его легиону свидетельствует тот факт, что руководство ими осуществляли непосредственно остминистерство, занимающееся делами оккупированных территорий, имперская разведка «Абвер» и главное управление СС.

К этому времени, видимо, и относился рассказ задержанного агента.

Абдусаломов снова заговорил.

Им не сразу вручили оружие. С утра и до ночи зубрили коран и молились... А не так повернулся — плети. Не так посмотрел — в карцер. Не то сказал — расстрел перед строем. За попытку к бегству — пуля на месте... И снова зубрили коран, и молились, со страхом поглядывая на эсэсовские дубинки, не пропускавшие никого.

Шли дни и недели в непрерывном молении и муштре. И вот однажды в лагерь приехал человек в черном костюме и черном галстуке, в ослепительно белой манишке и скрипящих штиблетах. Он был среднего роста, с густыми

черными волосами. Точеное лицо его, бледное, как у европейца, тем не менее принадлежало сыну Востока. Надломились в улыбке бескровные, тонкие губы.

Человек в черном костюме был крупной фигурой. Его охраняли эсэсовцы, и сам оберст относился к нему почтительно.

— Вали Каюм-хан! — объявил он и выкинул вперед руку. — Хайль Гитлер!

— Хайль! — ответил человек с бледным лицом и обратился к застывшим в строю легионерам:

— Братья, мы с вами одной крови и одной веры. Аллах да поможет нам!..

Это был тот, кого немцы готовили в президенты своей Туркестанской республики.

Вали Каюм-хан — матерый враг советского народа. Сын ташкентского торговца, в 1922 году он был направлен на учебу в Германию, но затем отказался вернуться на родину и стал агентом немецкой разведки. С приходом Гитлера к власти занимался антисоветской работой среди эмигрантов. Был назначен руководителем «Туркестанского национального комитета». После разгрома фашистов бежал в английскую зону оккупации и по заданию английской разведки приступил к возрождению своей организации на территории Западной Германии.

Знал ли Абдусаломов, кого заслушался в тот роковой для него день?!

...Позже, с группой легионеров-фанатиков он оказался во Франции. Здесь снова попал в плен, на этот раз к американцам, и очутил-

ся в Марокко, где со временем превратился из военнопленного в «перемещенное лицо».

Подполковник Шилов хорошо знал, что значит «перемещенное лицо»: человек без родины, без прав и защиты. Заозерный тоже знал это и сдвинул брови.

— Я искал работу и молился аллаху,— продолжал Абдусаломов.— Но аллах был далеко, как родина, куда я уже не мечтал вернуться. А я страшно грустил по родине. Честное слово!.. И молил аллаха дать мне силы всё вынести. И голодал, и плакал. А потом слез не стало. И меня будто не стало... И вдруг встретил такого же, как я, нашего пленного. Он — ашхабадец. И его история похожа на мою. Он тоже ходил без работы. Мы стали ходить вместе. И мечтали о родине, и готовы были умереть, но прежде увидеть ее!.. И ведь так не год, не два. Гораздо больше!.. Перемещенные лица!..

Абдусаломов задыхался.

— Отдохните,— предложил подполковник.

— Нет, нет! — возразил Абдусаломов, словно боясь, что ему помешают высказаться.— А потом совершилось чудо: мы оказались в полицейском участке и наелись досыта, и подписали какую-то бумагу. И Кулиев сказал: «Слава аллаху!»..

— Кто такой Кулиев? — спросил Шилов.

— А тот ашхабадец...

Заозерный вдруг подумал, что Кулиев и мог оказаться тем утопленником, которого ловил старшина первой статьи Шарапов.

Начальник отряда отлично помнил, как выглядел утопленник, и переглянувшись с

подполковником, предложил Абдусаломову описать внешность Кулиева.

Нарушитель задумался.

— Смуглый,— выговорил он наконец. — Черноволосый.

— С усами? — подсказал Заозерный.

— С усами,— не очень уверенно согласился Абдусаломов, и полковник решил, что Кулиева могли заставить отращивать усы в последние дни перед выброской на задание.

— Что вы еще можете сказать? — спросил Шилов.

— Неприметный он,— словно извиняясь, ответил задержанный.

— Так что же с вами было дальше? — Шилов отодвинул стул и устроился удобней.

Нарушитель торопливо ответил:

— Нас отвезли в Западную Германию и уже оттуда — за океан.

Абдусаломов и Кулиев согласились работать на американскую разведку. Иначе они не видели возможности попасть на родину.

— Почему же именно вас избрали агентом? — перебил подполковник.

Абдусаломов потупился:

— Дед у меня муллой был, и об этом знали еще в легионе...

Шилов хотел о чем-то спросить, но Абдусаломов продолжал горячо:

— Я не виноват!.. Дед муллой был. Ну и что?

— Ничего,— невольно подтвердил подполковник.

— Вот именно,— обрадовался нарушитель.— Я ведь учился в школе и работал, и

не скрывал, что дед муллою был. И ничего... Но тут мне сказали: времена другие. И всех верующих преследуют.. И родственников верующих... А дед — мулла. Да еще я был в легионе... В общем, я запутался. Совсем запутался.. Хотите — верьте, хотите — нет. А пароль я сказал правильно: рубай Омара Хайяма и чайник. А рядом положить спички. Крест накрест. Вот так.,. Только не сейчас и не в Энабаде, как я говорил на заставе, а спустя некоторое время, когда устроюсь. Может быть, через месяц или два... В Ташкенте... В ресторане «Бахор». С кем—не знаю. Но обязательно в понедельник или четверг.

— Для чего встреча? — спросил Шилов.

— Чтобы получить указания. Ведь у меня нет рации.

— А как вы должны были сообщить о благополучном переходе границы?

— Разрешите закурить? — попросил задержанный.

— Пожалуйста,— Шилов показал на портсигар.

Абдусаломов не сразу прикурил: ломались спички.

— Я должен был отправить телеграмму,— ответил он, разминая папиросу и снова чиркая спичкой. На этот раз ему удалось прикурить

— Куда? — спросил подполковник.

Абдусаломов назвал один из городов-курортов.

— По какому адресу?

Абдусаломов ответил.

— Кому?

— Степану Васильеву.

— Какого содержания?

— «Возможно приеду».

— Всё?

Абдусаломов кивнул и сбил пепел.

— Подпись?

— «Ходжиев».

— Пожалуйста, продолжайте.

— Я не знаю, о чем еще рассказать.

Шилов помог:

— Чтобы встретиться с кем-то в Ташкенте, надо было предупреждать?

— Да. За неделю. Не позже.

— Каким образом?

— Телеграммой. По тому же адресу.

— Что написать?

— Одно слово: «приеду». Подпись — «Ходжиев».

— Вам ответят?

— Нет.

— И на первую телеграмму не ответят?

— Нет. Связь односторонняя. До встречи в Ташкенте давать о себе знать могу только я. Да, и вот еще что. Сообщить о себе в первый раз я должен был на десятый день после перехода границы...

Солнце прорвалось сквозь марлевые занавески, и в комнате стало душно. Несмотря на то, что было начало десятого, термометр показывал уже сорок градусов.

— Кто до вас перешел границу? — спросил из своего угла полковник Заозерный.

Абдусаломов прижал папиросу к пепельнице.

— Я не знаю.

— Говорите правду, Абдусаломов, — посо-

ветовал Шилов.— В вашем положении нужно говорить только правду.

— Не знаю,— убежденно повторил Абдусаломов.

— А ваш друг... Кулиев?

Жалкая улыбка скривила губы задержанного.

— Действительно, я ведь вам еще не всё рассказал... Мой друг Кулиев.— Он потянулся к графину с водой.— Вначале мы вместе учились в разведшколе.

— Где? — уточнил Шилов.

Абдусаломов сделал несколько глотков и поставил стакан рядом с собой.

— Под Вашингтоном. На ферме мы были вдвоем, если не считать инструкторов из офицеров «Джи-ту»* и «Си-Ай-Си», да собак, спущенных с цепи.

Он содрогнулся, вспоминая, и опять стал недоговаривать слова:

— Стреляли... Вот так. В живот!.. Чтобы враг, умирая, мучился... В живот. Как ту, оценивш... суку, которую меня застави... убить. В живот. Она выла и корчилась. А я смотрел... Нас учили забыть о жалости...

Они изучали фотодело и топографию. Оружие и тайнопись. Историю разведки. Систему охраны государственной границы СССР. Проходили специальные занятия по практике наблюдения за военными объектами и добычанию документов.

* Разведывательное управление штаба военного министерства США.

Абдусаломов допил воду в стакане и опять потянулся к графину.

Заозерный неспеша пересек комнату и подсел к Шилову.

Абдусаломов вопросительно взглянул на полковника:

— Вы спрашивали о Кулиеве?.. Однажды мы были в Нью-Йорке... Есть такое здание — «Эмпайр стэйт билдинг». Пятое авеню, между Тридцать третьей и Тридцать четвертой улицами. Скоростной лифт. Помню ощущение... как на самолете. Высота триста восемьдесят метров. Тысяча девятьсот три ступеньки...

— Помните? — спросил Шилов.

— Развивали память, — сказал задержанный. — Мы не считали ступеньки. Но нас всё заставляли запоминать и говорили: это вам не Советская Россия... Ездили в кабриолете «Импала»*... Пили до тошноты... Точно окунулись в омут. И вдруг...

Голова у него стала дергаться.

— Вдруг нас отвозят на Третье авеню, туда, где его пересекает Четырнадцатая улица. Вы знаете, что это за место?.. Там проживают русские эмигранты... А потом с пьяной компанией ворвались в какую-то квартиру и там встретили девушку. Она играла на пианино. Нам с Кулиевым показалось, что она из другого мира — такая чистая. Даже хмель прошел... Она испуганно смотрела на нас. А Кулиев вдруг подошел к пианино и заиграл. Он говорил, что до войны учился в консерватории, но я как-то этому раньше не верил.

* Марка легкового автомобиля.

«С такими руками только на пианино играть!» — вспомнил Заозерный. Значит Шарпов выловил труп Кулиева. Но почему Кулиев так поспешно принял яд? Полковник ждал, что дальнейший рассказ Абдусаломова прольет на это свет, и не ошибся.

Задержанный находился в таком состоянии, что ему необходимо было высказаться до конца. Теперь офицеры верили, что он говорит правду: его истосковавшееся по родине, истерзанное сердце, в котором долгие годы пытались заглушить всё человеческое, вдруг воспрянуло к жизни.

«Возможно не сразу, но этот человек обязательно бы явился с повинной», — подумал Шилов. Задержание шпиона на границе ускорило развязку.

Шилов слушал, что говорит задержанный. Выслушать надо было всё, а уж потом вернуться к протоколу и всё тщательно взвесить, проанализировать.

Так что же с Кулиевым?

— Он играл превосходно и, когда закончил, сказал девушке: «Это для вас»... В общем, командование решило Кулиеву бывать у нее. Вы понимаете: столько лет быть одному, скрывать чув-

ства и вдруг встретить человека, который понимает тебя и любит... Нет, вам это трудно понять!..

Абдусаломов сдвинул виски руками. Так он сидел некоторое время молча, раскачиваясь из стороны в сторону. Потом снова заговорил:

— Ему сказали: если провалится с заданием — убьют ее и... ребенка. Единственный выход — яд.

Абдусаломов вскинул глаза на офицеров:

— Он примет яд, я знаю... А мне зачем? Теперь я дома и дышу родным воздухом! Понимаете?! Мне сказали, что если в случае провала я не приму яд, меня расстреляете вы... Пусть вы! Только бы умереть человеком. Я не хочу больше такой жизни! Я хочу хоть умереть самим собой!.. На родной земле!..

— Успокойтесь,— Шилов придвинул задержанному графин с водой.

— Больше мне нечего сказать,— произнес Абдусаломов.— О Кулиеве я ничего не знаю. В последний раз я видел его на борту самолета. Это было три недели назад. Потом нас где-то высадили. Ночью... И увезли в разные стороны...

О ПРИЕМНЫХ ОТЦАХ

— Как хотите, товарищ лейтенант, а я буду обижаться! — вздыхал старшина Пологалов, помогая Пулатову сгружать вещи.— Ну, куда я вас определяю, если мы тут затеяли ремонт и начали с вашей комнаты?

— Ничего, старшина, разберемся.

Попутный грузовик, доставивший Пулатовых на заставу, скрылся в густой пыли. Людмила закашлялась и отвернулась. Но пыль была всюду.

Людмила закрыла лицо руками, плотно стиснув пальцы. Горький запах песка, медленно оседавшего на землю, стал слабеть, и она осторожно опустила руки. Ее габардиновый плащ посерел. Она ударила по нему рукой и снова закашлялась.

— Привыкнете, — ободряюще произнес Пологалов. — Чемоданы — ко мне! — шепнул он дежурному.

Пулатов взял молодую жену под руку. Она молчала, должно быть, подавленная убогостью выжженной солнцем степи, и ему стало тревожно.

Чистый двор, окруженный глинобитными стенами. Побеленные приземистые постройки. Серая от пыли машина с цистерной, прижавшаяся к отстойнику. Деревянная вышка с часовым в широкополой шляпе...

В квартире старшины Пологалова было прохладно.

Лейтенант помог Людмиле снять плащ и усадил на кушетку.

— Вы тут устраивайтесь, как дома, — просто сказал Пологалов, — а мы организуем баньку и насчет завтрака сообразим.

Людмила устала: ей было все равно.

Пулатов спросил старшину:

— А мы тебе не помешаем?

— Нет, — сказал старшина и добавил тихо: — Пусть приляжет. Устала с дороги. — Он покачал головой: — Ну, дела!..

Пулатов, узнав, что капитан Ярцев отдыхает, попросил его не будить. Старшина понимающе кивнул и вышел.

Лейтенант подошел к жене.

— Ты устала?

— Дай напиться, Акобир.

Он засуетился. Не сразу нашел кружку. Зачерпнул воду из прикрытого дощечкой ведерка. Теплая, мутная вода не принесла удовлетворения. Она сделала несколько мелких глотков и отставила кружку.

— Ты приляг, Люсенька-хон,— предложил он.— Отдохни.

Что делалось у нее в душе? Наверное, было грустно и обидно, что забралась в эту глушь.

Он вздохнул.

Людмила лежала на кушетке и рассматривала комнату. Давно нетопившаяся плита служила чем-то вроде этажерки. Здесь были сложены стопки книг, и рядом — детские игрушки: формочки для песка, кукла с отбитым носом.

От входных дверей бежала через всю комнату ворсистая дорожка. Она ныряла под стол, накрытый бахромчатой скатертью, и заглядывала в соседнюю комнату. Там Людмила видела трюмо и отраженный в нем платяной шкаф.

Пулатов дождался, пока она закрыла глаза, и на цыпочках вышел из комнаты.

Он соскучился по заставе. Хотелось всем пожать руку и, конечно, прежде всего капитану Ярцеву.

Лейтенант остановился посреди двора, раздумывая, куда пойти вначале.

Солнце припекало. Он поднял глаза, зажмурился и решил идти на вышку. Поднялся на

один пролет. Посмотрел вниз. Возле бани на старшину наступала маленькая энергичная женщина. Конечно, это Лариса—жена Ярцева.

Пулатов забыл про свое солидное, «женатое», положение и по-мальчишески резво подбежал к ним.

— Ну, вот!—всплеснула она руками.—Приехал, да еще не один. А мы узнаем об этом последними.

Пулатов улыбался.

— Вот сейчас доложу капитану,—попробовала она рассердиться.—И выплет он тебе десять суток.

— С удовольствием! — засмеялся Пулатов. А старшина поддакнул:

— Он как раз сейчас нуждается в домашнем аресте. Жена-то ведь молодая.

Капитан Ярцев выглянул в окно, и через минуту офицеры уже тискали друг друга в объятиях.

Пулатов чувствовал себя счастливым. Наконец-то он снова дома. И, конечно, Людмиле понравится на заставе. Вот они, его друзья — Ярцев и Пологалов — помогут Людмиле привыкнуть к новой обстановке, окружают вниманием, не дадут скучать.

Лейтенант не очень удивился, когда после бани они вернулись к старшине и оказалось, что жена Пологалова уже дома. Она была в белом полотняном кителе с железнодорожными петлицами—грузноватая, полногрудая. На загорелом лице застыли настороженные голубые глаза.

«Вот уж никогда бы не поверила, что голу-

бые глаза могут быть строгими!»— подумала Людмила.

— Александра Ивановна, — представилась Пологалова.

— Людмила.

— Значит решено, располагаться будете здесь, — тоном, не терпящим возражений, сказала Александра Ивановна. — А обедать пойдем к Ярцевым.

Лариса хлопотала на кухне, но стол уже был накрыт, и Александра Ивановна предложила Людмиле выбрать место.

— Мне все равно.

— Тогда садитесь сюда, — почему-то шопотом ответила Александра Ивановна. Она показала на диван, к которому, чтобы разместить всех, придвинули стол. Над диваном висел красивый ковер.

— Персидский? — спросила Людмила.

— Ходжентский, — также шопотом ответила Александра Ивановна и пояснила: — Наш, таджикский.

Мужчин не было, и Александра Ивановна занимала гостью.

В соседней комнате слышалась возня.

— Это — детская, — сказала Александра Ивановна, — и моя Томка здесь. Когда я на работе, Томка всегда у Ярцевых. Лариса, знаете, замечательный человек!

— Что же вы сейчас не идете к дочке? — спросила Людмила. — Или не хочется?

— Очень хочется! — снова шопотом заметила Александра Ивановна. — Но она увидит меня и будет капризничать. А так привыкла, что я прихожу за ней после работы, и мол-

чит.— Строгость исчезла с ее лица: — Я поэтому и разговариваю шопотом.

В комнату шумно вошли мужчины. С капитаном Ярцевым Людмила уже познакомилась. А вот этого старшего лейтенанта видит впервые. Как у Акобира — густые, черные брови. Глубоко посаженные глаза. Нос с небольшой горбинкой.

— Анвар Мансуров.

Она уже слышала о нем от мужа и охотно протянула руку:

— Здравствуйте. Людмила.

Мансуров бесцеремонно разглядывал ее: смущенное личико с не очень-то выразительными чертами. Короткие льняные волосы. Неожиданно черные глаза. Голубая блузка с рукавами-фонариками.

«А в общем, миленькая»,—решил он и на правах друга сел рядом с ней. Пулатов вынужден был довольствоваться местом напротив.

Старшина развернул небольшой сверток, и к всеобщему удовольствию на столе появилась бутылка портвейна.

Обед прошел оживленно. Мансуров всё чаще поглядывал на свою черноглазую соседку.

— Нравится? — спросил Ярцев так, чтобы слышали все.

— Ничего.

Лариса и Александра Ивановна тотчас набросились на Мансурова: как можно говорить о женщине «ничего»? Они, может быть, в его понятии тоже «ничего»?!

— Нравится! — взмолился Мансуров.— Честное слово, нравится!

— Ну, тогда дело поправимое,— вмешался в разговор Пулатов.

— То есть?— не понял Мансуров.

— Я могу познакомить тебя точно с такой девушкой.—И лейтенант рассказал, что у Людмилы есть сестра — Леночка. Забавно было слышать, как они с Горским пришли на свидание и не могли различить, какая же из сестер Елена, а какая Людмила.

— Кто такой Горский?— недовольно спросил Мансуров.

— Моряк!— ответил Пулатов.

А Людмила добавила:

— Еще какой!

— Значит я опоздал,— Мансуров сказал это так, что трудно было понять: шутит он или говорит серьезно.

В Фирюзеваре загудел пароход.

Мансуров заторопился.

— «Медуза»,— догадался Пулатов.

Мансуров кивнул. Старшина Пологалов пошел его провожать.

— На «Медузе» плавает капитаном приемный отец Анвара,—пояснил лейтенант,—вот он и неравнодушен к этой посудине.

Людмила грустно улыбнулась:

— У нас с сестренкой тоже вроде приемный отец. Василий Васильевич. Ты же знаешь.

Дежурный позвал капитана: звонил из отряда майор Серебренников.

«Наконец-то!»—обрадовался Ярцев. Он был уверен, что секретарь партийной комиссии продолжит разговор, начатый в ту памятную ночь, когда заснул Бородуля и задержали нарушителя границы. Серебренников — из тех людей,

которые ничего не забывают и всё доводят до конца. Это знали в отряде, и Ярцев ломал голову, почему майор несколько дней молчал? Теперь он догадался: ему давали возможность подумать.

Пулатов тоже встал.

— Сиди,—остановил его капитан. Я быстро.

Лариса убрала со стола тарелки, принесла вазу с конфетами, старательно расставила чашки.

Александра Ивановна спросила, придвигая к себе конфеты:

— А что же ваши родители?

Людмила ответила задумчиво:

— Отца я совсем не помню. Он ушел на фронт в начале войны и не вернулся. Мы тогда на Кавказе жили. А три года назад умерла мама.

— Василий Васильевич — отчим? — спросила Лариса.

— Нет.

— Тогда кто же?

Пулатов заметил весело:

— Это — мой сват.

— Василий Васильевич — наш сосед, — сказала Людмила. — Семьи у него нет. Вот и заботится вроде. — Она замялась.

— Почему «вроде»? — удивилась Александра Ивановна.

— Да как вам сказать, — Людмила помолчала. — В общем-то он ничего для нас не сделал. Но так всегда спрашивал: как живем, не нуждаемся ли в чем? — Она смутилась. — Да еще, конечно, советовал в отношении прически. Он — дамский мастер... А когда умерла мама, как-то взял на себя все заботы о ее похоронах... Ну, мы и чувствовали себя обязанными.

Вернулся капитан Ярцев. Вид у него был довольный.

— Ты знаешь, — обратился он к своему заместителю, — у нас тут начинание за начинанием. Недавно Шаратов предложил организовать на заставе «стол именинника». А сейчас Серебренников звонит: у соседей открыли ларек без продавца. Предлагает и нам попробовать. Ты как думаешь?

— По-моему, интересно, — ответил Пулатов.

— Ну, ну.

Капитан Ярцев присел к столу и задумался о своем. Конечно, не только о ларьке шел разговор по телефону. Серебренников спросил:

— Так что, капитан, будем прощаться с заставой?

И ведь был подготовлен Ярцев к этому воп-

росу, сам надоумил Серебренникова заняться им, а тут вдруг почувствовал: теперь обязательно переведут!— и спасовал. И ответил неожиданно:

— Разрешите, я подумаю,— будто раньше не думал.

Ему показалось, что Серебренников одобрил:

— Ну, думай, думай...

И представил себе капитан Ярцев, как сидит в штабе, а с границы сообщают:—след! И не он, Ярцев, высылает наряды, не он организует поиск, не он спит, как убитый, после бессонной ночи, когда все закончено. Другой ничего не видит во сне, другой просыпается в полдень таким счастливым!..

И он понимает, что не может расстаться с заставой, что так и надо сказать. И пусть ему не подыскивают вакансий. У каждого свое счастье в жизни. И если он уедет с заставы, то потеряет свое счастье.

Ярцев, наконец, вспомнил о своих гостях.

— Ты, наверно, устал?— озабоченно спросил он Пулатова.

Лариса тоже засуетилась.

— И вы устали,— сказала она Людмиле.

Александра Ивановна решительно поднялась.

— Идемте-ка отдыхать.

— А может быть у нас?— предложила Лариса.

— Нет, нет!— ответила за Пулатовых Александра Ивановна.

Лариса укоризненно посмотрела на мужа. Он беспомощно развел руками: тут не прикажешь.

— Да, мы, пожалуй, пойдем,— поднялся лей-

тенант.— А на боевом расчете я обязательно буду.

— Отдыхай уж,— предложил Ярцев.

— Вы заходите запросто,— сказала Людмила Лариса.

Людмила кивнула: ей было хорошо среди этих людей.

ПОД СТАРОЙ ЧИНАРОЙ

Молния угодила в чинару, выжгла дупло у самого основания. Медленно, тяжело оседала чинара. Услужливый клен-великан подставил ей свои плечи. Древняя глинобитная кибитка, в которой сейчас размещался движок, тоже не осталась в стороне, и чинара доверчиво опустила на нее тяжелые ветви.

Обугленное дупло зияло, словно искрошенный зуб. Толстая кора, потрескавшаяся от натуги, свисала рваными клочьями.

Клен в три обхвата — прямой и могучий, раскинул зеленый шатер, такой густой и тенистый, будто старался за себя и чинару.

Свободное воскресенье выдавалось не часто, и приятно было лежать, ничего не делая, вслушиваясь в многоголосый гомон реки.

Серебренников положил голову на колени жены. Смотрел ей в глаза, такие же светлые и ласковые, как в те дни, когда они только что познакомились.

Это было осенью сорок четвертого года. Нина Терентьевна приехала в Мстиславль, где формировались части по охране тыла, и пришла к Серебренникову—парторгу батальона—чтобы встать на **учет**.

Он очень устал и ни о чем не стал ее спрашивать. Сказал только:

— У вас есть тридцать минут времени?

— Ну, есть,— ответила она неуверенно.

— Тогда вот что,— сказал он устало,— никого ко мне не пускайте. Ровно тридцать минут. А я посплю.

Он уронил голову на стол и заснул.

Вначале она хотела рассердиться и уйти, но потом вспомнила, что ночью была операция. Преследовали какую-то банду. Он, наверное, не спал всю ночь, а, может быть, не спал и позапрошлую ночь, потому что тоже была операция...

За полчаса несколько человек пытались повидать Серебренникова, но когда узнавали, что парторг спит, на цыпочках выходили из комнаты. Она видела, как добрили их лица при виде спящего лейтенанта, и поняла, что все в полку любят его.

Прошло тридцать минут. Она не хотела его будить, но он проснулся сам. Улыбнулся ей, как старой знакомой, сказал весело:

— Ну, вот, подзарядил аккумуляторы,— и пошевелил онемевшей кистью.

Потом они долго не встречались. Потом встретились снова, на партийном собрании. Она прислушивалась к его словам и чувствовала, что это самые верные, самые нужные слова. Пока он говорил, ей хотелось научиться говорить так же, как он, а после собрания — слушать его еще.

Вскоре полк вступил в Польшу и остановился недалеко от Белостока. Там застал новый, 1945 год. Встречали его вместе, у начальника

медицинской службы. Серебренников много танцевал. И больше всего танцевал с ней, Ниной Кравченко.

Потом помнит, как готовили доклад к восьмому марта. Серебренников снабдил ее газетами и журналами, но она потонула в них и не знала, с чего начать.

Он просидел с ней вечер, и материал удивительно складно стал ложиться в конспект.

На другой вечер она снова пришла к нему, и снова он отложил свои дела, чтобы помочь ей. Но окончить доклад не удалось. Серебренников выехал по тревоге. Где-то завязался бой с прорвавшейся на запад немецкой группировкой.

Утром в медчасть поступили раненые. Она принимала их с трепетом и только сейчас поняла, как дорог ей Владимир Серебренников.

Раненых было много. Банда оказалась многочисленной и прекрасно вооруженной. Говорили, что есть убитые. Среди убитых мог быть лейтенант Серебренников. У нее все валилось из рук, и хирург приказал ей идти отдыхать. Он думал, наверно, что это от бессонной ночи.

Она вышла на улицу, сделала несколько шагов непослушными, словно чужими, ногами и вдруг увидела Серебренникова. Живой и невредимый, он шел ей навстречу.

Она рванулась к нему, и спрятав голову на его взмокшей от дождя шинели, вздрагивала от беззвучных рыданий. А он восторженно, точно боясь спугнуть, гладил ее по волнистым волосам.

...Неужели это было пятнадцать лет назад?!

Нина Терентьевна пополнила за это время. Срезала косы. Губы поблекли. Но Серебренников любил ее еще больше, чем прежде...

Он лежал под кленом и смотрел ей в глаза. Как жаль, что они с ней редко бывают вместе.

Вот недавно он приехал с границы, а завтра — снова в путь. Опять на неделю. Проверит политическую работу, будет присутствовать на комсомольских собраниях, на одной из застав создаст партийную организацию, прочтет несколько лекций.

И снова — на день-два домой. А потом — на другой участок. К Ярцеву, за которого он теперь все время будет беспокоиться. К Бородуле, способному натворить черт знает что...

Вот так незаметно и кончился отдых. Снова майор Серебренников был во власти своих повседневных дел. И Нина Терентьевна заметила это, вздохнула. Он был рядом, но уже отошел от нее и, конечно, несмотря на воскресенье, снова отправится в политотдел. Найдет повод.

В раскрошившееся дупло чинары влетела стрела. Пронзительный свист вскинул Серебренникова.

— «Последний из могикан!» — шепнул он с удовольствием.

За кленом слышалась возня:

— Я — Соколиный глаз. Приказываю сдаваться!

Серебренников увидел за стволом босую ногу и, изловчившись, сграбастал «Последнего из могикан».

— А я — Оцеола, вождь семинолов! — грозно ответил он.

— Пусти, пусти! — вырывался «Соколиный глаз». — Это нечестно.

— Почему нечестно?

— У меня дело.

— Ну давай.

«Последний из могикан» раздвинул длинные ноги в подвернутых брючишках и уставился на отца такими же, как у него, серыми глазами:

— Васька поймал мышь и съел.

— Ну и что?

— А если поймают десять мышей?

— Съест десять.

— А сто?

— Значит, сто.

— Ну, а тысячу?

— Тебя съест! — Серебренников бросился за улепетывающим сыном.

Нина Терентьевна с грустной улыбкой посмотрела им вслед и стала сворачивать плед.

ТЕЛЕГРАММА НЕ ПО АДРЕСУ

На десятый день после того, как при переходе государственной границы был задержан Рахматулло Абдусаломов, он же Умар Ходжиев, он же Абдулло Мухаммедов — агент американской разведки, — к начальнику телеграфной конторы одного из городов курортов зашел человек в сером спортивном костюме. Он был невысокого роста, худощавый, с продолговатым лицом. Прищурил широко поставленные, темного раскосые глаза и попросил разрешения говорить наедине.

Начальник конторы молча уставился на сво.

его посетителя через роговые очки. Человек в спортивном костюме протянул ему удостоверение личности. Начальник конторы заглянул в красные корочки и прочел: капитан госбезопасности Харламов.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Видите ли, — произнес Харламов, — не исключено, что в ближайшее время поступит телеграмма по этому адресу. — Он протянул собеседнику небольшой листок. — Необходимо, чтобы ее доставил надежный человек.

— Конечно, — начальник конторы поправил очки. — Скажем, Зоенька Пилипенко. Проверенный товарищ. Активистка. Народный дружинник.

Последний довод пришелся Харламову по душе.

— И, пожалуйста, предупредите меня сразу, как придет телеграмма, — заметил он, прощаясь. — Вот телефон.

Начальник конторы позвонил на следующий день.

— Сейчас приеду, — ответил Харламов.

На телеграфе его дожидалась маленькая, бойкая девушка. К борту ее форменного костюмчика был прикреплен значок ВЛКСМ.

Харламов познакомился с Зоенькой и объяснил, в чем суть дела. Зоеньке предстояло доставить телеграмму по указанному адресу некоему Степану Васильеву. Харламов предупредил, что, как ему известно, Степан Васильев по этому адресу не проживает. Однако ей нужно...

В общем, Зоенька все поняла, все хорошо запомнила и направилась выполнять поручение.

Идти пришлось далеко, на окраину города. Она долго шла глухими переулками, всматриваясь в номера домов, и, наконец, остановилась возле приоткрытой калитки.

На яростный лай бульдога вышел усатый старик. Зоенька узнала его и удивилась: это был известный дамский мастер дядя Вася. Но капитан Харламов запретил ей удивляться, и Зоенька сказала равнодушно, как человек, которому вовсе не интересно разносить чужие телеграммы:

— Товарищу Васильеву телеграмма.

— А, сейчас, сейчас! — засуетился Василий Васильевич и прикрикнул на бульдога.

Дядя Вася, должно быть, узнал Зоеньку по перманентной завивке и протянул руку для приветствия.

Зоенька подала ему квитанцию и карандаш. Бульдог перестал лаять, и Зоенька испугалась, что дядя Вася услышит, как стучит ее сердце. Однако дядя Вася, шевеля усами, спокойно расписался в квитанции и получил телеграмму.

Зоенька, как велел Харламов, тут же повернулась и пошла. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как дядя Вася окликнул ее.

— Постой, дочка!

Зоенька остановилась.

— А ну-ка поди сюда.

Ей стало страшно. Она невольно оглянулась: в переулке — никого. Зоенька собрала все свое мужество и, медленно переступая ногами, подошла к мастеру.

Василий Васильевич смущенно возвратил ей телеграмму:

— Ты что же, милая, не по адресу вручаешь?

— Как не по адресу? — осмелев, спросила Зоенька. — Улица ваша?

— Наша.

— И дом ваш?

— Дом — мой. Только я не Васильев, а Василий Васильевич. Читаю: Ходжиев. Думаю: кто такой? Скоро приеду... А я никого не жду... Смотрю: Васильеву. Вот-те на... Адресок-то перепутан, наверно.

— Как же быть? — растерялась Зоенька.

— Да как быть? — Василий Васильевич пошевелил усами. — Неси обратно. А расписочку мою порви.

Зоенька пожала крутыми плечиками и взяла телеграмму. На ее кукольном личике было написано недоумение, и Василий Васильевич засмеялся:

— Ничего, дочка, бывает.

Зоенька повертела в руках телеграмму и засунула в карман.

— А расписочку? — напомнил Василий Васильевич.

— Вот, — Зоенька послюнявила карандаш и поставила крест на квитанции. Потом она медленно побрела назад по улице.

Василий Васильевич постоял, посмотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом и, прикрикнув на рвавшегося с цепи бульдога, вернулся домой.

Капитан Харламов ожидал Зоеньку. Она рассказала ему всё, как было.

— Так вы сказали, Зоенька: товарищу Васильеву телеграмма? — уточнил Харламов.

— Сказала,— подтвердила Зоенька.

— И он взял?

— Взял.

— Прочел?

— Да, прочел.

— А потом говорит: не по адресу?

Зоенька кивнула.

— Молодец, Зоенька!—Харламов пожал ей руку и напомнил: — Так, значит, никому ни слова!

Зоенька надулась: она умела молчать. Иначе бы ее просто не взяли в дружинники.

А Харламову было над чем задуматься.

ИЗ НЕНАПИСАННОГО ДНЕВНИКА

Жизнь на границе шла своим чередом.

Август был таким же знойным, как и июль. Пески за ночь не успевали остывать и, едва показывалось солнце, сразу накалялись, обдавали жаром.

В колхозных садах собирали урожай. Старшина Пологалов привез из районного центра машину, до верху груженную дынями и арбузами. Это был шефский подарок.

Происшествий в подразделении не было. Разве что Бородуля еще не вошел в будто вымеренный по часам ритм пограничной жизни. И если бы кому-нибудь из пограничников вздумалось вести дневник, то он выглядел бы, примерно, так:

2 августа. Утро. Бородуля держится молодцом. Никто не говорит ему о сне на границе, и

никто вроде не догадывается, что он струсил. (Бородуля забыл, что говорил тогда в наряде сержант Назаров). Впрочем, конечно, он не струсил, а просто чепуха какая-то приключилась со звездами.

Вечер. Бородуля беспокойно поглядывает на закатывающееся солнце. А вдруг, правда, Большая Медведица исчезла, потому что с ним что-то творится?

На боевом расчете Бородуля ерзает, и на чальник заставы делает ему замечание. Что-то не очень хочется идти на границу.

Бородулю назначают дневальным по конюшне.

Отлично!

3 августа. Утро. Бородуля занят уборкой в конюшне. Что же — дело привычное. Смехота с этими самыми звездами.

Он залезает на станок и видит в узкое окошко небо. Небо, как небо. Синее. И вовсе не страшное. Как дома. А вечером будет в звездах.

«Увижу Большую Медведицу,— думает Бородуля,— и всё станет на место».

— Бородуля?

— Я! — Он прыгает на цементный пол и вытягивается перед старшиной Пологаловым.

Старшина подозрительно смотрит на него:

— Вы что делали, Бородуля?

— Пыль сметал,— не моргнув, отвечает Бородуля.

— Ну, ну,— неопределенно тянет старшина.— Что же, продолжайте уборку.

Бородуля подхватывает лопатку и скребет пол.

День. Бородуля спокоен: придет ночь и он увидит Большую Медведицу.

Вечер. Бородуля хочет увидеть Большую Медведицу, но боится, а вдруг не увидит?

На боевом расчете капитан Ярцев объявляет, что Бородуля назначается часовым по заставе.

4 августа. Он заступает на пост с двух часов ночи. Звезды кружатся над головой. Сейчас Бородуля найдет Большую Медведицу. Но почему сейчас? Он подождет немного. Вот обойдет десять раз вокруг заставы и найдет...

Ну и еще десять раз обойдет и тогда уже, наверняка, найдет... И еще пять раз обойдет.

Под утро Бородуля решается, наконец, поднять глаза к звездам. Но тщетно ищет он Большую Медведицу. Постепенно ему снова становится не по себе.

Дежурный по заставе, младший сержант Ковалдин, проверяет службу часового. Бородуля докладывает, что происшествий нет и спрашивает:

— Товарищ младший сержант, а где сейчас Большая Медведица?

Ковалдин не понимает вопроса Бородули и отвечает шуткой:

— Наверно, в берлогу пошла: каждому свое время.

— А-а,— неопределенно тянет Бородуля.

День. Бородуля спит.

Вечер. На боевом расчете Бородуля узнает, что выйдет на границу ночью с лейтенантом Пулатовым.

6 августа. Три часа тридцать минут. Дежурный по заставе старшина Пологалов будит Бородулю. Вставать не хочется, да что поделаешь — служба!

Бородуля садится на койке и вспоминает, куда засунул портянки: кажется, в сапоги. Но портянки оказываются на задней перекладине под : юй.

Три часа сорок пять минут. Бородуля седлает коней.

Четыре часа ноль две минуты. Бородуля, плавно покачиваясь в седле, едет за лейтенантом Пулатовым.

Опять над головой шмели-звезды, и опять не видно Большой Медведицы.

Река шепчет:

— Бой-ишься ты... бой-ишься ты...

«Чепуха!» — думает Бородуля, а сам прищипривает коня и приближается к лейтенанту. На звезды больше смотреть не решается...

Тринадцать часов.

— Подъем!

«И кто придумал это проклятое слово! — негодует Бородуля. — Будто всю душу выворачивает!».

— Подъем, Бородуля!

— А, сейчас...

Глаза у Бородули еще закрыты. Он знает, что время обедать и свое отоспал, но вставать

не хочется. После обеда, конечно, на стрельбище, или черт знает, что еще придумает командир отделения.

— Бородуля, поднимайтесь!

Вот привязался.

Бородуля нарочно сопит.

— Опять заснул?— это голос старшины Пологалова.

Бородуля чуть заметно приоткрывает один глаз. Точно: рядом с Назаровым стоит старшина заставы Пологалов.

— Если ему позволить — целый день проспипт!— сердито говорит командир отделения.

«И проспиплю!— усмехается про себя Бородуля.— А тебе-то что?».

Старшина наклоняется над Бородулей, видит, как тот плотно сжимает веки. Ну, конечно, не спит. Однако замечает спокойно:

— А вы, товарищ сержант, дайте ему разок выспаться.

— На занятия опоздает.

— Ничего.

«Ну, что за человек — старшина!»— восхищается Бородуля и усердно храпит.

— Пожалуйста,— говорит Назаров.

Бородуля слышит удаляющиеся шаги. Теперь он один в казарме. Сон прошел и лежать больше не хочется. Бородуля откидывает накомарник и садится на койке.

В этот момент снова появляется Назаров.

— А, Бородуля,— говорит он.— Уже всташь? Почему?

— А почему я должен лежать?— настороженно отвечает Бородуля.

— Старшина разрешил.

— Мало ли что разрешил!— Бородуля натягивает шаровары.

— Спи, Бородуля!— Назаров произносит это тоном приказа.

— Ну, да,— хмыкает Бородуля.— А почему я должен спать?

Он обувается и берет полотенце.

Назаров подсказывает:

— Вначале койку заправь.

— А зачем?— спрашивает Бородуля.

Назаров начинает терять терпение.

— Положено.

— А я об этом в Уставе Внутренней службы не читал.

В окно заглядывает Никита Кошевник. Глаза так и брызжут смехом. Шепчет Бородуле.

— В стрелковом наставлении...

— Что в наставлении?— не понимает Бородуля.

— В стрелковом, говорю, наставлении про это написано!

Бородуля отмахивается.

Назаров приказывает:

— Рядовой Бородуля, заправить койку!

— Так ведь все равно ложиться,— тянет Бородуля.

— Ух, какой храбрый!— восхищается Никита.

Бородуля ждет подвоха. Он не слишком-то верит Кошевнику. Неохотно заправляет одеяло.

Никита, видно, прыгнул с завалишки. Его голова исчезла, но голос слышен:

— Кто говорит, что Бородуля боится? Он

даже командира отделения не боится!.. А вы говорите, повсрки боится!

Боится... Боится!..

Влепить бы этому новоиспеченному ефрейтору. А с кем это он, собственно, разговаривает?

Бородуля выглядывает в окно. Вот новость: Кошевник-то, оказывается, сам с собой разговаривает!

Бородуля сопит, идет к умывальнику. Он намыливается, а воды нет. Глаза щиплет. Вот чертова служба!

— Погоди, сейчас принесу!— Кто-то гремит ведрами.

В щелочку глаза Бородуля определяет: Бегалин, дружок Кошевника. Больно нужна его помощь!..

А впрочем пусть, пусть несет... Ишь, как старается: припустил рысью.

Бородуля стирает мыло полотенцем и идет в казарму.

Бегалин возвращается с водой, а возле умывальника — никого. Вид у него растерянный.

— Я же говорю: он ужасный храбрец!— Конечно, это опять Кошевник. Берет у Бегалина ведро и тащит на кухню. Всё ясно: он — рабочий по кухне. Рад проехаться за чужой счет. Старший матрос...

Бородуля видит Кошевника в окно казармы. Подумаешь: вот назло буду называть его ефрейтором...

А

7 и 8 августа. Бородуля едет со старшиной Пологаловым в отряд за продуктами. Такое

дело ему по душе. И, кажется, почти перестал вспоминать Большую Медведицу.

10 августа. «Каша пригорела, что ли?» — думает Бородуля, ковыряя металлической ложкой в металлической миске.

Рядом за столом — Кошевник. С аппетитом ест такую же гречку с мясной подливой. У него деревянная ложка и миска особенная — с расплюснутыми краями, словно перевернутая шляпа. Раз-раз и уже бежит за добавкой.

Бегалин — тот стеснительный. Ест спокойно и обязательно немножко оставит. С Бегалиным, пожалуй, Бородуля не прочь подружить, но только, конечно, если тот перестанет дружить с Никитой...

Солнце раздвигает камышовые стены летней столовой, и вместе с ним ветер закидывает песок. Это он хрустит на зубах и горчит, а повар ни при чем, и каша не пригорела.

Никита опять садится рядом. Усиленно работает ложкой. Подобрал все до последней крупинки и отдувается. Видно, очень доволен. Сейчас начнет злословить.

Никита смотрит на Бородулю:

— Каша не нравится?

Бородуля молчит.

— Послушай, Бородуля, тебе каша не нравится? — пристает Никита.

Бородуля усиленно разжевывает мясо, а на Кошевника даже не смотрит.

Тот ерзает. Ждет, когда Бегалин вернется с огромным чайником и кружками. Конечно, одна из этих кружек ему, Кошевнику. Он наливает в кружку чай и подвигает к себе тарелку с сахаром.

Бегалин тоже наполняет кружку.

Бородуля все еще давится кашей.

— Вот чудак,— говорит Кошевник.— Не нравится, а ест!

Бородуля делает вид, что не слышит и нарочно ест.

— Ладно тебе,— одергивает друга Бегалин. Никита импровизирует:

«Нам вчера пропели пули

Тонким, робким голоском:

«Кто стреляет?

Бородуля?!

Быть заставе с ...«молоком»!

2

Каша застревает у Бородули в горле.

— Ефрейтор шут-ик!— давясь, произносит он.

— Шутник,— поправляет Кошевник и с сожалением смотрит на Бородулю:— А потом, рядовой Бородуля, не ефрейтор, а старший матрос. Ясно?

— Ясно, товарищ ефрейтор!— соглашается Бородуля.

— Старший матрос!— настаивает Никита.

— Понял, товарищ ефрейтор!— упорствует Бородуля.

— Старший матрос!

— Ясно, товарищ ефрейтор.

Кошевник ждет, чтобы Бородуля уткнулся в миску и неожиданно кричит:

— Поверка!

Бородуля икает и давится кашей.

Кошевник хохочет.

Бородуле страшно обидно. Он бросает ложку и выходит из столовой. В дверях сталкивается с Назаровым.

— Покушали, Бородуля?—приветливо спрашивает сержант.

Бородуля невнятно ворчит.

— Не понял,— Назаров сердито сдвигает брови.

«Рассказать про Кошевника или не стоит?— думает Бородуля.— Может, сержант выплет ему?»

Но он думает слишком долго, и Назаров идет к раздаточной.

Бородуля вздыхает: ну, абсолютно никто не понимает его на заставе.

КТО ТАКОЙ УШАКОВСКИЙ

Итак, Василий Васильевич не взял телеграмму, адресованную некоему Степану Васильеву.

Какие выводы мог сделать капитан Харламов?

С одной стороны, конечно, задержанный на границе агент иностранной разведки мог сообщить неправильный адрес.

Но, с другой стороны, откуда зарубежный «гость» мог знать, что в таком-то городе существует именно такая улица и такой дом? И разве нельзя предположить, что фамилия адресата созвучна имени и отчеству старого парикмахера не случайно?

— Я думаю,— доложил Харламов своему начальнику,— что Василий Васильевич имеет отношение к разоблаченной нами в прошлом году шпионской группе.

— Дело Сикуры...

— Так точно!

— Возможно,— согласился начальник.— Старая история: до поры до времени он оставался в тени, а тут пришла пора действовать. Но если так, он вынужден будет раскрыться. Уж очень почва в нашей стране для него неблагоприятная...

В паспортном столе не трудно было установить, что Василий Васильевич Ушаковский, 1907 года рождения, из крестьян, родился в местечке Несвежалъ (Западная Украина). Холост. Бессрочный паспорт выдан ему на основании другого паспорта за номером 715299, также полученного здесь.

Прописка у него в порядке. Живет Ушаковский в собственном доме. Приобрел его в первом послевоенном году у гражданки Спириной Марии Кузьминичны, потерявшей на войне мужа и детей. Акт купли-продажи заверен в нотариальной конторе. Указана сумма в десять тысяч рублей.

Теперь капитан Харламов получил новое задание: запросить адресный стол, где проживает гражданка Спирина Мария Кузьми-

нична, сорока девяти лет, выехавшая отсюда, по данным паспортного стола, 12 января 1946 года. Неплохо было повидаться с этой самой Спириной и выяснить у нее, действительно ли она продала свой дом гражданину Ушаковскому за указанную в купчей сумму?

Десять тысяч рублей у человека, четыре года пробывшего на фронте, конечно, могли быть. Не исключено, к тому же, что у него сохранились кое-какие довоенные сбережения. Но в комитете госбезопасности знали, что в 1945—1946 годах дома здесь стоили, примерно, в десять раз дороже. Значит, возникал вопрос: почему так неразумно продешевила гражданка Спирина? Или, если в купчей указана одна сумма, а дом продан за другую, откуда у демобилизованного солдата нашлось столько денег?

Еще один важный запрос сделал капитан Харламов — в Несвежаль. Нужно было узнать, там ли родился Василий Васильевич Ушаковский, и кто из его родных или близких знакомых еще проживает в этом селении?

Из архивного отдела Харламову доставили паспорт за номером 715299. Он мало что добавил капитану, однако дал возможность установить, что этот паспорт выдан на основании солдатской книжки, которая также вскоре оказалась на столе Харламова.

Где сейчас находится отдельный минометный батальон, в котором служил ефрейтор Ушаковский Василий Васильевич? Кто из однопольчан может установить его личность? Это тоже был важный вопрос, и, запросив соответ-

ствующие органы, капитан Харламов ждал на него ответа.

Наконец, в отделе кадров артели, куда входила заинтересовавшая Харламова парикмахерская, он познакомился с трудовой книжкой дамского мастера Ушаковского. Всё было в порядке, и сам Василий Васильевич — на хорошем счету в парикмахерской.

Правда, возник вопрос: почему Василий Васильевич живет в одном городе, а работает в другом? Возможно, он, прежде чем устроиться с жильем, поступил на работу в Чистых водах, а когда подвернулся дом, уже не захотел менять место службы? Многие на курортах живут в одном городе, а работают в другом. Что же здесь удивительного?..

В автобиографии, приложенной к листку по учету кадров, Василий Васильевич писал, что родителей не помнит. Воспитывался у дяди, крестьянина-издольщика. Четырнадцать лет нанялся к пану Довбни и батрачил у него до 1939 года. После воссоединения Западной Украины с Восточной, по состоянию здоровья решил перейти на более легкую работу и переквалифицировался на парикмахера. С первых дней Великой Отечественной войны — на фронте. Имеет два ордена «Красной Звезды», медали «За боевые заслуги», «За оборону Одессы» и «За взятие Кенигсберга». Ранен. Своей семьи никогда не имел.

В ожидании ответа на запросы, капитан Харламов стал внимательно изучать образ жизни Ушаковского.

Василий Васильевич продолжал спокойно работать, и в его особнячке на окраине города было тихо, если не считать свирепого лая бульдога, который, видимо, не даром ел хлеб.

После известной телеграммы Василий Васильевич стал еще осторожней и, словно невзначай встретившись с «Буйволом» на трамвайной остановке, успел шепнуть ему новое место встреч, категорически запретив приходить к нему домой. Сказал он и несколько слов о новом прокуроре, после чего «Буйвол» нахмурился и укрепился в мысли, что скоро придется наострить лыжи. А он сейчас не очень-то хотел «менять климат».

Вечером на берегу Нежники «Буйвол» излил свою злость на «Зуба», дела которого в последнее время резко пошатнулись. То ли курортники стали бдительней, то ли просто удача покинула «Зуба»? А удача его на самом деле покинула, потому что «Зуб» примелькался и органы милиции уже заинтересовались его особой.

«Зуб» чувствовал это и трусил. Он перестал появляться в дорожных ресторанах и других общественных местах; решил затаиться. Но поскольку «Буйвол» требовал дела, ему оставалось выбирать одно из двух: либо приносить шефу кое-какие свои «сбережения», оставленные про запас, на черный день, либо просто «смотаться».

«Буйвол» по-прежнему ласково называл «Зуба» деткой, но глаза его недобро блестели.

На этот раз он притянул «Зуба» к себе и заметил внушительно:

— Шкодишь, детка. Смотри, милый, не оши-

бись. От меня все равно не уйдешь... А теперь марш и чтобы через три дня пришел с хорошими вестями.

«Зуб» исчез. О том, что его, кажется, нащупала «уголовка», он не решился сознаться «Буйволу».

Том оказался счастливей. Парнишка подавал надежды, и «Буйвол» приблизил его к себе. Теперь он знал, что Том потерял родных на войне, убежал из детского дома, связался с рецидивистами, а когда главаря «застукала уголовка», стал промышлять сам. Дальше его биография была «Буйволу» известна.

Примерно так же складывалась по-началу биография самого «Буйвола».

Его юность проходила в смутные двадцатые годы. Он убежал из голодного дома в небольшом приволжском селе на юг. Потом неожиданно судьба свела его с армавирским священником. Но духовный деятель из «Буйвола» не получился. Он просидел три года за кражу. Вышел из заключения — стал осторожней. А спустя несколько лет началась война.

Вот, собственно говоря, и все.

Живет он на свете один — обездоленный и обозленный, потому что в общем-то на все ему теперь наплевать, а жизнь уже прожита. Никто его не ждет, нигде ему не рады. Он любит деньги, и деньги к нему идут. Любит внушать страх, сознавать свою затаенную, злобную силу и при случае коверкать жизнь людей, которые, конечно, были счастливей его. Он понимал это и мстил.

Неожиданно для себя «Буйвол» почувствовал к приведенному «Зубом» пареньку распо-

ложение. Что-то дрогнуло в его огрубевшем сердце, и он даже поймал себя на желании приласкать новичка.

Том вряд ли догадывался об этом. Когда воровская шайка распалась, он решил, что настал благоприятный момент изменить образ жизни. Перебрался в Ростов и стал думать, как быть дальше. Две недели он слонялся по городу, не зная с чего начать, куда поступить работать и как объяснить, чем занимался раньше. Деньги кончались, и надо было срочно что-то решать. Тут произошла история с попавшим под электричку журналистом, и Том не выдержал, сорвался...

«Буйвол» не пытался разобраться в его психологии. Ему просто хотелось верить этому угрюмому, но смелому пареньку.

«Зуб» совсем другой. Душонка у «Зуба» была трусливая, и хотя руки ловкие, но он всегда шел на «работу» с опаской, а действовал только наверняка. Он и часы-то не снял со своего подвыпившего «клиента», которого дождал Том, только потому, что, показалось, тот недостаточно захмелел.

«Буйвол» знал предысторию «Зуба». Детство у него, как и у Тома, исковеркала война. И где-то на распутье он встретил «Буйвола».

У того в это время уже было кое-какое свое хозяйство, и его хлопчики, пользуясь послевоенной сумятицей, действовали довольно активно.

Да и сейчас, кроме Тома и «Зуба», еще несколько таких же бездомных, запутавшихся пареньков продолжали выкладывать перед «Буйволом» содержимое своих карманов.

«Зуб» не знал их, как, впрочем, и они не знали его. А уж о Василии Васильевиче тем паче никто из них даже не подозревал. Со старым парикмахером имел дело только «Буйвол».

Между прочим, он познакомился с Василием Васильевичем, когда тот был еще Довбней и брил киевского гаулейтера.*

Стремительное наступление частей Красной Армии разметало отребье, вроде Довбни и «Буйвола». Но где-то они все-таки зацепились и остались на советской земле.

Случайно дороги панского отпрыска Довбни и «Буйвола» снова сошлись. Это было как раз в то время, когда Василий Васильевич, ставший уже Ушаковским, обосновался под Южногорском.

«Буйвол» помог ему запутать несчастную вдову Спирину Марию Кузьминичну, а затем избавиться от нее. Но при этом он допустил оплошность.

Дело в том, что труп Марии Кузьминичны был довольно быстро обнаружен в одном из ущелий. Оpoznать его не удалось, потому что документов у жертвы не оказалось, а голова была размозжена камнем. Следователь предположил, что убийство произведено по сексуальным мотивам. Преступник следов не оставил, и вскоре дело было прекращено. Все это Василию Васильевичу удалось узнать через свою многочисленную клиентуру, и у них с «Буйволом» произошел крупный разговор. Если так нечисто работать, можно скоро «защиться». Тем более, что, как оказалось, «Буй-

* Наместник.

вол» не снял с убитой кольца, на котором были выгравированы буквы: «М. Т.»

«Буйвол» объяснил Василию Васильевичу: он нарочно не снял кольца, чтобы запутать следствие.

Что означает «М. Т.»? Мария Трошина. А попробуй догадайся, что Трошина — девичья фамилия Марии Кузьминичны, и некто Спирин преподнес ей это кольцо еще в те дни, когда только начинал ухаживать.

Василий Васильевич не разделял мнения «Буйвола»: лучше все-таки никаких улик. Но в конце концов все обошлось.

Потом «Буйвол» несколько раз исчезал и опять появлялся в этих краях. А минувшей осенью он снова понадобился Василию Васильевичу.

Что новый прокурор в городе ворошит старые дела, Василий Васильевич знал точно. По правде говоря, это его не слишком тревожило. За давностью преступления вряд ли он что-нибудь сумеет узнать. Однако старый мастер решил сыграть на этом, чтобы заставить «Буйвола» перебраться в Среднюю Азию, где скоро его помощь окажется необходимой.

Василий Васильевич ждал вторую телеграмму за подписью Ходжиева.

ЕЩЕ СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

23 августа. 18 часов 30 минут. Бородуля стоит перед младшим сержантом Ковалдиным и, чуть наклонив голову, с интересом слушает. Одет Бородуля необычно. Он в ватных брюках и стеганой куртке. На ногах ту-

го зашнурованные ботинки. Задача — проложить след. По этому следу через несколько часов выйдет Ковалдин с «Амуром». Что требуется от Бородули? Уйти как можно дальше и как можно больше запутать след.

Бородуле такое задание нравится.

Он скрывается за барханами и путает след. Путаёт так, что сам ни за что бы себя не нашёл.

Он идет и идет, петляя, по пескам, которые во многих местах сразу затягивают следы. Где уж тут разобраться «Амuru»!

Через некоторое время он выходит к одному из барханов и замечает след человека. Растерянно смотрит кругом.

Чей это след?

И вдруг улыбается: чужой здесь не может быть днем, значит не всё ли равно — чей? Он пойдет по этому следу и резко свернет в сторону. Пусть-ка тогда «Амур» разбирается!

Он так и делает. Затем прокладывает новый след. И опять выходит туда, где кто-то уже побывал до него. Он повторяет прием. Идет параллельно обнаруженным следам, пересекает их, удаляется в пески.

Потом выходит к следам, где проходило несколько человек. Это для него еще лучше. Добавляет к ним свои следы.

Опять идет там, где еще никого не было. Наконец, устает и, решив, что запутал следы окончательно, за одним из барханов валится в песок.

Не скоро теперь разыщет его «Амур»!

Сумерки сгущаются.

Бородуля тяжело дышит. Расстегивает куртку. Отпускает ремень. Вспоминает о фляге и жадно пьет.

По его подсчетам «Амур» сейчас только выходит с заставы. Значит, если он даже его найдет (что очень сомнительно), то Петр Ковалдин будет здесь не раньше, чем через несколько часов.

На душе спокойно. Здесь, за барханами, в пяти-шести километрах от границы, Бородулю не тревожат никакие звезды. И даже думать о них не хочется.

Он переворачивается на спину и закрывает глаза. Но тут же вскакивает, потому что совсем близко — лай.

Бородуля бежит...

Кто-то сбивает его с ног, прижимает к земле.

«Амур!».

Бородуля кричит.

— Фу!— Это подает команду младший сержант Ковалдин.

«Амур» в последний раз хватается «нарушителя» и недовольно отходит.

Бородуля с трудом поднимается.

Ковалдин раздосадован: занятие сорвалось.

— Как так? — удивляется Бородуля.

— А зачем ты топтался на одном месте?

— Я топтался?

— Эх, Бородуля, даже свои следы различить не мог...

31 августа. Везет Бородуле. Опять старшина Пологалов берет его с собой, и едут они

в районный центр: Бородуля, старшина Пологалов и сержант Назаров.

В военторговском магазине отбирают товары для ларька без продавца. Завтра этот ларек должен открыться на заставе. Новенькие погоны и знаки различия. Зубная паста. Щетки. Крем для сапог. Подворотнички. Конфеты. Печенье. Сигареты.

Командир отделения советуется с Пологаловым и говорит Бородуле:

— Тебе ответственное задание. Пойдешь на почту, купишь сто конвертов и двадцать комплектов почтовой бумаги. Вот деньги. Ясно?

— Ясно!— отвечает Бородуля.

— Шагом марш!

Бородуля идет по улице, широко улыбаясь. Идет довольно долго, но почтового отделения не встречает. А оно должно быть где-то здесь, поблизости.

Бородуля решает спросить первого встречного: где почтовое отделение?

Этот встречный показывается из-за угла и, застыв на месте, оторопело смотрит на Бородулю.

«Что,— думает Бородуля,— не узнаешь? А я тут недавно»,— и подходит ближе.

Человек вдруг круто поворачивается.

— Эй!— окликает Бородуля.

Человек останавливается, заискивающе смотрит на Бородулю. Бородуле это льстит. Он напускает на себя суровость:

— Где почта?

Человек неуверенно показывает вправо.

Бородуля кивает. Идет вправо. Оглядыва-

ется: того, кто только что ему повстречался, уже след простыл.

Бородуля усмехается: ишь, какой прыткий.

Он идет, а почты всё нет и нет. Бородуля начинает сердиться. Спрашивает у какой-то старушки:

— Где почта?

— Эко, миленький, тебя занесло,— сокрушенно вздыхает она. Почта, оказывается, совсем в другой стороне.

Бородуля быстро идет назад и страшно злится на человека, который решил подшутить над ним и показал неверное направление.

Когда Бородуля принес, наконец, конверты и вручил старшине Пологалову, Назаров спросил строго:

— Почему задержался?

Бородуля засопел:

— Кто-то пошутил и заставил меня колесить по городу.

Он не сразу понял, почему вдруг командир отделения и старшина заинтересовались этим человеком. А они прямо закидали вопросами:

— Где ты его встретил?

— Что спросил?

— Что он ответил?

— Какой из себя этот человек?

— Во что был одет?

— В какую сторону пошел?

Какой из себя? Во что одет?

А Бородуля не помнит. Ну, человек и человек... Мужчина, одним словом. В брюках...

— Зачем же ему надо было обманывать? — недовольно спросил Назаров.

— Так и я удивляюсь, — пожал плечами Бородуля.

— А. может быть, он не знал, где почта?

— Может быть, человек нездешний? — наседали Пологалов и Назаров.

— Может быть, — согласился Бородуля. — Ну и что?

Ответ на этот вопрос он получил через полчаса, когда перед ним снова стоял «тот самый встречный». Его задержали дружинники.

Оказалось, человек приехал в пограничную зону с просроченным паспортом. Приехал к родным, ничего злоумышленного совершать не собирался. Но нарушил пограничный режим.

— Что теперь с ним будет? — спросил Бородуля.

— Оштрафуют и вышлют за пределы пограничной зоны, — ответил Назаров.

— А почему? — опять спросил Бородуля.

— Пусть приведет в порядок документы, а уж потом приезжает, — это сказал Пологалов.

— А-а, — протянул Бородуля. Конечно, он понимал, что неизвестный мог оказаться нарушителем границы.

Старшина Пологалов «накачивает» дежурного.

Кто это сегодня дежурит? А, Шарапов... Бородуля ничего не имеет против Шарапова. Но Шарапов тоже моряк, и значит, пусть ему всыпает старшина за милую душу. А Шарапов, глядишь, Кошевника «надраит». С Кошевником у Бородули старые счёты.

Он подходит ближе.

— Светлая у тебя голова, Шарапов,— говорит старшина Пологалов.— Давай, готовь самостоятельность.

Бородуля останавливается в нерешительности: вот тебе и «накачка». Нет, старшина Пологалов, явно, не на своем месте. Какой же это старшина, если никого не «накачивает»? Даже его, Бородулю, вроде все на заставе «накачивают», а он нет.

Бородуле вдруг страшно хочется, чтобы старшина его «накачал». Он стоит и ждет.

— Бородуля!

Наконец-то...

— Слушаю, товарищ старшина!

— Что же вы, рядовой Бородуля? — говорит Пологалов, и это «что же» кажется Бородуле песней.

— А что я? — немедленно лезет он в амбицию.

Но голос у старшины мягкий, и слова вовсе не обидные. А Бородуля обязательно хочет обидеться.

Пологалов говорит:

— Идите, товарищ Бородуля, в канцелярию, получите свое денежное содержание.

«Не то!» — думает Бородуля и спрашивает:

— А зачем?

— Положено,— улыбается старшина.

— А я потом,— почему-то говорит Бородуля.

— Ну, как знаете,— отвечает старшина и идет в канцелярию.

Бородуля ждет. Жаль, что Пологалов больше не окликает его.

Старшина не задерживается в канцелярии. По дороге в складское помещение Бородуля перехватывает его. Говорит, словно делает одолжение:

— Ладно, товарищ старшина. Идемте за деньгами. А то вам, действительно, некогда.

Пологалов опять улыбается:

— Правильно, Бородуля. Ну так идите в канцелярию.

— А вы? — недоумевает солдат.

— Мне действительно, — Пологалов подчеркивает слово «действительно», — некогда.

— А что же я там один буду делать?

— Возьмете деньги.

— У кого?

— На столе возьмете и распишетесь в ведомости.

Бородуля заинтригован. Он недоверчиво смотрит вслед старшине и идет в канцелярию. Осторожно стучит. Тихо. Открывает дверь — никого. На столе капитана Ярцева лежит пачка денег и ведомость. Бородуля нерешительно подходит к столу.

Много денег — и никого.

Он находит свою фамилию в ведомости.

Так что же, так самому и брать деньги? Он протягивает к ним руку и сразу отдергивает, потому что слышит шаги.

Кошевник...

— Привет, Бородуля!

— Привет, ефрейтор, — бурчит Бородуля и отходит от стола.

— Старший матрос, — поправляет Никита, расписываясь в ведомости. Отсчитывает поло-

женную сумму денег и прячет в карман. Насмешливо приглядывается к Бородуле:

— А ты чего не берешь? Боишься?

Опять — боишься!

Бородуля презрительно усмехается и тоже расписывается в ведомости.

Ну и порядочки на заставе: приходи сам и бери деньги!

А что, если Кошевник взял больше, чем ему полагается, а потом свалит на Бородулю?

Он подозрительно смотрит на Кошевника.

ВТОРАЯ ТЕЛЕГРАММА

— Мы будем вам очень обязаны, Зоенька, — сказал капитан Харламов, — если вы доставите еще одну телеграмму по тому же самому адресу.

Зоенька вспомнила, какой страх охватил ее месяц назад в безлюдном переулке, когда Василий Васильевич окликнул ее, чтобы вернуть телеграмму, и вспыхнула.

Капитан Харламов понял это по-своему:

— Да вы не бойтесь, Зоенька, мы вас в обиду не дадим.

— Вот еще выдумаете! — сердито сказала она и взяла телеграфный бланк, на котором, кроме адреса, было всего два слова: «Приеду Ходжиев».

Капитан Харламов объяснил:

— Вы, Зоенька, должны сделать вид, что вам неизвестно содержание телеграммы.

— Конечно, — сразу согласилась Зоенька и потянулась к баночке с клеем. — Мы должны вручать адресату запечатанную телеграмму,

— Вот-вот,— подхватил Харламов.— А теперь давайте еще кое-что уточним. Прежде всего я думаю, что когда Василий Васильевич увидит вас возле своего дома, он притворится удивленным и скажет что-нибудь вроде: «Неужели снова телеграмма товарищу Васильеву на мой адрес?» Вы ответите: «Да, Васильеву, на ваш адрес». Думаю, он откажется принять эту телеграмму.

Зоенька кивнула.

— А если он все-таки захочет принять телеграмму?

— Отдайте.

— Ладно,— сказала Зоенька.

— И, наконец, последнее,— заметил капитан Харламов.— Если Василий Васильевич телеграмму не возьмет, но поинтересуется ее содержанием — покажите. Понимаете?

— Понимаю,— опять кивнула Зоенька.

— Тогда в путь! — сказал капитан Харламов.— Сейчас Василий Васильевич должен быть дома. Сегодня он работает с двух.

Сонное утро вставало над городом. Лил мелкий дождь.

Зоенька шла быстро, прикрываясь зонтиком. Ноги скользили по плитам тротуара. Она уже несколько раз попадала в лужу, забрызгала чулки и чувствовала, как вода забирается в туфли. Наконец постучала в знакомую калитку. Бульдог яростно залаял. Василий Васильевич выглянул в окно и узнал девушку.

— Сейчас!

Бульдог гремел цепью, рвался к Зоеньке.

— Да замолчи ты! — прикрикнул Василий Васильевич, отодвигая засовы.

Она сказала:

— Опять на ваш адрес телеграмма товарищу Васильеву.

Старый мастер притворился, что не расслышал.

— Идемте в дом,— пригласил он,— ведь невозможно разговаривать под таким ливнем.

«Вот еще!» — подумала Зоенька и повторила:

— Товарищу Васильеву телеграмма.

Хозяин дома взял ее за руку.

— Идемте, идемте!

Зоенька растерялась и позволила Василию Васильевичу затащить себя на крыльцо. Теперь они стояли под железной крышей. Между крыльцом и калиткой метался бульдог, которого Василий Васильевич отшвырнул ногой, когда вел Зоеньку к дому.

Она собрала все свое мужество и попробовала улыбнуться.

— Дальше я не пойду...

Василий Васильевич отпустил Зоенькину руку и ласково смотрел на нее:

— Как не пойду? А дождь? Неужели вы будете стоять на крыльце, пока он не пройдет?

— У меня — зонтик, — напомнила Зоенька, стряхивая с него воду.

— Ну, ну, — примирительно сказал старый мастер. — Телеграмму-то вы должны вручить.

— Конечно, — согласилась Зоенька и зябко поежилась. — А где адресат?

— Вы промокли, — мягко сказал Василий Васильевич. — Заходите в дом, обогрейтесь.

— Нет! — решительно заявила Зоенька.

Василий Васильевич потрогал усы:

— Понимаете, как смешно получилось. Тогда вы только ушли, приходит гражданин и говорит: «Прошу извинить, но я случайно перепутал адрес и сообщил другу ваш. Так что если еще придет телеграмма, пожалуйста, примите. А я вас как-нибудь навещу».

Зоенька вспомнила наставления капитана Харламова и охотно согласилась.

— Примите телеграмму.

Василий Васильевич расписался на квитанции и, для приличия еще раз пригласив Зоеньку в дом, проводил ее до калитки.

Обо всем этом капитан Харламов доложил своему начальнику.

— Ну, что же, — заметил тот. — И это небезынтересно.

Между тем из Несвежаля, где, судя по документам, родился Ушаковский, ответили, что точных сведений представить не могут, потому что старый Несвежаль сгорел во время войны и никаких архивных документов не сохранилось. Ушаковские в Несвежале не проживают, но, якобы, эта фамилия кажется здесь знакомой.

Мало что дал и ответ из Министерства Вооруженных Сил. Интересующий капитана Харламова минометный батальон расформирован в июле тысяча девятьсот сорок пятого года Ефрейтор Ушаковский Василий Васильевич в этом батальоне служил. Где он сейчас — неизвестно, как, впрочем, неизвестно и местонахождение его бывших сослуживцев. Далее следовало несколько адресов, которые должны были послужить 'зацепкой для того, чтобы разыскать однополчан Василия Ушаковского.

В соответствующие военкоматы был сделан запрос.

Вначале ответ пришел из Новосибирска. Капитан запаса Никитин Григорий Федорович — замполит батальона — скончался в 1949 году от воспалительного процесса, вызванного осколком в правом легком.

Затем поступили сообщения из Одессы и Краснодара.

Старшина роты, одессит Коваленко Максим Иванович, механик рефрижератора, находился в заграничном плавании.

Подполковник запаса Пронин Илья Ермолаевич (бывший командир батальона) снят с учета по состоянию здоровья и где сейчас — военкомату неизвестно.

Из Свердловска сообщили: младший сержант запаса Гойфман Исаак Давыдович, комсорг батальона, в 1953 году переехал на постоянное местожительство в город Минск.

Из Минска пока еще ответа не было.

Откликнулся на запрос и адресный стол. Местожительство гражданки Спириной Марии Кузьминичны установить не удалось.

Капитан Харламов так и предполагал. Он связался с городской прокуратурой и попросил ознакомить его с делами об убийствах в тысяча девятьсот сорок пятом — сорок шестом годах.

Харламову повезло. Новый прокурор города как раз заинтересовался некоторыми старыми делами и облегчил его задачу.

В конце концов Харламов остановился на трех делах, которые вел почему-то один и тот же следователь и, определяя мотивы убийства, неизменно заключал: по сексуальным причинам.

Установить личность убитых в свое время не удалось, а сейчас это вообще казалось невозможным. Между тем Харламова особенно заинтересовало одно дело, к которому была приложена фотография женщины с обезображенным лицом. Безусловно, преступник во что бы то ни стало хотел скрыть, кем является его жертва.

Изучая это дело, капитан Харламов обратил внимание, что на левой руке убитой обнаружено кольцо с выгравированными на нем буквами: «М. Т.».

Он задумался, что значит «М. Т.»? Имя и отчество убитой? Или, может быть, ее имя и фамилия?

М. Т. ...

Капитан Харламов искал Марию Кузьминичну Спирину. Первая буква инициалов подходила. А вот вторая?

Харламов чувствовал, что находится на верном пути. Нужно было только найти то един-

ственное звено, которое свяжет цепь умозаключений.

Тщательное наблюдение за Василием Васильевичем позволило сделать следующие выводы. Весь его день делится на две части. Одну из них дамский мастер проводит в парикмахерской, другую — дома. Имеет много знакомых, но в дом их не приглашает. Среди знакомых — больше женщин. Сам заходит лишь к трем соседям. Бывает у них по очереди.

Семья врачей Розовых вне подозрения. Иван Степанович Розов — заслуженный врач республики, старый коммунист. Еще в 1917 году на Кавказе он был связан с Сергеем Мироновичем Кировым и 17 марта 1918 года принимал участие в съезде народов Терека.

Шофер такси Данильченко Петр Семенович тоже человек проверенный.

Дочь фронтовика — Елена Андреевна — была хорошо известна Харламову. В прошлом году, чего греха таить, у капитана даже начинался с нею роман... Но это вопрос особый. Главное, что сама Елена, по мнению капитана, не могла вызвать подозрений. А вот ее новое увлечение...

Кто такой Анатолий Горский, поселившийся у нее в доме после отъезда сестры? И не удивительно ли, что он так быстро сошелся с Василием Васильевичем?

Горским тоже занялись органы госбезопасности. Вскоре удалось выяснить, что он служит на одном из траулеров, производящих лов в Атлантике, холост, имеет на севере не-

плохую квартиру. Документы у него в порядке. Биография безупречная.

В октябре 1944 года, когда войска Карельского фронта перешли в наступление на Луостари, а затем — Печенгу, где действовала 20-я немецкая горная армия, сформированная из отборных войск, прошедших специальную подготовку, сержант Горский, вместе с частями морской пехоты высадился десантом в районе полуострова Среднего. Здесь он отличился при штурме населенного пункта Поровару и спас жизнь капитану третьего ранга Павлову, с которым с тех пор не расстается вот уже больше десяти лет, плавая под его командованием на судах тралового флота.

Какие же подозрения мог вызвать Горский? То, что он подружился с Василием Васильевичем, еще ни о чем не говорит.

Значит, казалось бы, и здесь всё в порядке. Возможно, Леночка устроит, наконец, свою жизнь. Правда, Горский не торопится в ЗАГС. Но это уж их с Леночкой дело...

Горский и в самом деле не торопился в ЗАГС.

Елена тоже не слишком настаивала на этом: она любила самостоятельность.

Как-то уж с детства повелось так, что Людмила ей во всем уступала. Елена быстро нащупала слабую струнку в характере сестры и пользовалась этим. Она жила беспечно, не задумываясь над тем, что делает.

Людмила окончила институт и стала ботаником. Елена решила проще: ее вполне устра-

ивала должность массовика. Она беззаботно коротала время, пока не встретила Горского.

Елена знала, что через месяц Горскому придется возвращаться на север. Предложит ли он ей поехать с ним? И что тогда делать? Или договорятся встретиться следующим летом, чтобы, так сказать, лучше проверить чувства?

Пожалуй, ее больше устраивало последнее. В общем пусть думает он...

Как-то она спросила у Горского: почему так благоволит к нему Василий Васильевич?

Горский пожал плечами:

— Сам удивляюсь.

Василий Васильевич иногда заходил к ним. Интересовался:

— Ну, как живем, молодежь? — и крутил ус.

Горский приглашал его к столу, извинялся и на минуточку уединялся с Еленой.

— Надо угостить старика, — говорил он. — У нас что-нибудь есть?

— Конечно, — отвечала Елена и открывала холодильник. Но всегда оказывалось, что начатая бутылка коньяка пуста.

Елена глядела подозрительно:

— Когда ты успел?

Он тоже удивлялся:

— Так ведь эта бутылка стояла неделю.

— Ну да? — возражала она.

Он шутливо обнимал ее:

— Ладно считать грехи... Лучше займи старика, а я мигом сбегаю в гастроном.

Но Елена возражала:

— О чем мне с ним говорить? Лучше ты побудь дома, а я схожу.

Горский соглашался.

— Только, чур, быстро!

Она кивала, и он видел, как она торопливо сворачивала в переулок.

Так случилось и сегодня.

Оставшись одни, мужчины преобразились. Обычно флегматичный, Василий Васильевич заговорил быстро:

— Вчера пришла телеграмма и, как вы велели, мне удалось связаться с шефом... Значит Ходжиев предлагает встретиться. На явке в Ташкенте будет мой человек. Но,— здесь Василий Васильевич улыбнулся так, будто он был виноват,— независимо от переговоров шеф приказал вам перебраться на границу. Советует устроиться в речном пароходстве. То, что вы будете действовать с Ходжиевым в одном районе, он считает даже к лучшему; хотя знакомиться до особого распоряжения не следует.

Горский сидел на подоконнике, в полоборота к старому мастеру, и смотрел на калитку сада. Он не скрывал неудовольствия. Василий Васильевич между тем продолжал торопливо:

— Пусть Елена переедет к сестре. А вы с ней, разумеется. Заживете под крылышком пограничников. Лучшее место трудно найти.

Горский продолжал хмуриться. Видно, такое задание было ему не по душе.

— Весь вопрос в том, как вы уйдете из трал-флота, не вызывая подозрений,— сказал Василий Васильевич.— Как по нотам мы разыграли ваше знакомство с Пулатовым. Так нужно сделать и теперь,— Он прижал руки к гру-

ди: — Поверьте старику: единственным убедительным мотивом может служить любовь. Я не берусь вас учить, но по-моему вы должны предложить Елене поехать с вами на север и обязательно так, чтобы она отказалась. Тогда вы, конечно, не захотите ее потерять, а потому...

— Елена! — перебил старого мастера Горский. И снова на лице Василия Васильевича появилось флегматичное выражение.

ОПЯТЬ ЗВЕЗДЫ

Тускло светит ночник, и когда вспоминаешь о нем, спать еще больше хочется. Но если дежурный разбудил, лучше вставать сразу.

Бородуля сел на койке. Не открывая глаз, стал натягивать гимнастерку. Туго затянул ремень. Нашупал ногой сапоги и сонно стал наворачивать портянку. Хорошо хоть, что в последнее время портянки лежали там, где их сразу можно найти.

Вообще, конечно, Бородуля уже не тот, каким был в первый день на заставе. Он научился вставать после первого предупреждения дежурного. И на тумбочку больше не натывает, даже если совсем выключен ночник. Мыло тоже всегда находит на умывальнике. И койку заправляет прилично, аккуратно сворачивая крендельком накомарник.

Словом, вскоре он предстал перед старшим наряда Николаем Бегалиным в полной боевой готовности.

Бегалин поморгал безбровыми глазами,

сморщил облуленный нос и стал осматривать снаряжение Бородули.

А потом его снаряжение проверял капитан Ярцев. И, прежде чем отдать боевой приказ, снова спросил номер карабина. Бородуля ответил правильно и сам удивился.

— Ну, главное сделано,— пошутил Ярцев.— Теперь осталось только научиться стрелять.

А может быть он не шутил? Иначе почему он добавил:

— Со знания своего оружия и начинается настоящий солдат. Вот так-то, Бородуля.

Ночь стояла душная. Небо цеплялось за вороненый ствол карабина с примкнутым штыком и мешало Бородуле идти. Он видел спину Бегалина, маячившую впереди черным пятном. Это пятно то приобретало контуры человеческой фигуры, то расплывалось, потому что Бородуля то ускорял шаги, то отставал, убедившись, что впереди действительно старший наряда.

Всё громче шумела река. Она была где-то рядом. Теперь Бородулю снова тянуло поднять голову и отыскать Большую Медведицу. Но он не решался: а вдруг опять начнется чертовщина? Так, по крайней мере, спокойней, потому что Большая Медведица, может быть, висит себе преспокойно на своем месте.

Еще через несколько минут плотной стеной обступили камыши. Справа, между ними и нарядом, вклинилась узкая полоса мягкого грунта. Бегалин осветил ее фонариком и пошел медленней.

Недавно проборонованная земля дышала покоем. Бородуле показалось, что он не на

границе, а в родном колхозе. И эту борозду провел отец.

Бородуля почесал мочку уха, в которую впился комар, и стал думать об отце. Хотел батька, чтобы сын служил на пограничной заставе,— пожалуйста. Служит. И ничего особенного в этом нет. Не хуже других.

Бородуля прислушался:

— И-ишь ты, и-ишь ты...

Старая песня.

Он передразнивает:

— И-ишь ты, и-ишь ты!..

Звезды...

Как могут звезды снижаться? Чепуха. Вот сейчас он поднимет голову и увидит Большую Медведицу. Сейчас...

Бородуля наткнулся на Бегалина и оторопело уставился на него.

Николай сказал шопотом:

— Ты слушай внимательно. Я тебе знак даю, а ты лезешь, как этот...

— Кто? — спрашивает Бородуля.

— Ну, этот...— тянет старший наряда.

«Кабан!»—решает Бородуля. Кошеvníк, или, скажем, Назаров, конечно, договорили бы: «прешь, как кабан!». А Бегалин совестливый, боится обидеть.

Бородуля храбрится:

— Я не пру, и ты на меня не кричи!

— Ти-хо!—предупреждает Николай.— А почему на сигнал не отвечаешь?

Бородуля не слышал никакого сигнала: он был занят своими мыслями и отвечает обиженно:

— А ты зачем звал?

Бегалин просит:

— Будь внимательней.

— Ладно.

Идут дальше.

«Сейчас подниму голову и увижу Большую Медведицу», — подбадривает себя Бородуля. Но в монотонное гудение реки вплетается рокот мотора и мешает ему осуществить свое желание.

Сквозь камыши бьет сильный луч прожектора. Пограничный катер забирает к берегу, обдаёт брызгами неподвижные стебли.

Бородуле кажется, что он видит у штурвала Шарапова и Кошевника. Никита, конечно, смеется.

«Чепуха!» — думает Бородуля и стоит, подперев рукой бок.

Прожектор гаснет и зажигается снова. Точка. Тире. Точка. Тире.

Неужели нащупал их?

Мотор заглох. Снова взвыл. Отработал задний ход. Выключился.

Точка. Тире.

Ждут.

Погасили фару.

Бегалин тоже посылает в ночь точки, тире.

Катер взревел моторами, успокоился. Пошел своим ходом.

Бегалин подзывает Бородулю. Тот удивляется:

— Вот глазастые! Сквозь камыши, да еще, почитай, метров на двадцать видят!

Бегалин сокрушенно качает головой:

— А ты бы еще на камыши забрался и руками размахивал.

— Зачем? — спрашивает Бородуля.

— Ведь нам с тобой грош цена, если они нас заметили.

— Почему?

— Значит нас всякий заметит. И нарушитель заметит... Ты почему стоял-то как...

«Пень!» — досказывает про себя Бородуля и обижается:

— А ты что делал?

— Я услышал катер и лег. За-ма-ски-ро-вал-ся.

— Так что же они из-за меня сигналили?

— Эх, Бородуля!...

Некоторое время шли молча. На изгибе реки Бегалин подал знак остановиться. Бородуля увидел, как старший наряда распластался на земле, и тоже лег.

Бегалин отполз в камыши.

Бородуля смахнул комара, нависшего над правым веком, и тоже отполз. Прислушался. Кто-то шагал навстречу.

У Бородули похолодели руки. Он вцепился в спусковой крючок и прижался к карабину щекой.

Река обрадованно зашипела:

«Бои-ишься ты... бои-ишься ты!»

Бородуле становилось жутко. А приглушенные шаги уже совсем рядом. Бородуля с трудом заставил себя открыть глаза и увидел ногу в солдатском сапоге.

«Наряд!» — сообразил он и, преодолевая неизвестно откуда взявшуюся слабость, подал опознавательный знак.

Сапоги замерли. Чья-то рука легонько стукнула по голенищу.

«Свой!» — облегченно вздохнул Бородуля, вылезая из камышей.

Конечно, перед ним стоял пограничник. Свой! Да еще не кто-нибудь, а сержант Назаров.

Страх отпустил Бородулю.

— Пароль? — прошептал Назаров.

Бородуля надулся: сам знает, что надо спрашивать. Но командир отделения не стал его отчитывать.

Бегалин доложил Назарову, как старшему по званию, что на границе без происшествий.

— Ясно, — тихо ответил Назаров. — А как Бородуля?

«Сейчас нажалуется!» — решил Бородуля.

— Ничего, молодец, — так же тихо сказал Бегалин.

И тогда Назаров заметил:

— Хорошо, я доволен.

«Вот тебе и на! — удивился Бородуля. — Я струхнул и нарушил инструкцию, а сержант Назаров доволен. Впрочем, конечно, откуда он знает, что я струхнул?»

Наряд командира отделения исчез в темноте.

«Ну, пароль-то я теперь всегда буду спрашивать, — рассуждал про себя Бородуля. — А бояться?»

Он шел за Бегалиным и хотел заставить себя поверить в то, что бояться границы нечего. Но чем больше старался убедить себя в этом, тем настойчивей подкрадывался страх. Как в тот, первый раз на границе, звезды стали снижаться и давить на него.

«Чепуха! — сказал он себе. — Как это звезды могут снижаться? Вот сейчас подниму голову и — здравствуйте вам! — Большая Медведица!..»

Он поднял голову. Пошарил глазами в нависшем светлеть небе, но семизвездного ковша не увидел.

В висках застучало:

— Бегалин! — тревожно позвал он. — Послушай, Бегалин!

Нет, не стал еще Бородуля настоящим солдатом...

СМЕЛЫМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Когда майор Серебренников снова приехал на заставу, ему доложили, что Бородуля боится границы. Теперь это ни для кого не было тайной. В наряд пограничники шли с ним неохотно. Да и капитан Ярцев старался поменьше посылать его на границу, а если посылал, то недалеко от заставы.

Беседы не помогали. Бородуля ушел в себя — и бесконечные «почему» перестали досаждать пограничникам.

Сержант Назаров теперь не мог особенно жаловаться на Бородулю: внутреннего распорядка он не нарушал, приказания выполнял точно, на занятиях старался вникнуть в смысл того, что говорил командир. Но подавленное состояние не покидало его.

Бородуля совершенно перестал реагировать на остроты Кошевника, хотя тот из кожи лез, чтобы расшевелить его, а если Никита слыш-

ком уж допекал,— просто отходил в сторону. Кошевнику вдруг надоел Бородуля, и он переключился на своего давнего друга — Бегалина.

Вахид Шарапов, секретарь комсомольской организации заставы, по совету капитана Ярцева провел диспут на тему: «О воинском долге и храбрости». Говорили об Александре Матросове, Юрии Смирнове, о пограничниках-следопытах Карацупе, молодогвардейцах. Потом смотрели фильм «Подвиг разведчика». Бородуля, казалось, увлекся.

На следующий вечер Шарапов затеял викторину. Он поставил на бильярд огромный сверток, перетянутый красной лентой (никто не знал, что в этом свертке — пирожок), и объявил условия игры. Каждый говорит пословицу о храбрости. Считают до трех. Кто скажет последним — получит приз. Желающих оказалось много.

— «Где смелость, там победа!» — начал старшина Пологалов.

— «Где смелость, там победа!»... Раз! — подхватил Шарапов.

— «На печи не храбрись, а в поле не трусь!» — перебил Петр Ковалдин.

— «На печи не храбрись, а в поле не трусь!»... Раз! — повторил Шарапов.

— «На героя и слава бежит!» — вставил кто-то.

А другой тут же добавил:

— «Пуля в того метит, кто боится!»

— «Пуля в того метит, кто боится!»... Раз! — повторил Вахид. — «Пуля в того метит, кто боится!»... Два!..

— «Страх — хуже смерти!» — сказал лейтенант Пулатов.

— «Смелость города берет!» — вспомнил Никита Кошевник и обрадовался: мой приз!

Сержант Назаров усмехнулся: рано, мол, торжествуешь.

— У нас говорят: «Счастье и победа всегда на стороне отважных».

Шарапов повторил:

— «На стороне отважных»... Раз!.. «На стороне отважных»... Два!.. «На стороне отважных»...

— «У страха глаза велики!» — выпалил Никита и толкнул в бок соседа. Соседом, конечно, оказался Бородуля. Он надулся и ушел.

Всё это майор Серебренников выслушал внимательно, а потом сказал:

— Мне кажется, ваша ошибка в том, что вы действуете слишком прямолинейно. Ну, зачем без конца напоминать человеку о его слабости? Уверен, что это его тоже мучит. Ведь мучит? Сами говорите: изменился, ушел в себя Бородуля. А вы оставьте его в покое, дайте подумать... Окажите доверие. А если уж будете говорить о храбрости, так как-нибудь, знаете, невзначай.

В тот же вечер майор Серебренников беседовал с пограничниками. Он сказал, что на имя командира части пришло письмо. Незнакомая девушка просила сообщить, не случилось ли чего с пограничником, который, прощаясь с нею, обещал писать часто и вначале писал, правда всё реже, а потом замолчал совсем.

Никита сидел красный, хотя Серебренников не назвал имя девушки и не сказал, откуда пришло письмо. Но майор всё время смотрел на Кошевника, и тот ерзал, будто сидел на углях.

— Само собой разумеется,— задумчиво произнес Серебренников,— любовь проверяется не только письмами. Да ведь если по-настоящему любишь, разве заставишь страдать?

Он улыбнулся, вспоминая:

— Конечно, бывает и другая крайность. Вот служил у нас в батальоне солдат. Звали его Володей. Тезки мы с ним... Хороший парень, веселый. И девушкам, видно, нравился. Полевая почта только на него и работала. Когда он успевал отвечать — удивляюсь!.. Между прочим, в первый раз он влюбился, когда учился не то во втором, не то в третьем классе, словом было ему лет десять.

— Да ну? — не поверил Кошевник. А Бородуля даже рот раскрыл.

— Стояли мы тогда в резерве,— продолжал между тем Серебренников,— времени для рассказов хватало, и Володя старался.

Не знаю, какой была она, его первая любовь. Наверно, с косичками, как мышинные хвостики, и курносая, и острая на язык. Как-то вечером задержались в школе. Она жила далеко и попросила, чтобы он проводил. Он согласился. Важно взял ее за руку.

На улице было темно и безлюдно. Они петляли в переулках, всё ускоряя шаг. Где-то завывала собака. Ему стало не по себе, и он побежал. Девочка старалась не отставать,

Потом ее рука выскользнула из его пальцев. Он не сразу заметил это и продолжал бежать. На перекрестке остановился. Девочка отстала и заплакала. Он подождал ее и выругал:

— Эх, ты, трусиха!

Они снова побежали. Он впереди. Она сзади. Он время от времени оборачивался, подгонял ее. Наконец, она тяжело прислонилась к забору и, очень счастливая, засмеялась. Она была дома. А он, даже не попрощавшись, понесся назад, перепрыгивая через канавы и сбивая камни.

Пограничники смеялись.

Серебренников незаметно взглянул на Бородулю. Тот тоже улыбался. И тогда Серебренников рассказал еще случай из жизни своего фронтового друга.

Это произошло в поселке Верхнеисетского завода под Свердловском. Володе было лет пятнадцать-шестнадцать.

Сосед — старый мастер Бурдов — имел дочку, Юлочку, ровесницу Володи. Они краснели при встрече и спешили отвернуться друг от друга. А потом снова искали встреч и сталкивались будто невзначай. Это заметил старый мастер и однажды, схватив Володю за шиворот, поднес к его носу кулак. Володя убежал домой.

После этого он несколько дней не встречал Юлочку. Но вот надел праздничную рубашу и решительно вышел на улицу.

В тот вечер они сидели на скамейке перед ее домом и ничего не боялись. Юлочка сооб-

шила, что у отца запой, и значит теперь он не скоро выберется из-за стола.

Они весело болтали обо всем и ни о чем, как вдруг в доме Бурдовых послышался крик. Юлочка затряслась и схватила Володю за руку. Он увидел ее испуганные, молящие глаза и неожиданно для себя распахнул калитку. Он вбежал на крыльцо и толкнул дверь.

Пьяный Бурдов волочил жену за волосы.

— Не смей! — крикнул Володя.

Старый мастер икнул от неожиданности и отпустил женщину. Она воспользовалась случаем, юркнула в соседнюю комнату.

Глаза Бурдова налились кровью. Он схватил со стола бутылку и, замахнувшись, пошел на юношу. Володя прижался к стене. Ему было очень страшно, но он не подал вида. А Бурдов вдруг споткнулся и выронил бутылку, разлетевшуюся на множество звенящих осколков.

Володя неслышно выскользнул за дверь и увидел Юлочку. Она обнимала березку и плакала.

— Не бойся! — сказал он пересохшими губами.

— Ты храбрый! — сказала она сквозь слезы.

Ах, если бы она только знала, как ему было страшно!..

Слушают пограничники взволнованный рассказ майора Серебренникова. И Бородуля тоже сейчас — весь внимание, боится пропустить слово.

Не догадывается рядовой Бородуля, что это рассказ о том, как рождалась солдатская

храбрость, и что этот рассказ посвящается ему.

— ...И вот в декабре сорок первого года двинули нас под Москву. Смотрю, сник Володя. Песен не поет, шуток не слышно. «Что приуныл?» — спрашиваю. Я тогда комсоргом был. Он молчит. Понимаю: страшновато парню. Да и мне, признаться, не весело: тоже первый раз в бой иду. Но дружка подбадриваю: «Смотри, Володька, всё твоим девушкам напишу!»... И, между прочим, он в том бою отличился: раненого спас. Комбат ему руку жмет, а он отворачивается. Потом сознался, как дело было...

Умеет рассказывать Серебренников, и будто видят пограничники скованный льдом канал Москва-Волга. На том берегу — Яхрома. В городе немцы. Приказ: освободить Яхрому.

Бежит по льду молодой солдат, плохо соображая, что нужно делать, в кого стрелять. Час ранний и до рассвета еще далеко. Немцев не видно, хотя по наступающей цепи бьют их минометы. Рядом кто-то упал. Ноги слабеют, и он тоже падает. Нет, он не ранен. Но силы оставили, не может бежать дальше.

А где-то впереди уже гремит «Ура!». И он вдруг вскакивает, бежит к берегу, туда, где сейчас рвутся снаряды и хлынул дождь трассирующих пуль. Мысль одна: только бы никто не заметил, что он отстал, что ему страшно!

Так бы, вероятно, он и пропал ни за понюшку табака, потому что сам лез под огонь, если бы не споткнулся о раненого красно-

армейца. Тот лежал с перебитой ногой и тихо стонал. Взвалил его молодой солдат на себя, потащил. Немцы засекли их.

— Брось меня, уходи! — шепчет раненый.

Володя лежит, вдавливаясь в снег. Немцы переносят огонь куда-то в сторону. И тогда он снова тащит на себе раненого, ползком, к берегу.

— Иди один, — стонет раненый. — Всё равно мне не жить!..

Этот стон придает силы. Молодой солдат начинает понимать, что обязан во что бы то ни стало спасти раненого. И страх за себя отступил. Теперь был страх за человека с перебитой ногой. Выдержит ли?

Не сразу отыскиали они медсанбат в освобожденной Яхrome...

Серебренников останавливается передохнуть. Солдаты ждут, что будет дальше.

«Вот и хорошо», — думает Серебренников.

— Между прочим, здорово мы подружались с Володей, — говорит он. — И я о нем знал всё. Он о своих недостатках больше любил говорить. А для этого тоже смелость нужна... В общем слушайте... На рассвете следующего дня немцы контратакуют. Их миномет бьет за церковной оградой. Нам приказано подавить огневую точку. Прикрываясь еще не рассосавшейся темнотой, подползаем к орудийному расчету и забрасываем гранатами...

И снова все, кто слушает Серебренникова, переживают за молодого солдата.

— ...Ура-а! — кричит он. Но взрывная волна подхватывает, швыряет на землю.

На мгновение он теряет сознание. А когда очнулся — пронзила страшная боль в ноге, возле лодыжки. Руки тоже были залиты кровью и судорожно сжимали винтовку с разбитым цевьем.

Потом он проливал пот в медсанбате, который размещался в жарко натопленной избе и не вмещал всех раненых. Оперировали только тяжело раненых. А ему разрезали сапог и перебинтовали ногу: медсанбат эвакуировался. Здесь, среди стонов и крови, ему показалось еще страшней.

По тряской дороге колонна грузовиков двинулась в путь, растянувшись, чтобы не стать мишенью для фашистских пикировщиков.

Рядом с ним — весь перебинтованный солдат, без ноги. Всё время просит:

— Пить, пить!

У Володи тоже ноет нога, и он с ужасом думает: вдруг отнимут?

Машины ползут медленно. А тут еще закрыли переезд, где на подъеме застрял поезд. Пришлось расцеплять состав, чтобы пропустить колонну.

Боль в ноге становилась невыносимой.

Наконец — госпиталь. Мест нет. Соседа Володи куда-то всё-таки потащили, а так называемых «легко раненых» погрузили в теплушки.

Тощая «буржуйка» тщетно старалась нагреть вагон.

Нога у Володи распухла. Боль притупилась. Им овладело безразличие и не сразу он услышал прерывистый шопот соседа:

— Братишка, пристрели... Слышишь, братишка!

— Что ты? — испугался он.

Освещенный бледным светом ночника рядом лежал солдат еще моложе его. Он был ранен в живот и, вероятно, случайно попал в число легко раненых. Лицо у него пожелтело.

— Пристрели, братишка! Не могу больше! — шепчут искусанные губы.

Володя забывает о своей боли и склоняется над солдатом:

— Всё будет хорошо, потерпи.

— Не-не могу... больше! — глухо стонет раненый. — Не могу... — Он сдерживается и вдруг истошно кричит: — Пристрели!.. Пристрели!.. А-а!

Под утро кое-как доплелись до станции Карабаново.

Раненый в живот успокоился. Когда стали выгружаться, Володя тронул соседа за плечо. Тот не шевелился: рука была твердая и холодная. Кто-то приблизился с фонариком. Луч света упал на изможденное лицо: солдат умер...

Володя лежит на операционном столе, стиснув зубы. Чувствует, как игла впивается в ногу. Хочется кричать. Но криком не можешь. Он закусывает губу.

— Вот осколок, — говорит врач.

И кто-то другой говорит:

— А ему повезло, могла начаться гангрена.

Металлическое лезвие скоблит кость. Он молчит. Ни звука. Кто-то тревожно спрашивает:

— Жив?

Он отвечает:

— Жив, конечно, не беспокойтесь...

Серебренников снова помолчал и заметил с легкой грустью:

— Так мы с ним и прошли всю войну. Где сейчас Володя — не знаю. Но если встречаю похожего человека, с орденской планкой на груди, обязательно подхожу, и горько бывает, что обознался...

Вот и всё. И ни о каких подвигах не рассказал Серебренников. А его рассказ тронул. И пограничники сидели строгие, молчаливые. И думали обо всем, что слышали. И видели три ряда орденских планок на гимнастерке Серебренникова. И, может быть, у них мелькала мысль, что он о себе говорил. А Бородуля почему-то даже был уверен в этом и чувствовал облегчение.

Вечереет.

Сидит Бородуля на завалинке, в стороне от всех. Думает. Вот бы сейчас подойти к майору Серебренникову и, как тогда, по дороге на заставу, обратиться запросто: скажите, мол, товарищ майор, а что мне делать, чтобы перестать бояться?

Он вздыхает и неприязненно смотрит на вспыхивающие звезды.

В это время старшина Пологалов замечает Бородулю. Куда это он устроился? И вдруг вспоминает, как однажды застал его в конюшне за странным занятием: Бородуля забрался на станок и вот так же, подозрительно,

вглядывался в небо. А что, если Бородуля... верующий?

Он делится своим предположением с офицерами.

— Почему вы мне раньше не сказали? — говорит Ярцев, хмурясь.

Пологалов пожимает плечами.

Серебренников сводит брови. И он вспоминает: хотел однажды капитан-интендант прочесть лекцию на атеистическую тему, потому что у Бородули бабка верующая. «Нелепо!» — подумал тогда Серебренников. А ведь не пришло в голову, что Бородуля тоже может оказаться верующим — и отсюда все его страхи.

Он испытующе смотрит на Ярцева.

— Нет! — решительно говорит начальник заставы. — Молодой парень, сын известного механизатора... Здесь что-то другое.

— Надо выяснить, — говорит Серебренников...

... Бородуля удивился, когда на завалинку, рядом с ним, присел майор Серебренников.

— Красиво! — произнес он, разглядывая всё четче обозначающееся звездное небо.

Бородуля не ответил.

— А ведь где-то, среди этого множества звезд, затерялся наш искусственный Спутник, — заметил Серебренников.

Бородуля возразил:

— Почему затерялся? Он вертится на своей орбите и сигналы подает.

Майор улыбнулся.

— Я не точно выразился: хотел сказать, что нам с вами его отсюда не видно.

Бородуля промолчал. А Серебренников заметил, словно рассуждал вслух:

— Вот ведь раньше считали, что есть какое-то седьмое небо, и там обитают ангелы. А как же это наши Спутники проходят сквозь седьмое

небо, или, скажем, космические ракеты?

Бородуля поддержал:

— Что верно, то верно. Я, товарищ майор, все время с бабкой своей воюю: мол, нет никакого бога.

— А сами-то вы не верите в бога? — осторожно спросил Серебренников.

На лице Бородули появилось такое неподдельное удивление, что Серебренников всё понял. Он вытянул вперед руку и, желая отвлечь Бородулю от неприятного разговора, сказал:

— Смотрите, на юго-востоке, высоко-высоко над горизонтом, зажгется четырехугольник ярких звезд. Вы знаете, как они называются?

— Нет, — ответил Бородуля.

— Это — созвездие Пегаса. Если, примерно в час ночи, вы посмотрите на небо, уви-

дите к северо-востоку от него две яркие звезды — созвездие Персея. А вот блеклое пятно между Пегасом и Персеем — Туманность Андромеды — относится уже к другой звездной системе...

И тогда Бородуля спросил с плохо скрываемым волнением:

— А Большая Медведица, товарищ майор... Где она сейчас?

— Что это вас вдруг заинтересовала Большая Медведица?

Бородуля решил:

— Выхожу я, товарищ майор, на границу, и творится со мной неладное. Даже страшно становится. Звезды какие-то непонятные. А потом — нету Большой Медведицы... Знаю, что она должна быть: семизвездный ковш. А его нет... У нас дома Большая Медведица всегда над головой.

— Когда же вы ее ищете? — спросил Серебренников.

— Ночью, конечно.

— Я понимаю, что ночью. А в какое время?

— Когда бываю в наряде.

— Всё-таки? — допытывался Серебренников.

— Больше под утро.

— И не видите Большую Медведицу?

— Не вижу.

— А разве вы не слышали, что каждая звезда появляется на небе и исчезает в определенное время? — спросил Серебренников. — Это, между прочим, зависит и от времени года и от того места, откуда мы будем наблю-

дать звездное небо. Большая Медведица, например, появляется здесь, у нас, в первой половине ночи (вот сейчас она появится), а вы ищите ее под утро и не находите... Наконец, звезды, говорите, непонятные... Так ведь звездное небо в разных частях земли выглядит неодинаково. Ну, вот, скажем, у нас, здесь, хорошо видна самая яркая звезда в созвездии Южных Рыб... Смотрите сюда... А на Украине ее не видно совсем.

На следующее утро Кошевник был страшно удивлен, когда Бородуля вдруг снова назвал его ефрейтором.

— Старший матрос,— поправил он.

Старшина Пологалов окликнул Бородулю:

— Поедете с водовозкой!

— А зачем? — сказал Бородуля и невинными глазами уставился на старшину.

В РЕСТОРАНЕ „БАХОР“

Весь день лейтенант Пулатов и его молодая жена бродили по ташкентским магазинам. Около восьми часов вечера, вконец измученные, они вышли из универмага на улице Карла Маркса и, затерявшись в людском потоке, свернули к скверу.

Три дня, которые полковник Заозерный дал молодоженам на обзаведение хозяйством, подходили к концу. Контейнер был уже загружен, и от всех сбережений лейтенанта Пулатова осталось лишь столько, чтобы скоротать сегодняшний вечер и добраться до дому.

Ташкентские куранты пробили восемь. Лейтенант почувствовал страшный голод и предложил Людмиле поужинать.

Они зашли в ресторан «Бахор». Зал оказался переполненным. Но лейтенант заметил за четырехугольной колонной возле окна столик, за которым сидел всего лишь один человек и повел Людмилу к этому столику.

— Разрешите?

Человек поднял голову. Пулатов с радостью узнал в нем своего приятеля, старшего лейтенанта Ибрагимова. Он был в белой крепдешиновой сорочке с засученными рукавами и, видно, кого-то ожидал, потому что не слишком обрадовался Пулатову.

Лейтенант не обратил на это внимания и представил Людмилу:

— Познакомься, моя жена.— Он бесцеремонно отодвинул стул, приглашая Людмилу сесть, и сам сел.— А это — старший лейтенант Ибрагимов.

Ибрагимов ответил рассеянно.

«Наверное, ждет девушку»,— решил Пулатов. Он был настроен добродушно и сказал:

— А дела твои совсем плохи, дружище, если ты уже не в состоянии заказать что-нибудь более существенное.— Он показал на чайник и смахнул со стола спички, которыми, видимо, забавлялся старший лейтенант.

Людмила с беспокойством смотрела на мужчин: ей казалось, что назревает ссора.

— Пойдем лучше,— сказала она мужу.— Я не хочу есть.

— Вот еще! — возразил Пулатов. — А я прямо умираю с голоду.

Ибрагимов вдруг достал карандаш. Что-то написал на бумажной салфетке. Лейтенант прочел его записку и смутился.

«Черт знает что, — выругал он себя. — Женился и растерял всю бдительность!»

— Ты права, Люсенька-хон, — сказал он вслух. — Нам лучше пойти.

Они встали и направились к выходу. Ибрагимов, оставшись один, облегченно вздохнул.

Часы пробили девять, но никто к нему больше не подошел. Ибрагимов подождал еще несколько минут, а потом спрятал спички и рассчитался с официанткой.

Он не заметил, как в тот момент, когда Пулатов подошел к его столу и особенно, когда он представил Ибрагимова Людмиле, вытянулись лица сидящих за соседним столиком. Узкий в плечах, с виду болезненный парень, сверкнул золотыми коронками и что-то шепнул коренастому подростку. Тот кивнул и вышел из ресторана.

Он пересек улицу. Будто невзначай остановился возле небольшой застекленной будки. Сделал вид, что читает вывеску:

ПРИЕМНЫЙ ПУНКТ № 14 ПО РЕМОНТУ ОБУВИ

Но он этой вывески не читал, а опять-таки, словно ненароком, перебросился парой фраз с человеком, которому старательно начищали желтые ботинки, и исчез в дверях продо-

вольственного магазина метрах в двадцати от будки сапожника.

Человек с начищенными ботинками расплатился и развязной походкой двинулся по улице Куйбышева к скверу. Возле одноэтажного розового домика, где размещался продовольственный магазин, он замешкался и невольно обратил внимание на бросающийся в глаза номер: тринадцать. Улица Куйбышева, дом номер тринадцать!

Он поморщился и нехотя завернул в магазин.

Подросток стоял у окна. Когда человек с начищенными ботинками подошел к нему и, разминая папиросу, попросил прикурить, подросток, чиркая спичкой, бросил отрывисто:

— Шухер, «Буйвол». Это — старший лейтенант. А потом знаешь, кто к нему подходил?

— Ну?

— Тот лейтенант, которого мы чуть не обработали в Старо-Нежнинске.

— Сматывайтесь, детки,—прохрипел «Буйвол». — Встретимся, как договорились.

Он подошел к прилавку и без очереди взял коробок спичек.

Между тем Том уже снова переходил улицу Куйбышева, только в обратном направлении.

«Буйвол» вышел из магазина и свернул на Хорезмскую. Не задерживаясь, он пересек улицу Карла Маркса, дошел до Пушкинской. Здесь ему преградил дорогу хлынувший через перекресток поток автомашин.

«Буйвол» не стал ждать, когда сменятся огни светофора, и свернул влево.

Улица Пушкина тоже упиралась в сквер. «Буйвол» дошел до конца и опять свернул влево. Возле сорок седьмого почтового отделения, на углу Карла Маркса, попало свободное такси. «Буйвол» остановил его и тяжело опустился на заднее сидение.

— Прямо! — сказал он шоферу, незаметно поглядывая назад. Нет, никто за ним не следил. Он зло усмехнулся и вытер ладонью взмокшую шею.

Когда выдавшая виды «Победа», огибая сквер, поравнялась с улицей Пролетарской, «Буйвол» приказал ехать к вокзалу.

В это время вспыхнули фонари, и огненные дорожки заплясали на асфальте.

Сзади приближалась «Волга» стального цвета. Сердце у «Буйвола» похолодело.

«Победа» свернула на улицу Шевченко, и «Волга» тоже свернула.

«А, черт! — выругался про себя «Буйвол». — Неужели засекли?» — И поторопил шофера: — Скорее, детка.

Он с неприязнью подумал о Василии Васильевиче, втянувшем его в эту авантюру, и нащупал рукой миниатюрную коробочку с портативной радиостанцией. Ее он должен был передать в «Бахоре» человеку, на столе которого рядом с чайником будут лежать сложенные крест накрест спички. А еще Василий Васильевич заставил «Буйвола» выучить стихи: «Запрет вина — закон, считающийся с тем, кем пьется и когда, и много ли, и с кем»... Хорошо хоть, что стихи были о

вине, иначе «Буйвол» никогда бы их не запомнил.

Он взял с собой «Зуба» и Тома. Одному скучно обосновываться на новом месте.

С Василием Васильевичем «Буйвол» выработал план, как нужно действовать в Ташкенте. Вначале в ресторан войдут «Зуб» и Том. Сядут за один из соседних столиков с нужным человеком. Ни «Зуб», ни Том, конечно, не должны знать, кто этот человек. «Буйвол» должен сказать им, что это незнакомый «медвежатник», который письменно назначил ему, «Буйволу», встречу и хочет взять с собой на дело. Но что «Буйвол» подозревает подвох и потому решил сперва приглядеться к этому самому «медвежатнику».

«Зуб» и Том должны были сидеть в ресторане до тех пор, пока «медвежатник» не рассчитается, а потом выследить, куда он пойдет. Ни в коем случае не заговаривать с ним и не показывать вида, что он их интересуется. А если все окажется в порядке, «Буйвол» потом найдет способ с ним повидаться.

«Осторожность — прежде всего!» — предупредил Василий Васильевич. Впрочем, он мог и не предупреждать: «Буйвол» сам прекрасно понимал это.

...«Волга» стального цвета продолжала следовать за такси. С досадой, все больше перераставшей в страх, «Буйвол» краешком глаза поглядывал на нее.

«Победа» нырнула под светофор и сразу цвета сменились. «Буйвол» затаил дыхание. Если «Волга» ринется на красный свет, значит со-

мнения быть не может: его выследили и нужно что-то срочно предпринимать.

Но неизвестный шофер спокойно затормозил.

Возле вокзала «Буйвол» остановил такси и пересел в троллейбус.

И все-таки он рожден под счастливой звездой. Подумать только: чуть было не клюнул на приманку!.. Но это значит, человек, с которым велел встретиться Василий Васильевич, провалился. Василию Васильевичу нужно немедленно дать знать об этом. Пусть тоже «меняет климат». «Буйволу» не хотелось, чтобы Василий Васильевич засыпался. Это не сулило ему ничего хорошего.

Том вернулся в «Бахор» и подсел к «Зубу». В это время старший лейтенант Ибрагимов поднялся и направился к выходу.

Дружки тоже расплатились. «Зуб» пошел в туалет, а Том вышел на улицу и медленно зашагал к скверу. Возле исторического музея он остановился, пригладил волосы и лениво свернул к автобусной остановке.

Голубой «ЗИЛ» с ярким номерным знаком «22-36» отправлялся по пятому маршруту от сквера к поселку Шумилова.

Том вскочил в него на ходу и почувствовал, как пневматическая дверь стукнула по пятке.

Через несколько остановок он сошел возле Узбума.

«Зуб» сполоснул руки и тоже вышел на улицу.

Звездное небо с трудом просматривалось сквозь густые кроны деревьев.

«Зуб» втянул голову в плечи, точно ожидал удара, и засеменил по тротуару, на котором плясали тени.

Он торопился вдоль свежеевыкрашенного, бесконечно длинного, забора, протянувшегося от «Бахора» до исторического музея. Казалось, кто-то сейчас выскочит из-за ограды и схватит его за руку. Возле многоэтажных домов идти было спокойней.

«Зуб» прибавил шаг, опасливо озираясь. Он также, почти на ходу, вскочил в автобус. Только автобус был не голубой, а красный, и шел он не по пятому маршруту, а по седьмому. Тем не менее, этот автобус тоже довез «Зуба» до Узбума.

Здесь «Зуб» встретился с Томом. А вскоре к ним присоединился «Буйвол».

В ту же ночь они покинули Ташкент.

ПОД ЧУЖОЙ ФАМИЛИЕЙ

Елена хотела оставить свою девичью фамилию, но Горский притворился обиженным. Тогда она засмеялась и сказала:

— Ладно, пусть будет ни по-моему, ни по-твоему, — и в брачном свидетельстве к своей фамилии прибавила фамилию мужа.

Этот знаменательный день в своей жизни они отпраздновали скромно. Гостей не звали. Правда, пришел Василий Васильевич и поздравил молодых, но он скоро ушел, сославшись на недомогание. Вид у него в самом деле был болезненный.

Когда вышли из ЗАГСа, Елена отправила сестре телеграмму. Около одиннадцати часов вечера пришел ответ:

*«Сердечно поздравляем желаем большого счастья
пьем ваше здоровье*

Обнимаем

Пулаторы».

Горский заметил весело:

— А на границе тоже, оказывается, пьют.

— Так ведь и на границе живут люди,—глубокомысленно ответила Елена.

На следующий день Горский был особенно внимателен к ней, и вдруг загрустил.

— Что с тобой? — спросила она ласково.

Он ответил не сразу.

— Дней через пять я должен уехать... Как же нам быть? Взять тебя с собой? Но ведь я на полгода уйду в море. Что ты будешь делать одна в пустой квартире?

Он вопросительно посмотрел на нее:

— И на кого здесь оставить дом?

— Что же делать? — спросила она растерянно.

Он обнял ее и долго не отвечал. Елена ждала.

— Давай поедем вместе,— сказал наконец Горский.— Посмотришь север. Край наш интересный и очень красивый... Знаешь, у него какая-то особенная красота: суровая, холодная.

— А ты мне будешь писать, если уйдешь в море? — спросила она, прижимаясь к нему.

Он усмехнулся:

— Писать-то я буду, но вот читать тебе мои

письма придется только через полгода — все сразу! — когда вернусь домой.

Елена испугалась:

— И полгода я о тебе ничего не буду знать?

— Почему же, — возразил он. — Раз в неделю обещаю посылать радиogramмы.

Она задумалась:

— А там очень холодно?

— Очень, — ответил он. — Зимой выюжно, холодно и темно... Ты такой зимы еще никогда не видела.

Елена представила себя одну в темном чужом городе. За окном метет выюга, шумит ветер.

Зябко поежилась.

— А, может быть, я все-таки останусь здесь? — спросила она неуверенно. — Что скажет Людмила, если я брошу дом?

— Дом, конечно, бросать не стоит. Но я думал попросить Василия Васильевича присмотреть за ним, — глядя ее руку, отозвался Горский.

— Он уже старенький, — сказала Елена, вздыхая. — Трудно ему будет и за своим домом следить, и за нашим.

— Возможно, ты права, — согласился Горский. — Что же, тогда оставайся. А я, конечно, при первой же возможности прилечу сюда.

Она потянулась к нему, и он поцеловал ее в губы.

Ровно через неделю после замужества Елена проводила Горского.

Как всегда решение пришло неожиданно. Капитан Харламов продолжал наблюдать за

дамским мастером. Только Василий Васильевич поздравил Елену и Горского после их возвращения из ЗАГСа. Капитану Харламову доставили копию брачного свидетельства. Елена оставила девичью фамилию, но прибавила к ней фамилию мужа.

Девичья фамилия... Фамилия мужа...

А у Марии Кузьминичны Спириной чья фамилия: своя или мужа?

В конце концов Харламову удалось узнать, что девичья фамилия Марии Кузьминичны — Трошина.

«И как это я сразу не догадался?» — упрекал он себя.

«М. Т.» — буквы на кольце убитой в январе 1946 года женщины, конечно, означают: Мария Трошина.

Теперь капитан Харламов не сомневался, что ее смерть — дело рук Василия Васильевича, хотя еще и не мог это доказать.

Поздно вечером его вызвал начальник. Из Минска сообщили, что младший сержант запаса Гойфман Исаак Давыдович не опознал в представленных фотографиях своего бывшего однополчанина Ушаковского. Когда ему указали на фотографию Василия Васильевича, он даже возмутился: Ушаковский ничего общего с этим человеком не имеет — он коренной, узколицый.

Удалось выяснить также, что в последние дни войны Ушаковский был сильно контужен и отправлен в полевой госпиталь. Гойфман навестил его. Врачи предупредили, что ефрейтор Ушаковский будет демобилизован «подчистую».

Разговаривая тогда же с Ушаковским, Исаак Давыдович узнал, что его сослуживец предполагает вернуться на родину, в Несвежаль. Друзья обменялись адресами и обещали писать друг другу. Гойфман отправил письмо в Несвежаль, но Василий Васильевич не ответил, а письмо вернулось с припиской: «адресат не значится». Больше Гойфман о нем ничего не слышал.

Стало несомненно, что дамский мастер Василий Васильевич живет под чужой фамилией. Уж не его ли имел в виду предатель Родины Сикура, заявивший на следствии, что кого-то еще забросила в эти края иностранная разведка?..

Было решено пока Василия Васильевича не трогать, но усилить наблюдение.

Однако на следующий день Василий Васильевич из дому не вышел и на работу не явился. Голодный бульдог метался на цепи, никого не впуская в дом. Все это показалось странным: уж не случилось ли чего с дамским мастером?

Медлить было нельзя. На бульдога накинута мешок и, поднявшись на крыльцо, убедились, что дверь заперта изнутри.

Все окна в доме, защищенные решетками, также были заперты.

Дверь взломали.

Василия Васильевича дома не оказалось.

Когда стали производить обыск и передвигали мебель, под старым массивным буфетом обнаружили крышку люка. Вероятно, снизу ее держали крюки, потому что крышка не подда-

валась. Принесли ломы. Заскрипели просмоленные доски.

Люк вел в подвал и заканчивался подземным ходом.

Необходимо было срочно установить, где Василий Васильевич?

Многодневные розыски успеха не принесли.

МОЛОДЕЦ, БОРОДУЛЯ

20 сентября. Бородуля был необыкновенно внимателен на стрельбище. В первый раз за все время он выполнил упражнение на «4». После занятий сержант Назаров построил отделение и объявил Бородуле благодарность.

Кошевник, неизвестно откуда появившийся в этот момент, дождался, когда Назаров распустит строй, и пристал к Бородуле:

— За что выговор?

— Не выговор, а благодарность,— ответил Бородуля.

— Виноват,— почтительно сказал Никита.— А за что?

Бородуля собирался с мыслями, как бы поскладнее ответить.

— Наверно, сам догадался койку заправить? — донимал Никита.

— Нет,— серьезно ответил Бородуля.

— Тогда свежий подворотничок подшил?

— Ошиблись, товарищ ефрейтор.

— Так за что же благодарность? — елеёно допытывался Кошевник.

Бородуля вдруг заулыбался, и на его круглых щеках обозначились ямочки.

— Упражнение выполнил! — Нет, что ни говорите, а ему было приятно получить благодарность.

— На «тройку?» — спросил Никита.

— На «четверку».

— Так за это на гауптвахту сажают! — засмеялся Никита, и Бородуля расстроился. А Кошевник продолжал его донимать.

«Нам опять пропела пуля:
«В небо метит Бородуля!..»

— Старший матрос Кошевник! — сердито окликнули сзади.

— Я! — весело отозвался Никита и повернулся на каблуках. На него строго смотрел командир отделения Назаров.

— Вам что, делать нечего?

— Почему, товарищ сержант?

— Не «почему», а так точно!

— Так точно, товарищ сержант.

— Ну так ступайте и занимайтесь своим делом.

Кошевник исчез.

23 сентября. Бородуля опять выполнил упражнение из карабина на «4» и ждал, что сержант Назаров объявит ему благодарность. Но командир отделения не объявил.

Бородуля надулся и решил, что Назаров попал под влияние Кошевника.

Старшина первой статьи Шарапов заметил его удрученный вид:

— Заболел, Бородуля?

— Призвали бы лучше своего ефрейтора к порядку,— засопел Бородуля.

Шарапов насторожился.

— Ему моя благодарность покоя не дает...

Шарапов не сразу сообразил в чем дело.

9 октября. Вечером сержант Назаров сказал Бородуле:

— Я докладывал начальнику заставы, что вы отлично стреляли.

— А зачем? — спросил Бородуля, скрывая удовольствие.

— Заслужили,— ответил командир отделения.

Солнце зацепилось за край сопки и подпалило пески. Сейчас яркооранжевое пламя подбиралось к Реги-равону.

«Наша вз-з-зяла!» — запели комары.

Бородуля прихлопнул одного из них и пошел за «комариной мазью». Старательно натер руки и шею. Закрыв глаза. Стал водить липкими, пахнущими ликером пальцами по щекам и носу... А поощрения-то, оказывается, приятней получать, чем взыскания.

За ужином он все время улыбался.

Бегалин принес чайник.

— Налить, Бородуля?

«Налей»,— хотел ответить Бородуля, но, верный себе, промолвил:

— А зачем?

— Как зачем? — удивился Николай.— Пить.

Повар пересолил макароны с мясом, и Бородуля очень хотел пить.

Бегалин смотрел на него добродушно и уже наклонил чайник.

— Не хочу пить,— сказал Бородуля, а у самого всё пересохло во рту. Он стал жадно глотать слюну. Но и слюны-то не было.

— Пей, Бородуля,— опять предложил Бегалин.

За соседним столом Никита Кошевник наливал себе четвертую кружку. Бородуля с завистью глядел на него, однако повторил упрямо:

— Не хочу.

Старшина Пологалов заглянул в столовую.

— Все довольны?

— Довольны! — ответил Никита.

Бородуля обиженно засопел.

Пологалов подошел к нему и взял за плечи:

— Что, Бородуля?

— Чаю хочу.

— Пей.

— А где чай?

Бегалин подвинул к нему чайник.

Бородуля не шевельнулся.

Пологалов улыбнулся:

— Можно я поухаживаю? — и наполнил его кружку.

Бородуля продолжал сопеть:

— Это разве чай?

— А что?

— Я люблю крепкий.

— Ну, попроси повара, заварит...

За камышовыми стенками столовой раздался голос дежурного:

— Выходи строиться на боевой расчет!

...Лейтенант Пулатов скомандовал:

— Смирно, равнение налево! — и строевым шагом двинулся навстречу Ярцеву.

— Товарищ капитан, личный состав построен на боевой расчет.

— Здравствуйте, товарищи пограничники!— сказал Ярцев.

— Здравия желаем, товарищ капитан!

— Рядовой Бородуля, выйти из строя... За отличную стрельбу объявляю вам благодарность.

Бородуля покраснел от удовольствия и постарался глазами отыскать Кошевника.

ИСТАТ ОТВЕЧАЕТ СТИХАМИ

Глубокой осенью на заставу прибыло пополнение. Старослужащие разъезжались по домам.

Младший сержант Ковалдин приучал к молодому пограничнику «Амура» и грустил, что скоро придется расстаться с ним.

Старшина первой статьи Шарапов остался на сверхсрочную. Все понимали, что он сделал это из-за чернокошой Истат. Перед Новым годом старшина решил, наконец, с ней объясниться.

Против обыкновения, он решительно распахнул дверь в поселковый Совет и остановился перед Истат.

— Есть разговор,— сказал он твердо, не обращая внимания на посетителей.

— Любопытно,— заметила Истат, сбита с толку его необычным видом.

Некоторое время они испытующе смотрели друг на друга и даже не заметили, как комната опустела.

— Так вот,— приступил к делу Вахид.
Она перебила полушутя, полунасмешливо:

Страсть бесконечна; страстным дорогам
Нет пресечения, нет!..
В деле отрадном ждать ли гаданья,
Предвозвещения? Нет!..

— Хафиз! — небрежно сказал Вахид, подхо-
дя ближе.

— Верно, Хафиз,— согласилась Истат.

Шарапов сказал глу-
хо:

— Я за тобой, Истат!
— Трудно давались ему
слова.— Поедем со
мной... в колхоз...

Она смотрела на-
смешливо:

— Да что у тебя в
колхозе?

— Мы хорошо жи-
вим.

Она откровенно за-
смеялась.

— Ты забыл, что ос-
тался на сверхсрочную.

Шарапов безнадежно
махнул рукой. Истат все поняла, но не удер-
жалась от колкости:

— И почему я должна с тобой ехать?

Шарапов произнес чуть слышно:

— Я люблю тебя, Истат!

В первый раз он объяснился ей в любви. Она
вспыхнула и ничего не ответила...

На катере друга поджидал Кошеvníк.

— Ну, что?

Шарапов хмурился.

— Ясно! — Никита прыгнул на берег.

— Ты куда? — сердито окликнул Вахид.

Никита бежал в поселок.

— Вернись!

Никита сделал вид, что не слышит.

Он ворвался в поселковый Совет и набросился на Истат:

— Старшина был?

— Ну был.

— Что ты ему сказала?

— А что я должна была сказать?

— Бессердечный ты человек!

Она усмехнулась:

Чье сердце не горит любовью
страстной к милой,—
Без утешения влачит свой век
унылый..

Тряхнула косами:

— У твоего старшины в этом отношении все в порядке. Так почему же ты называешь меня бессердечной?

Кошеvníк пригрозил:

— Женится старшина на другой — будешь знаты!

Истат сощурилась:

— На ком же?

— Да на первой встречной!

— На первой встречной он не женится,—
улыбнулась Истат.

— Почему? — петушился Никита.

Она ответила стихами:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.
Два важных правила запомни для начала
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

И спросила:

— Кто это сказал?

— А я почему знаю? — ответил Никита.

— Омар Хайям сказал, вот кто!

Кошеvníк разошелся:

— Наплевать мне на твоего Хайяма!

Истат резко оборвала его:

— А мне — на твоего старшину... И потом кто его просил нанимать адвоката?

— Я не адвокат.

— Ну тогда сводник.

— Я не сводник...

Она показала на дверь:

— Иди, товарищ старший матрос... И передай своему старшине, чтобы он забыл дорогу в поселковый Совет.

Никита опешил.

Так и не внес изменений в личную жизнь старшины Шарапова новый год.

БОРОДУЛЯ И НОВОБРАНЦЫ

За окном шумел ветер, собирал тучи. Они стлались низко, набухшие, черные, готовые вот-вот разразиться ливнем.

Капитан Ярцев делал вид, что ищет какую-то запись в служебной книге. Майор Серебренников сидел рядом, подавшись вперед, буд-

то собирался вырвать у него книгу. Он молчал, переглядываясь с Пулатовым. Лейтенант улыбался и очень хотел сказать Ярцеву: ладно, мол, притворяться, всё равно ничего не получится!

Только что Серебренников сообщил Ярцеву: — А ведь вам, как лучшему начальнику заставы, скоро присвоят очередное звание.

— Спасибо!

— Мне-то за что?— удивился Серебренников.

— Так надо! — убежденно ответил Ярцев и, устыдившись своей откровенности, спрятался за служебную книгу. Но когда-то эту книгу надо было всё-таки закрыть. И Ярцев ее закрыл.

— Кстати, о Бородуле,— сказал он, зная, что Бородуля всегда интересуется Серебренникова.— Помучились мы с ним, товарищ майор, но пограничную службу научился уважать.

— Это хорошо,— одобрил Серебренников. Он встал и прошелся по комнате. Поровнявшись с окном, увидел, как, придерживая полы шинели, куда-то торопится Шарапов. Серебренников распахнул форточку и окликнул его.

Вахид потоптался у дверей.

— Заходите, заходите, старшина,— поторопил Серебренников.— Вот послушайте, что говорит начальник заставы.

— Речь о Бородуле,— охотно повторил Ярцев.— Пограничную службу, говорю, научился уважать.

— И стреляет Бородуля отлично,— вставил лейтенант Пулатов.— Три благодарности получил.

— Почему же вы не принимаете его в комсомол? — спросил Серебренников.

— Рано! — твердо сказал Шарапов.

— Не понимаю, — Серебренников остановился напротив него, приготовился слушать.

— Пригласите сержанта Назарова, он объяснит, — посоветовал Шарапов.

Но приглашать Назарова не пришлось: он вошел сам, чем-то расстроенный.

— Разрешите обратиться к капитану, товарищ майор?

— Обращайтесь.

— Больше не могу, товарищ капитан, — угрюмо произнес Назаров. — Возьмите Бородулю в другое отделение или накажите своими правами.

— Почему? — невозмутимо спросил Ярцев.

— Все нервы он у меня вымотал.

— Объясните.

— Каждый день одно и то же. Вот, например, сейчас. Я говорю: «Пойдете на стрельбище, подготовите мишени». А он: «Почему?» «Что почему?» — спрашиваю. «Почему я?» — говорит. «Я так приказываю». «А», — говорит он. «Не «а», — поправляю, — а «есть». «Есть!» — повторяет он. Я объясняю: «Вначале поставите мишени для ручных пулеметчиков, потом для автоматчиков и карабинеров». А он опять спрашивает: «Почему?»... «Что почему?»... «Почему вначале для пулеметчиков, а потом для автоматчиков?». Я снова говорю: «Потому что я так приказываю». А он заладил свое: почему?

— Что же вы предлагаете?

— Посадить на гауптвахту. За пререкания.

Этак я ему в бой идти прикажу, а он будет рассуждать: почему да зачем?

Серебренников ждал, какое решение примет начальник заставы.

— Как вы думаете, следует посадить Бородулю на гауптвахту?—спросил Ярцев своего заместителя.

Пулатов заметил:

— А все ли мы перепробовали? Гауптвахта — крайняя мера.

— Так что вы предлагаете?

— Прежде всего я бы не позволил выводить себя из терпения,— сказал Пулатов, обращаясь к Назарову.

— Разумный совет,—вставил Ярцев.—Итак гауптвахты не будет.

«Правильно!» — одобрил про себя Серебренников и спросил:

— Скажите, товарищ Назаров, а нельзя ли найти такое дело, где можно Бородулю назначить старшим?

— Бородулю старшим? — усомнился сержант Назаров.

— А почему бы нет?

— Верно!—подхватил Шарапов.—Скажем, выделить несколько солдат на уборку двора и назначить Бородулю старшим.

Лейтенант Пулатов поддержал:

— Подберите солдат побойчее, да как следует проинструктируйте.

Назаров наконец понял:

— Попробуем, товарищ лейтенант.

— Пробуйте,—одобрил и капитан Ярцев.—Только по-моему и подбирать никого не надо. Возьмите свое отделение. Я заметил, что сре-

ди новобранцев есть несколько человек, очень напоминающих по своему характеру Бородулю... Вот всё и сделается само собой.

— Есть! — ответил Назаров.

— А вами, товарищ Шарапов, я недоволен, — сказал Серебренников, когда командир отделения вышел. — Говорить, что человеку рано вступать в комсомол — проще простого. Нужно решительно ломать его характер. И ведь вы это прекрасно знаете. Так в чем же дело?

Шарапов вздохнул.

Лейтенант Пулатов незаметно показал на сердце.

— Идите, — мягче разрешил Шарапову Серебренников и задумался.

Потом он сказал, переводя взгляд с Ярцева на Пулатова:

— Тут правильную мысль высказал командир отделения. А вот вы, товарищи, пошли бы с Бородулей в бой?

Ярцев уклонился от прямого ответа:

— Три благодарности за отличную стрельбу...

Пулатов счел благоразумным промолчать.

— Так как же насчет боя? — повторил Серебренников. — Мы на фронте говорили новобранцам: в бою побывать — цену жизни узнать.

— Дорогая цена, — сказал Ярцев.

Серебренников пристально посмотрел на него:

— Верно — дорогая. Так вот, когда я к вам в следующий раз приеду, чтобы вы, начальник заставы, сказали мне: пойду в бой с Бородулей. Поняли?

— Так точно.

— Не ошибитесь.

— Не ошибусь! — Ярцев встал. Пора было объявлять боевой расчет.

— Есть такая минута в жизни, — медленно произнес Серебренников, — когда проверяются все волевые и физические качества человека, его любовь к Родине, способность к мышлению и самопожертвованию во имя большой цели... Вы меня понимаете?.. Есть такая минута, которая определяет, зря человек прожил до сих пор или нет. Эта минута определяет и другое: правильно ли воспитывали человека: школа, родители, комсомол... наконец, мы с вами... Как видите, очень ответственная минута.

Серебренников помолчал.

— И, между прочим, эта минута великого испытания может быть не только в бою. Вот, скажем, идет к цели изобретатель. И что-то у него не клеится. Еще минута — и можно спастись. Но он пересиливает себя и именно в эту минуту добивается успеха. Или скоростное резание металла... А рекорд хлопкосборщика?! Всё, товарищи, проверятся этой минутой... Я вам скажу больше: такая минута может повториться в жизни человека не однажды, и всякий раз он должен быть готов встретить ее достойно. Солдат — тем более, потому что в эту минуту решается его жизнь и жизнь товарищей.

Серебренников снова помолчал.

— Так вот, капитан Ярцев, — повторил он. — Я требую, чтобы в следующий раз вы мне твердо сказали: пойду с Бородулей в бой!..

...Все они смотрят на Бородулю: худой и длинный Свиридов, тоже худой, но покороче, Загребайло, пучеглазый Кальман, толстощекий Назаров — однофамилец командира отделения.

Бородуля тоже смотрит на них. Вот задача: командир отделения приказал убрать двор и назначил его старшим. Бородуля так опешил, что даже не спросил его: а зачем? Он вдруг подтянулся и твердо, по-солдатски, ответил: есть!

Командир отделения кивнул и пошел по своим делам.

Не знает Бородуля, как вести себя с новобранцами, но смотрит на них строго. Соображает.

Свиридов нетерпеливо переступает с ноги на ногу.

— Вот ты,— обращается к нему Бородуля,— марш за ведром и будешь поливать двор.

— Кто — я?— удивленно спрашивает Свиридов.

— Ты,— повторяет Бородуля.

— Кто — я?— опять говорит Свиридов.

— Кто — ты?— усмехается Бородуля.— Известное дело: две ноги в одном голенище.

Свиридов растерянно смотрит на свои длинные, как у цапли, ноги и раздумывает: обидеться ему на Бородулю или не стоит?

А Бородуля уже говорит Загребайло:

— Начнешь подметать от конюшни.

— А-а,— тянет Загребайло.

— Что значит «а»?— спрашивает Бородуля, подражая командиру отделения.— Такого слова не должно быть.

— А-а,— снова тянет Загребайло.

Бородуля сердится:

— Есть, рядовой Загребайло. Есть! А не «а».— И начинает чувствовать себя настоящим командиром. Оказывается, это приятное чувство.

Загребайло молчит.

— Повторите!— требует Бородуля.

— Ну, есть,— безразлично тянет Загребайло.

— Без «ну»!— говорит Бородуля.

— Без «ну»,—повторяет Загребайло, и все новобранцы весело улыбаются.

Добродушное лицо Бородули багровеет: да как они смеют улыбаться?!

— Вот вы двое,— приказывает он,— начнете подметать от казармы.— Он тычет в грудь Кальману и Назарову,— а ты, Загребайло, от конюшни... Бегом марш за метлами!

Все четверо бегут за метлами.

— А ты, лагман, куда побежал?— кричит Бородуля.

Свиридов поворачивает голову, однако продолжает бежать дальше.

— Тебе говорят, тебе!— надывается Бородуля.

Свиридов понимает, что Бородуля обращается к нему, но бежит еще быстрее.

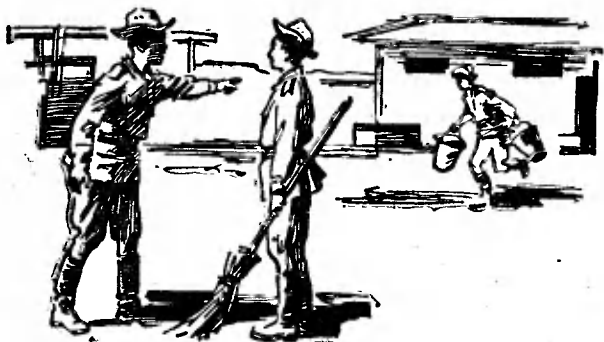
«Лагман» не нравится,— думает Бородуля.— Ладно, назову тебя по фамилии». Однако никак не может вспомнить фамилию Свиридова. Тогда он бежит за новобранцами. Они разбирают метлы, и Свиридов тянет к себе самую лучшую.

— Отставить!— кричит Бородуля Свиридову.— Я тебе что приказал? Поливать двор!..

— Почему мне?— заискивающе спрашивает Свиридов.

— Я так приказываю!— совершенно выходит из себя Бородуля.

Свиридов вдруг пугается и бежит за ведром.

Остальные новобранцы, расхватав метлы, бегут к казарме. Бородуля едва успевает поймать за рукав Кальмана.

— А ты куда?

— Я подметать.

— Что подметать?

— Двор подметать.

— А куда ты бежишь?

— Вот туда!— Кальман растерянно смотрит вслед товарищам.

— К казарме?— уточняет Бородуля.

— К казарме.

— А я что тебе приказал?— спрашивает Бородуля.

— Что приказал?— Кальман таращит глаза.

— Чего ты глаза выпучил?— кричит Бородуля.— Я тебе приказал: подметай от конюшни!

— Это вы не мне, это вы Загребайло приказали,— оправдывается Кальман.

— Как не тебе?— удивляется Бородуля.

— Я не знаю как...

— Почему не знаешь?

— Не знаю...

— Чего заладил: не знаю, не знаю!.. Солдат всё знать должен!— снова сердится Бородуля.— Подметай от конюшни!

Кальман бежит к конюшне.

Свиридов брызгает из ведра где-то в середине двора.

Загребайло и Назаров поднимают страшную пыль возле казармы.

Бородуля кричит Свиридову:

— Поливай у казармы!

Загребайло прислушивается: уж не ему ли кричит Бородуля? Он видит Кальмана, старательно подметающего двор возле конюшни, и вдруг вспоминает, что ему было приказано начинать от конюшни. Он бежит к конюшне.

Назаров, не понимая в чем дело, пристраивается к нему.

— Куда?— растерянно кричит Бородуля.

— Приказано от конюшни!— на бегу отвечает Загребайло.

— Назад!

— Что назад?

— Бегом назад!.. Один здесь, двое там!..

— Почему мы назад?— не соглашается Загребайло.

— Я говорю назад!—голос у Бородули срывается.

Загребайло и Назаров бегут назад...

Вконец измученный Бородуля доложил командиру отделения:

— Товарищ сержант, ваше приказание выполнено!

— Молодец, Бородуля,— похвалил Назаров.— А сейчас идите к старшине Пологалову, у него инвентаризация. Поможете.

— А зачем?— спросил Бородуля, но увидел рядом новобранцев и неожиданно покраснел.— Есты! — торопливо поправился он.

КАПИТАН „МЕДУЗЫ“

Снега в эту зиму почти не было. Один или два раза он выпадал и тут же таял.

Молодые солдаты постепенно втягивались в службу. Бородуля теперь ходил старшим пограничного наряда. Бегалин стал командиром отделения. Сержанта Назарова перевели на соседнюю заставу старшиной.

В день Советской Армии застава, как обычно, выстроилась на боевой расчет. Пограничники заметили на погонах Пулатова третью звездочку. А когда к застывшим по команде «смирно» пограничникам подошел начальник заставы, все увидели на нем майорские погоны. Весь он как-то подобрался, помолодел. Необычно торжественно звучали его слова:

— Застава, слушай боевой расчет!..

Вечером офицеры собрались у Ярцева. Лариса приготовила праздничный ужин.

Людмила, как и в день своего приезда на заставу, сидела на диване. Александра Ивановна опекала ее, по праву старшей советуя, что можно есть, а от чего следует воздержаться: Людмила ждала ребенка.

Когда на столе появился чай, в комнату вошел начальник КПП. Его приветствовали шумно.

— Поздравляю, товарищ майор! — сказал Мансуров.

— К столу, к столу, — ответил Ярцев. — Иначе поздравления не принимаю.

Лариса уже подвигала Мансурову пирог.

— Так ведь я сыт.

— Отставить разговоры! — пошутил Ярцев. Мансуров засмеялся и отодвинул стул.

— Вот теперь здравствуй, — улыбнулся Ярцев. — Спасибо за поздравление... А как поживает Максим Максимович?..

Женщины говорили о своем. Людмила сказала, что недавно получила письмо от сестры: скучно ей одной, вот и хочет сюда приехать. Только ведь не продавать дом, и потом что она здесь будет делать?

— Она же культмассовик, — вмешался Мансуров. — Значит найдет работу. В райцентре-то видали, какую махину отгрохали?

— Это ты о доме культуры? — спросил Пулатов.

— Конечно.

— А как же быть с домом? — оживилась Людмила. Видно, ей очень хотелось, чтобы приехала сестра.

Снова ответил Мансуров:

— Можно сдать его на время хорошим людям, все оформив по закону.

— Правильно,— поддержал Ярцев.

— Но вы забыли, что у Елены — муж,— сказала Людмила и виновато взглянула на Мансурова.

Александра Ивановна вспыхнула:

— Какой это муж, если бросил жену через неделю после замужества и уехал черт знает куда и черт знает на сколько!

— Он — моряк,— заступилась за Горского Людмила.

— А если и он переедет сюда? — спросила Лариса, подливая чай Мансурову.

— Он — моряк,— повторила Людмила.— Что ему здесь делать?

— Это правда,— согласилась Лариса.

Людмила вздохнула.

Пулатов молчал, уставившись в свой стакан. Он не прочь был пригласить Елену сюда. Людмила подружилась с женами его товарищей, но сестра есть сестра.

Неожиданно стекла вздрогнули от густого пароходного баса.

— Я пошел,— сразу поднялся Мансуров. Его не задерживали: причаливала «Медуза».

Максим Максимович встретил пограничников на мостике. Начальник КПП не спеша поднялся по трапу и, как обычно, представился капитану. Опять Максим Максимович пригласил его в свою каюту.

Мансуров задернул шторку на иллюминаторе и ждал, когда старый капитан положит пе-

ред ним на откидной столик судовые документы и паспорта.

На этот раз Максим Максимович показался Мансурову особенно усталым: глаза у него покраснели от частой бессонницы, морщины стали глубже, и трубка, приклеившаяся к нижней губе, сегодня не стреляла искрами.

«Конечно, ему пора на покой,— подумал Мансуров и вспомнил разговор на заставе.— А что если воспользоваться этим, предложить старику перебраться ко мне?».

Впервые Мансуров торопливо проверил документы, и Максим Максимович, запирая их в сейф, насторожился. Они никогда ничего не скрывали друг от друга. Но и никогда ни о чем друг друга не спрашивали.

Максим Максимович позвонил, попросил юнгу принести чай.

— Спасибо, я не хочу,— необычно мягко сказал Мансуров.

— Зато я хочу,— глухо ответил Максим Максимович, выбивая трубку.

— Так, может быть, поужинаем у меня?— осторожно предложил Мансуров, оттягивая неприятное объяснение.

Юнга принес чайник. Максим Максимович кивком поблагодарил его и отпустил. Достал стакан в серебряном подстаканнике. Пристально посмотрел на Мансурова.

— Хорошо,— решился Мансуров и вздохнул:— Я скажу... Есть у меня друг — Акобир Пулатов...

Старый капитан отлично знал Пулатова.

— У Акобира — молодая жена...

Мансуров потянулся к чайнику и наполнил

стакан. Максим Максимович продолжал оставаться безучастным.

— Она — в положении...

Максим Максимович провел пожелтевшими от никотина пальцами по седым, отвислым усам и снова ничего не ответил.

— Есть у Людмилы сестра. Она хочет приехать сюда... По-моему, это правильно. Особенно, если учесть, что Людмила в положении... Но у Елены — муж. Он — моряк... — Мансуров, наконец, встретился с взглядом Максима Максимовича. — Что ему здесь делать?

Старый капитан устало прислонился к деревянной обшивке каюты. Трубка у него так и осталась ненабитой. Не мигая, он долго смотрел в потолок. Мансуров видел, как ему тяжело, и уже хотел сказать: забудем об этом разговоре, отец. Но Максим Максимович промолвил:

— Ты прав, сынок. Мне давно пора на берег. Вот так и ответь своему другу... Освобождается, мол, капитанское место. — Бледность покрыла его щеки. — Только ты дай мне слово, что все равно сам... всегда сам, слышишь, будешь встречать «Медузу».

На палубе пробили склянки.

Максим Максимович отвернулся и непослушными пальцами стал набивать трубку.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГАНСА ТРАУБЕ

Как обычно, «Медуза» шла вверх по течению с полными трюмами. Посадка у нее была низкая и, казалось, лихо вращающиеся коле-

са достают дно. Баржи, словно держась за руки, старались не отставать от буксира.

Задняя, трюмная, баржа — утлая, с облезлыми бортами, доживала свой век. Она то и дело черпала воду. Наоборот, передняя плыла, как лебедь, уверенно и красиво, сверкая новой краской. Эта баржа была выше «Медузы». Издали можно было подумать, что буксирный пароход забрался в середину каравана.

День заметно прибавился. Рассвет наступал рано, и солнце, едва показавшись на горизонте, начинало припекать.

«Медуза» спешила, отфыркивалась, окутывалась дымом. Первый раз на ее мостике стоял новый капитан. Он вглядывался в однообразные, поросшие камышом берега.

Штурман понимал: сменить морскую ширь на эту, с позволения сказать, канаву — дело нешуточное. Рассказывали, что капитан безумно любит свою жену, и это она заставила его перебраться почти на сушу. Видно, не слишком хороший моряк новый капитан, если женщина для него дороже моря, думал штурман.

«Медуза» приближалась к Реги-равону, где капитана, наверно, встретит жена. Может быть о ней он сейчас думает...

Но нет, Горский думал не о ней. Он вспоминал бюргерскую ферму под Мюнхеном, стремительную карьеру отца при нацистах и секретную школу, с которой связывал свои мечты о будущем.

В октябре тысяча девятьсот сорок четвертого года, когда положение на Восточном фронте стало угрожающим, Ганса вызвал к себе начальник школы.

— Пришло твое время, мой мальчик,— сказал он торжественно, указывая на портрет Гитлера.— Наш фюрер верит тебе. И мы еще возьмем реванш у России!

С этого дня Ганс Траубе стал Анатолием Горским...

Он знал, что Горский был его сверстником—русским солдатом — и на Карельском перешейке попал в плен.

На допросе Горский рассказал, что воспитывался в детском доме, из родственников никого не имеет. Детский дом, находившийся на старой финской границе, разрушен прямым попаданием фугаски. Часть, в которой служил Горский, попала в окружение и была почти полностью уничтожена.

На вопросы, касавшиеся военной тайны, Анатолий Горский отвечать отказался, да его особенно и не пытали. Выстрелили в спину и еще живого засыпали землей.

Был тщательно разработан план перехода Траубе-Горского через линию фронта, установлены явки. До окончания войны Ганс Траубе должен был храбро сражаться за русских, но обязательно остаться жить. И он выжил!..

Капитан третьего ранга Павлов, которого Горский-Траубе под артиллерийским обстрелом вынес с поля боя, по сути дела усыновил молодого солдата. С тех пор они не расставались.

Когда гитлеровская Германия капитулировала, Горский получил задание затаиться. Предложение вернувшегося к своей гражданской профессии капитана Павлова оказалось

как нельзя кстати. Горский стал моряком и отправился на рыбные промыслы в районе Атлантики. Спустя год он уже плавал помощником капитана и постепенно привык к своему новому положению.

Но время от времени на Горского находила тоска: разве для того он воспитывался в секретной школе, чтобы бороздить океаны и радоваться улову советских моряков? Разве для того он отказался от личной жизни и покинул отечество?

Изредка он узнавал, что о нем помнят: вдруг останавливал незнакомый моряк и, после обмена паролем, вручал деньги. А то приходили до востребования письма от какой-то Анюты. Это тоже был пароль.

Наконец «Анюта» пригласила его к себе. Они встретились в вагоне скорого поезда Ленинград — Москва. С тех пор Горский стал работать на американскую разведку.

После провала Сикуры Горскому поручили сообщить Василию Васильевичу, что он становится резидентом. Дамский мастер воспринял это как должное. О Сикуре он ничего не знал.

Через несколько месяцев Горский вновь появился на курортах, готовый действовать. Много лет прожил он в Советском Союзе, но образ жизни советских людей оставался ему чуждым. Он играл с тех пор, как вступил на советскую землю, и не принимал всерьез всего, что происходило вокруг него.

Новое задание сделало его мужем интересной женщины. Совет Василия Васильевича по-

шел впрок. Капитан траулера поверил Горскому и помог устроиться в речное пароходство. Граница... Ну и что, если граница? Он, капитан Павлов, ручается за Анатолия Горского, как за самого себя.

Павлов тоже когда-то любил. Море разлучило его с любимой. Бросить море у него не хватило духа, а девушка вышла замуж за другого. Много позже Павлов женился и понял, что не море было причиной его размолвки с любимой. Однако не забывал своего первого чувства и решил: пусть юноша, у которого война украла самые хорошие годы, будет счастливей.

...Река свернула. Камыши отступили, и впереди показался Реги-равон.

Вначале Горский увидел наблюдательную вышку с красным флагом и белые заставские постройки. Потом, словно на ладони, предстал весь поселок с глинобитными кибитками и так называемым новым центром.

От семафора убегал поезд. Мотовоз уже скрылся за барханами.

Другой мотовоз маневрировал возле нефтебазы, по-хозяйски расставляя цистерны под сливными кранами.

«Медуза» дала знать о своем приближении длинным, осипшим гудком.

Буксирные пароходы у пристани приветствовали ее отрывисто. Один из них распускал пары. Вероятно, дожидался «Медузу» и сейчас спустится по реке.

На вышке Горский заметил пограничника. Он смотрел куда-то мимо «Медузы». Горский

тоже посмотрел в эту сторону и увидел пограничный катер. Круто развернувшись, катер пристраивался к «Медузе» с правого борта.

«Медуза» осторожно прижалась к деревянному настилу причала.

Пристань ожила. С металлическим скрежетом задрал стрелу башенный кран. К самому берегу подобрался автопогрузчик. Хилый водитель, муж заведующей гостиницы, где остановилась Елена, высунулся из кабины и кому-то махал рукой. На Ефремова у Горского были свои виды: он уже знал, что водитель автопогрузчика несколько лет провел в концентрационных лагерях.

Ефремов махал пограничникам.

«С контрольного пункта!» — безошибочно определил Горский.

Наряд возглавлял старший лейтенант Мансуров. Рядом с ним капитан «Медузы» различил две женские фигурки. Конечно, это Людмила и Елена. Горский тоже помахал рукой — сразу всем — и велел спустить трап.

Первый раз на судне, которым командовал Горский, должен был производиться таможенный досмотр, и Горский гадал, как будет проходить эта церемония.

Буксир причалил степенно, застопорил машины.

Мансуров постарался скрыть волнение, с которым на этот раз вступал на борт «Медузы». Как требовала инструкция, он представился капитану.

Горский в свою очередь доложил Мансурову и протянул руку.

Начальник КПП ответил на рукопожатие и попросил предъявить судовые документы.

— Прошу, — любезно ответил Горский, приглашая Мансурова в свою каюту. — Правда, здесь очень тесно, — сказал он, не зная куда посадить офицера-пограничника, — ну, да уж как-нибудь.

Мансуров обратил внимание, что капитанская койка заправлена уже не желтым байковым одеялом — обычным спутником Максима Максимовича, а нарядным покрывалом.

— Прошу предъявить документы, — повторил Мансуров.

— Пожалуйста.

Горский повернул ключ в скважине и откинул тяжелую крышку сейфа.

— Вы, может быть, присядете на койку, — сказал он. — Так будет удобней.

— Спасибо, — ответил Мансуров, продолжая стоять.

«Проверяй, проверяй», — усмехнулся про себя Горский и с независимым видом стал подавать Мансурову паспорта.

— Судовую роль, — напомнил начальник КПП.

— Ах, да, пожалуйста, — спохватился Горский. Но когда Мансуров стал сличать данные паспортов с судовой ролью, не выдержал:

— Вы всегда так тщательно проверяете документы?

— Всегда, — ответил Мансуров, как показалось Горскому, неохотно. Он понял, что вопрос был неуместным и решил загладить свою ошибку:

— А знаете, я вам очень обязан... «Медуза», разумеется, не траулер, но, честное слово, работать здесь интересно и, главное, все мы вместе... Я и Елена, и Людмила со своим лейтенантом.

— Меня не за что благодарить, — сухо ответил Мансуров. Но Горский знал, почему Максим Максимович расстался с «Медузой».

Когда оформление было закончено, Горский, сопровождая Мансурова, спустился на берег. Он, не стесняясь посторонних людей, обнял Елену и нежно прикоснулся губами к щеке Людмилы.

Мансуров козырнул и отвернулся. С автопогрузчика ему усиленно кивал Ефремов. Начальник КПП не ответил. Он чувствовал неудовлетворенность. Может быть потому, что на «Медузе» новый капитан, и это он, Мансуров, «списал» Максима Максимовича на берег? А, может быть, потому, что всегда испытывал неприязнь к водителю автопогрузчика?..

Мансуров посмотрел в ту сторону, где стояли сестры и Горский.

«Почему, — подумал он с раздражением, —

мне сегодня снилось, что я никак не мог различить, какая из сестер Елена?»

Младшие контролеры покинули баржи и доложили начальнику КПП, что все в порядке.

— Хорошо, — ответил Мансуров, не в силах отделаться от гнетущих мыслей.

„ЗА ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ“...

С квартирой в районном центре было трудно, и Горские поселились в гостинице. Ефремова предоставила в их распоряжение лучший номер с окнами в сад. Любопытная черешня заглядывала в комнату, цепляясь гибкими ветвями за подоконник.

Елена не знала, чем себя занять, потому что работа в доме культуры только налаживалась. Если бы не беременность сестры, она, конечно, ни за что бы сюда не приехала. Да и сейчас Елена считала свое пребывание в Средней Азии временным. Вот родит Людмила, и все вместе они уедут.

Горский редко бывал дома. Елена видела его два-три раза в неделю, когда «Медуза» стояла под разгрузкой в Реги-равоне.

Знакомств она не заводила, да и не с кем было знакомиться. В первые дни часто заходила Ефремова. Но Елена не знала, о чем с ней говорить.

Горский, увидев Елену в обществе Ефремовой, обрадовался. Он будто вскользь заметил, что у Ефремовых хорошая семья, это приятные люди, с ними интересно быть вместе. Елена не разделяла его мнения: когда Горский уез-

жал, она старалась меньше попадаться Ефремовой на глаза.

Единственным развлечением было встречать «Медузу». Ей нравилось наблюдать, как осторожно буксир причаливает к берегу, словно боится забрызгать встречающих. Казалась любопытной и церемония таможенного досмотра.

Старший лейтенант Мансуров приходил с пограничниками на пире за десять-пятнадцать минут до прибытия судна и здоровался с сестрами. Постепенно Елене стало казаться, что это из-за нее он всегда сам встречает «Медузу». Как-то она не выдержала и сказала Людмиле об этом. Но та разочаровала ее, напомнив о Максиме Максимовиче.

И все-таки Елене нравилось наблюдать за Мансуровым. Он удивительно четко отдавал приказания, удивительно легко поднимался по трапу, удивительно строго, но в то же время корректно, представлялся капитану.

Когда на берег сходил Горский, Елена забывала о Мансурове.

Так было и на этот раз.

Сестры, как обычно, подхватили Горского под руки.

— Пообедаете у нас,— безапелляционно заявила Людмила.

Горский не спорил. Он считал, что чем больше примелькается пограничникам, тем лучше.

Со многими из них он был уже в приятельских отношениях. С Шараповым и Кошевником говорил о море, хвалил быстроходный пограничный катерок.

Младший сержант Бегалин оказался сыном

того самого капитана Бегалина, с которым Горский не раз встречался в Атлантике.

«Определенно, мне везет!» — думал Горский и вспоминал с Бегалиным север, просил передать привет родным. Отец Бегалина был дружен с капитаном Павловым. А ведь Горский спас Павлову жизнь. Младший сержант Бегалин что-то слышал об этом, и Горский охотно рассказал ему подробности, уверенный, что Бегалин передаст их разговор своим товарищам.

Одним словом, все складывалось в пользу нового капитана «Медузы»...

Перед заставой Горского и сестер обогнал запыленный газик. Людмила улыбнулась офицеру, сидящему рядом с шофером, и ответила на немой вопрос Горского:

— Майор Серебренников приехал, секретарь партийной комиссии. Он у нас частый гость.

— А-а,— неопределенно протянул Горский и подумал, что обязательно надо познакомиться с Серебренниковым.

Часовой беспрепятственно пропустил Горского на заставу. Капитан «Медузы» узнал в нем ефрейтора Бородулю и что-то сказал. Бородуля засмеялся.

Майор Серебренников сделал замечание начальнику заставы:

— Почему часовой вступает в разговор с посторонним человеком и не проверяет документов?

— Так ведь это родня моего заместителя,— попробовал оправдаться Ярцев, про себя ругая Бородулю. Кажется хорошим солдатом стал, а все еще нет-нет да и сорвется.

Ярцев оставил Серебрённого заниматься своими делами и пошел распекать Бородулю.

— Но я Горского знаю,— удивился Бородуля.

— Все равно обязаны проверять документы.

— Ясно, товарищ начальник! — ответил Бородуля.

В тот же день майор Серебрённый рассказал пограничникам случай из жизни Владимира Ильича Ленина.

Это было в тысяча девятьсот восемнадцатом году. Ленин только что переехал из Петрограда в Москву и поселился в Кремле.

Комендант Кремля установил перед квартирой Владимира Ильича пост, где обычно несли службу курсанты школы ВЦИК.

Однажды на пост заступил молодой солдат, который не знал в лицо Ленина. И вот идет по коридору Владимир Ильич.

— Стойте!—говорит курсант.

Ленин остановился и поздоровался с курсантом.

— Вы откуда идете?— строго спросил курсант.

— Из Совнаркома,— ответил Ленин.

— Предъявите пропуск.

— Пожалуйста,— сказал Ленин, но оказалось, что постоянный пропуск он забыл дома.

Владимир Ильич сказал:

— Вот моя квартира. Пропуск на столе. Я сейчас принесу его вам.

— Есть приказ коменданта никого без пропуска не пускать,— ответил курсант.

— Тогда, конечно,— согласился Ленин. Он направился в комендатуру, попросил выпи-

сать разовый пропуск и лишь затем пошел к себе домой.

Когда курсант сменился с поста, комендант сказал ему:

— А ведь это вы Председателя Совнаркома товарища Ленина не пустили домой.

Курсант побежал к Владимиру Ильичу извиняться.

Ленин внимательно выслушал его:

— Вам извиняться нечего. Приказ коменданта на территории Кремля — закон. Как же я, Председатель Совнаркома, мог этот приказ нарушить? Я был виноват, а вы правы...

Здесь майор Серебренников посмотрел на Бородулю:

— А вы постеснялись лишний раз проверить документы у капитана «Медузы».

Бородуля опустил голову.

— Между прочим,— вставил майор Ярцев,— хотя Горский и является родственником старшего лейтенанта Пулатова, и документы у него в порядке, но пропуска на заставу нет. Поэтому необходимо, прежде чем пропустить его, вызвать дежурного или офицера...

— А что, собственно, представляет из себя Горский? — спросил Серебренников у Ярцева после беседы.

— Не знаю,— уклончиво ответил Ярцев.— Но в общем, кажется, ничего.— Он помолчал немного и добавил: — Безумно влюблен в жену.

— Это хорошо,— сказал Серебренников.

Вечером он должен был проезжать через районный центр и захватил с собой Горских.

Елена сидела рядом с Микаеляном, а Серебренников с Горским позади них.

Горский сознался, что скучает по морю, хотя здесь тоже интересно. Граница. Места здесь суровые, климат не балует. Это ему нравится. Он любит служить там, где трудно.

Серебренников увидел на кителе Горского орденскую планку. Два ордена Красного Знамени. Это в общем-то неплохая характеристика.

Заговорили о прошлой войне. Горский вспоминал боевые операции, называл фамилии командиров, убитых друзей. Несколько раз повторил фамилию Павлова.

— Кто такой Павлов? — поинтересовался Серебренников.

Горский скромно упомянул, что вынес Павлова с поля боя, а затем подробно стал объяснять, какой замечательный человек капитан третьего ранга Павлов, и как его уважают рыбаки.

— Вот спросите Бегалина, — сказал Горский.

— Бегалина? — не сразу сообразил Серебренников.

— Ну да, Бегалина, младшего сержанта.

— Почему Бегалина?

— Так ведь его отец тоже капитан. И мы вместе ходили на промысел. — Он виновато улыбнулся: — Если бы не Елена, я никогда бы не расстался с Павловым.

Елена услышала свое имя и обернулась:

— Что Елена?

— Ничего, милая.

Серебренников видел, как у Горского потеп-

лели глаза и решил: любит. Собственно, разве можно было в этом сомневаться?

Он попрощался с Горскими возле гостиницы и поехал по своим делам. А капитан «Медузы», взяв жену под руку, пошел по тополевой аллее к гостинице.

В дверях встретились с Ефремовым. Горский приветливо протянул ему руку.

— А знаете,— сказал он оживленно,— пойдемте с нами есть шашлык?

Елена удивленно взглянула на Горского:

— Шашлык? Так ведь мы только что пообедали?

— Меня растрясло в дороге, и я снова проголодался,— сознался Горский.— Потом, может быть, к Хасанчику привезли пиво.

Хасанчиком все называли буфетчика в летнем ресторане районного центра.

Елене хотелось побыть наедине с Горским и она обиделась:

— Я не хочу к Хасанчику.

— Леночка,— укоризненно произнес Горский.— Ну, неужели ты не понимаешь, что значит для мужчины пиво?

Елена поджала губы.

— Если хочешь — иди. А я посижу дома.

Горский притянул ее к себе и, умоляюще заглядывая в глаза, заставил улыбнуться.

— Вот теперь хорошо,— довольно произнес он, отпуская ее. Иди отдохни, а мы с товарищем Ефремовым обернемся мигом.

Все это произошло так неожиданно, что Ефремов не успел и опомниться, как уже сидел с Горским за отдельным столиком,

Расторопный Хасанчик быстро организовал пиво и закуску.

— Есть холодная водочка,— шепнул он.

Горский обрадовался:

— Кто же устоит против холодной?

Ефремов смотрел на Горского и думал, какой это сердечный человек.

— Ваше здоровье! — чокаясь с Ефремовым, сказал Горский.

Давно уже никто не поднимал тост за здоровье Ефремова, и вообще жена не разрешала ему пить. Но разве сейчас откажешься? И потом почему он должен отказаться? Почему он не может составить компанию капитану «Медузы», который так хорошо к нему относится?

Ефремов выпил.

После второй стопки у него закружилась голова. На Горского же водка не действовала и он заказал еще.

— За ваших детишек,— предложил Горский.

Ефремов выпил.

Потом они возвращались домой какими-то закоулками, и Горский почти тащил Ефремова на себе. Водитель автопогрузчика плакал, рассказывая о своей трудной жизни, как чудом уцелел в концентрационных лагерях и как недавно пограничники заподозрили его в связи с каким-то человеком.

Горский был трезв. Он не пропустил ни одного слова из того, что говорил Ефремов.

ВСТРЕЧА В ХОДЖЕНТЕ

За последнее время сменили столько городов, что у Тома и «Зуба» рябило в глазах. Они были в Самарканде и Бухаре, Чарджоу и Марах, Намангане и Фергане, не считая других городов, поменьше.

Подолгу «Буйвол» не хотел задерживаться на одном месте, чтобы не привлекать внимания. И не столько «Буйвол», сколько их новый знакомый, с которым они встретились на ветренном и пыльном урсатьевском перроне. Отсюда поезда растекались в три стороны: к Ташкенту и дальше — на Москву, через Каган и Ашхабад — к Красноводску, и, пересекая плодородную Ферганскую долину, к отрогам Памира.

Новый знакомый оказался старым приятелем «Буйвола». Ему перевалило за пятьдесят, но стариком нельзя было назвать. Он тщательно следил за своей внешностью, чисто выбривал щеки и расчесывал поседевшие волосы на пробор. Звали нового знакомого Семеном Петровичем.

Май застал их на юге Киргизии, в городе Оше, откуда начинался Великий Памирский тракт.

Ош, как и большинство других городов Средней Азии, делился на две части: новую и старую. Где-то они сталкивались и перемещивались. В Оше это происходило в конце улицы Ленина, на спуске к базару, заканчивавшемся новым мостом через шумную Ак-буру.

«Зубу» нравились азиатские базары — многоголосые, пестрые, щедрые, где было чем по-

живиться. Он хвастался своими успехами и даже радовался, что Тому не везет.

— Фортуна, так сказать, отвернулась? — сочувственно спрашивал он, сверкая золотыми коронками.

— Отвернулась, — соглашался Том. На самом деле ему просто не хотелось воровать.

Он стал чаще ходить один. С интересом наблюдал, как идет крупноблочное строительство, или заливают асфальтом мостовую.

А однажды в каком-то колхозе его приняли за районного активиста. Он, сам того не зная, пришел на полевой стан во время обеденного перерыва. Пришел напиться, а бородатый бригадир хлопнул его по плечу:

— Давай, паренек, читай газеты.

Тому стало смешно. Он взял газету у бригадира и, присев на суфу, стал читать вслух.

Потом его угостили таким жирным и вкусным пловом, какого он никогда еще не ел, и пригласили приходить еще.

Он возвращался в город пешком, и всё время его провожало хлопковое поле. Перед самым городом оно передало его пламенеющему маками участку.

Он прилег среди маков и долго не хотел подниматься. Давно ему не было так хорошо. Наверное, попал в самый богатый колхоз. Может быть не возвращаться к «Буйволу»?

Но в эту ночь он снова ночевал с приятелями, и рядом посапывал Семен Петрович.

Тому не спалось. Он лежал с открытыми глазами, думая о своем. Как изменить образ жизни? Конечно, можно хоть сейчас встать и потихоньку уйти в тот же колхоз. Но что он

будет делать там и как объяснит, откуда пришел?

«Найду бригадира,— подумал Том,— и всё объясню».

Сейчас это ему казалось просто.

Семен Петрович повернулся на спину и захрапел.

«Сбегу!» — решил Том, приподнимаясь на локте, но тут заворочался «Буйвол». Открыл глаза, увидел, что Том не спит, и попросил закурить.

На следующий день все четверо перебрались в другой город. Это был древний Ходжент, помолодевший за годы Советской власти и сменивший имя. Новый, социалистический, город — Ленинабад — смахнул старину с левобережья Сыр-Дарьи, распутал паутину кривых узких улочек, широким проспектом устремляясь к подножию Могол-Тау.

Василий Васильевич и «Буйвол» остановились в гостинице «Ходжент». Дежурный администратор охотно предоставил им отдельный номер.

Том и «Зуб» устроились в многокоечном номере другой гостиницы, рядом с базаром.

Каждый занимался своим делом. Василий Васильевич и «Буйвол» приглядывались, чего-то ждали. «Зуб» искал ротозеев. Том любовался городом и однажды забрел на стадион.

В этот день трибуны ломились от зрителей. Местные футболисты «Памира» принимали одну из закавказских команд.

«Памир» выигрывал, и стадион ревел.

Вначале Том следил за игрой, но потом переключился на «болельщиков». Давно он не

видел такого веселого зрелища. Люди кричали до хрипоты, били в ладоши, топали, свистели, вытягивали шеи, толкали друг друга.

Особенно старался толстячок, сидевший рядом с Томом. Он потерял голос и сипел, багровея от натуги. Его клетчатая рубаша взмокла. Пот ручьями стекал с лица. Толстяк блаженно закатывал глаза, когда мяч оказывался в сетке ворот гостей, и лез целоваться с Томом:

— Умница ты моя!—приговаривал он, словно это Том забивал голы.

После матча толстяк уцепился за Тома:

— Никуда я тебя не пущу. В честь такого события поедешь ко мне.

Том подумал, что, может быть, снова угостят пловом и согласился.

Толстяк открыл дверцу темносиней «Волги» и взялся за руль, усадив Тома рядом с собой. «Так ты шофер, братец!» — подумал Том.

Толстяк все еще никак не мог успокоиться и со смехом вспоминал самые острые моменты недавней борьбы на зеленом поле.

Том ловил разгоряченным лицом встречный ветер и блаженствовал.

«Волга» неслась по асфальтированному шоссе мимо яркозеленых хлопковых полей, фруктовых садов. В этот пейзаж то и дело вплетались порталные краны с красными флажками на стрелах.

— Красиво, правда? — спросил толстяк.

— Факт,— согласился Том.

— А ты что, недавно в наших краях?

— Недавно.

— А про Улугходжаева слышал?

— Нет,— сказал Том.

— Да ты, ака-джон, отсталый человек! — удивился толстяк, обгоняя автобус.

— Ну, расскажи, — попросил Том.

— Улугходжаев — дважды Герой Социалистического Труда, наш председатель.

— Дважды? — не поверил Том.

— Ты откуда приехал? — спросил толстяк.

— Из Калуги, — соврал Том.

— Тогда понятно, — покровительственно заметил водитель, выруливая на середину дороги, где асфальт был ровнее. — Ну, слушай: в прошлом году мы продали государству десять тысяч тонн хлопка. А это знаешь сколько? Двадцать железнодорожных составов по сорок вагонов каждый!.. А молока и мяса знаешь сколько сдали государству?

— Ну, сколько? — спросил Том, который в обществе нового знакомого чувствовал себя удивительно легко.

— Пятьсот тридцать тонн! А яиц почти две-сти тысяч штук! Представляешь?.. А абрикосов пять тысяч тонн! А винограда — шестьсот тонн!.. Самый высокий в округе доход, ака-джон

— Ты откуда знаешь? — усомнился Том.

Толстяк засмеялся:

— Так ведь я бухгалтер.

— Главный, что ли? — недоверчиво по-ко-сил на него Том.

— Почему главный? Просто бухгалтер... А у нас знаешь бухгалтерия какая? Сто человек!

— Ну, да? — снова не поверил Том.

— Ну, может, немножко меньше, — сразу со-гласился толстяк, уступая дорогу встречному

самосвалу.— А года через два знаешь сколько будет?

— Двести! — ответил Том.

Толстяк даже затормозил, так ему стало смешно.

— Два человека, ну, может быть, четыре. Вот сколько.

— Почему? — удивился Том.

— Да потому, что установим электронные счетные машины.

— А куда же денешься ты? — спросил Том.

— Я буду оператором этих машин.

«Вот бы и мне стать оператором!» — загорелся Том, но подумал и спросил:

— Ну, а другие бухгалтеры?

— Э, ака-джон, — уверенно сказал толстяк. — Для всех работа найдется. Кто уже сейчас заочно в сельхозинституте учится, кто на курсах механизаторов при колхозе... А у тебя какая специальность?

Том покраснел.

— Всякая, — сказал он, — разнорабочая. — И вдруг потребовал: — Останови машину.

Толстяк не понял:

— Ты что?

— Останови, говорю! — настойчиво повторил Том. — У меня дело есть. Я забыл.

— Эх, ошно*! — надулся толстяк, сбавляя скорость. — Или я тебя чем обидел?

— Нет, не обидел, — упавшим голосом произнес Том.

— Тогда поехали дальше, а дело свое завтра доделаешь.

* Друг, приятель,

— Нет, я слезу,— вздохнул Том.

— Так мы уже приехали,— настаивал толстяк и свернул к центральной усадьбе колхоза.

Слева и справа замелькали аккуратные белые домики, окруженные садами.

Наконец въехали в распахнутые настежь ворота и остановились среди подступавших к машине яблонь и вишен, инжира и айвы.

По цементированной дорожке, прикрытой виноградником, Том шел рядом с бухгалтером навстречу высокому, сухопарому старику в стеганом зеленом халате и белой сорочке, из-под которой виднелась жилистая, коричневая от загара шея.

Тому казалось, что он попал в волшебный замок. Оробевший, он глядел на доброго джина. Джин прикладывал руки к груди и кланялся Тому.

«Определенно я сплю!» — решил Том.

Но старик протянул ему морщинистые, изъеденные временем руки, и Том ощутил его, еще крепкое рукопожатие.

Толстяк что-то сказал старику на непонятном Тому языке.

— А-а...— протянул старик, и в его близоруких глазах затаилась лукавая усмешка.

— Значит, только приехал в Таджикистан? — спросил он ласково, накручивая на палец седые усы.— Проходи, сынок, гостем будешь.

Как во сне, Том куда-то шел, кому-то пожимал руки.

Он сидел на ковре, за длинным, низким столом. И чего тут только не было: пирожки с

мясом — самбуса и удивительно вкусные сдобные лепешки — фатир, холодное мясо и салаты, фисташки и кишмиш. Рядом жарился шашлык. А в огромном котле дозревал плов.

— Угощайся! — сказал старик, по-прежнему широко улыбаясь гостю.

Том осторожно отломил лепешку. У него разбегались глаза.

«А тут еще побогаче живут, чем в том колхозе, где я читал газету!» — решил он, испытывая непонятную радость.

Старик придвинул к юному гостю блюдо с самбусой:

— Однажды народный мудрец Мушфики пришел к соседу в гости. Хозяин спросил: «Что сварить для вас: плов или суп?» А Мушфики ответил: «Разве у вас только один котел?»

Старик засмеялся, обнажая еще крепкие зубы:

— Ешь, сынок, и не бойся: у нас много котлов!

Он говорил с легким акцентом, но Тому казалась его речь родной. Он с сожалением думал, что рано или поздно придется отсюда уходить.

Он ел разные вкусные вещи, а с портрета на стене ему улыбался широкоплечий моряк в пограничной фуражке.

— Кто это? — спросил Том.

— Мой младший — Вахид! — ответил хозяин дома. — Старшина-сверхсрочник.

В полночь толстяк, тоже оказавшийся сыном старика, повез Тома в город.

Час был поздний, и встречные машины почти не попадались. Толстяк вел машину уверен-

но и даже лихо, что совсем не вязалось с его комплекцией.

Когда до Ленинабада оставалось километров десять, с хлопкового поля вышел на дорогу человек и поднял руку.

— Подвезем? — спросил, притормаживая, толстяк.

Том кивнул. Он все еще пребывал в каком-то благодушном полусне.

«Волга» уставилась фарами в незнакомца, и вдруг Том сжался, вцепился в руку водителя:

— Пожалуйста, не останавливайся... Газуй, газуй!

Колхозный бухгалтер невольно поддался его настроению и включил газ перед самым носом незнакомца.

— Что случилось? — спросил он через некоторое время.

— Это очень плохой человек, — ответил Том и виновато посмотрел на своего нового знакомого.

— Почему плохой?

— Я знаю.

— Так ведь ты здесь недавно? — усомнился толстяк.

— И он недавно! — упрямо возразил Том. Возле сверкающего неоновыми огнями шел кокомбината Том простился с бухгалтером.

— Ты к нам приезжай, — сказал толстяк на прощание. — А фамилия наша — Шараповы. Не забудешь?

— Не забуду, — ответил Том. — Спасибо! — И зашагал по тускло освещенной улице.

«Что это делал Семен Петрович на хлопковом поле?» — думал он, с неохотой приближаясь к гостинице.

В ноль часов пятнадцать минут радиолокаторы засекали неизвестный передатчик. Он работал в течение трех с половиной минут на ультракоротких волнах.

Определили и местонахождение передатчика: прилегающий к городу участок колхоза, где председателем дважды Герой Социалистического Труда Улугходжаев. Проверили: кусты хлопчатника смяты. Овчарка взяла след и вывела на шоссе. Здесь почти сразу след обрывался. Кто-то сел в машину, как определили по оттиску скатов — самосвал.

К утру стало известно, что это самосвал строительного треста.

Водитель охотно описал внешность своего случайного пассажира. Высокого роста, плотный. Уже в летах. Чисто выбрит. Седой. Волосы расчесывает на пробор. В полотняном костюме.

Еще через некоторое время капитана Харламова, который, разыскивая Василия Васильевича, находился в Средней Азии, пригласили в КГБ.

Высокого роста, плотный, уже в летах... Возможно, он, думал Харламов, хотя остальные приметы и не сходятся.

Он летел в самолете и вспоминал слова своего начальника. Конечно, в нашей стране почва неблагоприятна для таких, как Василий Васильевич. Действия их, по сути дела, локализованы. Затаиться, исчезнуть на время они могут, но первая же попытка развернуться чревата последствиями.

...Когда стало известно, что встреча в ресторане «Бахор» не состоялась, предположили, что сообщника иностранной разведки что-то насторожило. Возможно, этим и объяснялось внезапное исчезновение Василия Васильевича.

И тут в городской отдел КГБ пришла взволнованная женщина с красивым, но уже увядшим лицом.

— Я модистка,— представилась она.— Баталова.

— Прошу садиться,— предложил капитан Харламов.

Дело касалось Василия Васильевича. Узнав, что дамский мастер исчез, женщина решила, что причина кроется в телеграмме, которую получила на днях по его просьбе.

— Вы помните содержание телеграммы?— спросил Харламов.

— Конечно!— ответила Баталова.— «Срочно выезжайте».

Оказывается, телеграмма пришла из Ташкента, подписи не было, и это уже тогда насторожило модистку.

— Спасибо,— поблагодарил Харламов.

Она добавила, потупив глаза:

— Он всегда был таким внимательным... Как же я могла отказать ему в этой пустячной услуге?..

Рейсовый самолет за полчаса доставил капитана Харламова из Ташкента в Ленинабад.

С аэропорта Харламов направился прежде всего в гостиницу и получил номер. Когда брал ключ у дежурной, нос, к носу столкнулся с человеком в слегка помятом полотняном костюме. Тот сдавал ключ. Что-то знакомое показалось Харламову в этом чисто выбритом человеке. Заметив пристальный взгляд Харламова, он отвернулся. Шея у него была толстая, с глубокими складками.

«Василий Васильевич!» — узнал Харламов.

УСЛУГА

Горский с неприязнью думал о людях, которые его окружают. Ни одного надежного человека. словно здесь никогда не было басмачества, словно баи и муллы выдуманы писателем-фантастом. Иначе куда делись и они, и побеги, которые они несомненно пустили?.. А задание у него сложное: быть резидентом в пограничном районе. Никому до сих пор это не удавалось... Но и один в поле не воин. Как быть? Пока виды оставались только на водителя автопогрузчика.

Во время очередной стоянки в Реги-равоне Горский заметил, что Ефремов озабочен. Он подошел к нему и положил руку на раскаленный капот машины.

Маленький, хилый Ефремов, казалось, утонул в мягком водительском кресле.

— Как дела, сосед? — спросил Горский.

Ефремов почувствовал в его голосе расположение и попробовал улыбнуться:

— Ничего, благодарю.

— А что за печаль грызет душу?

Ефремов ответил не сразу:

— В тот вечер, когда мы с вами... ну, шашлык ели... Несчастье со мной приключилось.

— Что такое? — спросил Горский.

— Я тогда перебрал малость...

— А, понимаю, — догадался Горский, — сболтнул лишнее.

Ефремов испуганно взглянул на него.

Горский, подавшись вперед, сказал покровительственно:

— Пустяки, все останется между нами.

Ефремов сжал в кулак остренький подбородок и забормотал, раздвигая и сдвигая рукой челюсти:

— Ничего я не говорил...

Горский усмехнулся:

— Чудак ты, дружище. Ну, неужели думаешь, я побегу в милицию и буду рассказывать, как тебя заподозрили пограничники?

Ефремов нервно задержал шеей.

— Или что в Дахау ты пал духом?..

Здесь Горский остановился и махнул рукой, мол, зачем продолжать.

Ефремов произнес дрожащим голосом:

— Что я такое говорил про Дахау?

— Потом, потом, — заметил Горский.

— Нет, все-таки, что я говорил? — затаив дыхание, переспросил Ефремов.

Горский опять усмехнулся:

— Мы же друзья, Степан. Так чего ты боишься?

Водитель автопогрузчика взглянул в уверенные глаза капитана «Медузы» и сказал доверительно:

— Я разве о том?.. Что я — не знаю, какой вы человек? Вот только несчастье со мной приключилось.

— Какое несчастье?

— Деньги я потерял в тот вечер. Все до копейки... Нёс, понимаете, домой получку... И как они выпали из кармана, ума не приложу!

— Постой, постой,— притворился взволнованным Горский.— Где же ты их мог потерять, если я тебя до самых дверей проводил?.. Ах, да! — вспомнил он.— Я уже дома был, смотрю, а ты в сад вышел. Зачем?

— Н-не помню,— забормотал Ефремов.

— Ну, как же,— настаивал Горский.— Я еще тебя окликнул, а ты запел: «Сам пью, сам гуляю»...

Ефремов вздохнул:

— Хоть убейте — не помню.

— Так, может быть, в саду ты и потерял деньги?

Ефремов пожал плечами.

— Разве теперь их найдешь?

— Ну, а потом что? — участливо спросил Горский.

— Что? — чистосердечно признался Ефремов.— Разве жене скажешь? У нас семейка-то вон какая, сами знаете... Ну, объяснил я ей утречком, что деньги задержали. А сам думаю: перехвачу у добрых людей... Заработки-то у нас, сами знаете, не постоянные.

— Сколько было денег? — спросил Горский.

Ефремов назвал сумму и виновато опустил глаза.

— Ну, это не проблема, — успокоил Горский. — Ты вот что, погоди, а я обернусь мигом. Есть у меня на «Медузе» деньги.

Ефремов видел, как Горский спустился по лесчаному откосу к пирсу, легко поднялся по трапу на буксир и исчез в своей каюте. Потом он так же быстро сбежал на берег и вручил Ефремову нужную сумму.

— Просто не знаю, как вас и благодарить! — обрадовался Ефремов.

— Ничего, — сказал Горский. — Да, и, пожалуйста, не беспокойся: деньги мне скоро не понадобятся.

— Спасибо, — совсем расчувствовался Ефремов. — Выручили.

— Ну, ну, — притворился недовольным Горский. — Мы должны помогать друг другу... Разве ты не окажешь мне услугу, если понадобится?

— Что за вопрос? — охотно согласился Ефремов. У него заметно поднялось настроение.

— Правильно, — поддержал Горский. — А насчет того, что ты там спьяну наговорил — забудь и не тревожься: все останется между нами. — И небрежно дотронувшись до блестящего козырька капитанской фуражки, зашагал в сторону заставы, где его ожидала Елена.

Ефремов долго глядел ему вслед, комкая в руках деньги. Что он говорил Горскому?

Капитан «Медузы» был неприятно удивлен, когда часовой по заставе предложил ему подождать, а сам вызвал дежурного.

В пограничнике с красной повязкой на рукаве Горский узнал младшего сержанта Бегалина. Обрадовался:

— Здравствуй, земляк!

Но Бегалин спросил официально:

— Вы к старшему лейтенанту?

— Конечно,— согласился Горский, смело входя в ворота.

— Я провожу,— заметил Бегалин.

Вдвоем они прошли через весь двор к офицерскому домику.

«Странно,— подумал Горский.— В чем дело?.. А вдруг арестован Василий Васильевич?! — он даже остановился от такой мысли.— Нужно быть на-чеку!»

Пулатов встретил Горского на крыльце.

— Входи, входи,— сказал он приветливо.

Горский взбежал на крыльцо и стиснул свою руку.

— Что за порядки? — он кивнул на Бегалина.— Привел, словно под конвоем. Этак к тебе и идти не захочешь.

Пулатов развел руками:

— Граница, ака-джон, ничего не поделаешь.

Елена выпорхнула из комнаты и повисла на шее мужа.

— Я тоже перепугалась: подхожу к воротам, а часовой — штык в грудь: ни с места!

Пулатов, пропуская вперед Елену и Горского, сказал:

— Это майор Серебренников устроил наго-

ный Ярцеву: почему, дескать, посторонние люди свободно разгуливают по заставе?

— Он меня имел в виду? — спросил Горский.

— Тебя, — сознался Пулатов. — Он ведь не знал, что ты и есть мой свояк... А Ярцев стал завинчивать гайки, вот часовые и усердствуют.

Елена хлопотала по хозяйству. В последнее время она перебралась к Пулатовым, чтобы быть ближе к сестре.

За обедом Пулатов спросил между прочим:

— Ну, как, не скучаешь по морю?

Горский решил, что пока беспокоиться нечего и держал себя свободно.

— Морю!... Конечно, кто хоть раз в нем побывал, разве забудет? Но в общем и «Медуза», так сказать, на плаву... А всё пустяки! — заметил он вдруг. — Зато жена рядом.

— И это резон! — согласился Пулатов.

Горский стоял на капитанском мостике «Медузы», шурясь от яркого солнца. Грузовики с двухъярусными кузовами, словно пожарные машины, слепили красными бортами. Грузчики в рваных халатах с натугой ворочали тяжелые ящики.

Черные от грязи и солнца портовые рабочие вызывали у Горского брезгливость, которую он с трудом подавлял.

Из-за облака медленно оседавшей пыли поднимался глинобитный Фирюзевар. Едва различимые вдаль, черным пятном вставали горы. Между ними и рекой дымились пески.

Рядом с «Медузой», невосприимчивый к волнению реки, стоял дебаркадер.

Горский решил, что загрузку продолжат без него, и поднялся на дебаркадер. Кроме вахтенного и повара, здесь никого не было.

Вахтенный, бойкий парнишка лет девятнадцати, бегал по палубе в одних трусах. Он обрадовался Горскому и предложил принять душ, какой на «Медузе» даже не снился.

Горский улыбнулся: ну что же — душ, так душ!

Вахтенный проводил его на корму и распахнул дверь небольшой дощатой будки без крыши. Над будкой возвышался железный бак, откуда в реку спускался шланг.

— Вот как живем, — сказал вахтенный, — со всеми удобствами! — и стал накачивать в бак воду.

Горский скрылся за дверью, заперся на крючок.

— Это я вашего кока боюсь! — сознался он.

— Черт в юбке! — охотно поддакнул вахтенный.

Горский засмеялся.

— А-а, хорошо! — услышал вахтенный его довольное пофыркивание.

Но Горский не стоял под душем. Вода стекала на палубу, а он прижался к будке и открыл портсигар, куда был вмонтирован передатчик.

Быстро настроившись на определенную волну, Горский передал в эфир несколько условных сигналов и перешел на прием.

Ничего этого не подозревал вахтенный. Когда Горский, посвежевший, с мокрой головой, вышел из душевой, он спросил ревниво:

— Ну как?

— Где уж «Медузе» до вас! — согласился Горский.

— А я что говорил? — обрадовался вахтенный.

Горский не спеша вернулся на «Медузу», достал из кармана кителя портсигар и запер в сейф.

«Все хорошо!» — с облегчением подумал он, расстегивая китель.

Между тем на советском берегу засекли неизвестный передатчик. Пеленгаторы точно указали направление: Фирюзовар.

Начальник заставы майор Ярцев получил приказание полковника Заозерного: усилить наблюдение за чужим берегом.

ВНИМАНИЕ, ВОЗДУХ

«Медуза» боролась с течением и, стараясь не отставать от новых, дизельных буксиров, появившихся на реке, усердно взбивала волну колесами.

Погода стояла переменчивая, непривычная для Средней Азии. По небу зловещими тенями ползли облака — неуклюжие, плоские, они сворачивались в кольца. Вначале казалось, что небо покрыто сажей. Этой сажии становилось все больше. Но вот она набухала, приобретала объемность и вдруг прорывалась страшными ливнями.

Река бесновалась, выходила из берегов.

Рассвет задержался, хотя его время уже наступило. Скланки пробили двенадцать раз — шесть часов.

Горский стоял на мостике, откинув капюшон плаща. К чему-то прислушивался.

Бледное, исполосованное дождем утро осторожно приподняло ночную завесу.

Горский хмуро сошел с мостика, предоставив возможность штурману дальше вести судно. Он спустился к себе в каюту, некоторое время постоял у иллюминатора. Затем отошел к дверям и скинул реглан. Там, где он только что стоял, натекла лужа.

Горский переоделся. Сел на койку и потер руками виски. Он был явно чем-то взволнован.

Иван Бородуля возглавлял пограничный наряд на стыке с соседней заставой. Он заступил на службу в четыре часа утра.

Плащ, намокший сразу, едва вышли на границу, с каждой минутой становился тяжелей.

Кони ступали осторожно.

На стыке Бородуля завел их под укрытие, а сам с напарником выбрал место для наблюдения и залег в камышах, подальше от реки, чтобы лучше слышать.

Прежний Бородуля, конечно бы, возмутился: зачем высылать наряды в такую погоду? Но сегодняшний Бородуля знал, что высылать обязательно нужно, и старался не пропустить ни малейшего шороха.

Перед рассветом Бородуля слышал гудки и тревожный бой колокола. Вверх по течению шел буксирный пароход. Бородуля увидел его, уже стоя на вышке, где встречал утро.

К Реги-равону черепахой ползла «Медуза».

Бородуля прижался грудью к скользкому

барьеру и с сочувствием следил за тем, как буксир боролся с волной.

Дождь стал тише.

Бородуля подождал, когда «Медуза» поворачивается с вышкой, и потянулся к телефонной трубке, чтобы сообщить на заставу о приближении парохода. Но трубка замерла у него в руке.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросил он напарника, смешного и неуклюжего парня в намокшем плаще, того самого Свиридова, которого когда-то называл «лагманом».

Молодой солдат виновато улыбнулся и ответил, что кроме реки и дождя ничего не слышит.

Бородуля бросил телефонную трубку и, схватив Свиридова за руку, потащил за будку.

— Ну? — нетерпеливо спросил Бородуля, склоняясь над приделанной к барьеру стрелкой курсоуказателя самолетов.

— Вот в этом направлении — слушай!

Свиридов хотел возразить, что видеть еще можно в каком-то направлении, но слышать... Однако возразить он не успел и ответил растерянно:

— Товарищ ефрейтор, шмели!

— Шмели, шмели! — передразнил Бородуля и снова бросился к телефону.

— Товарищ дежурный, — доложил он. — Слышу самолет. Нарушил границу курсом на северо-восток в шесть часов двадцать четыре минуты.

— Ясно! — ответил дежурный по заставе старшина Пологалов и немедленно связался с отрядом: — Внимание, воздух!

Несколькими минутами раньше локаторы нащупали самолет. Он шел на большой высоте, приближаясь к границе. Бородуля сообщил точное время, когда неизвестный самолет вторгся в пределы воздушного пространства СССР.

Самолет покружил над советской территорией, особенно не удаляясь от границы, и через тринадцать минут вернулся за кордон...

Горский пил чай с лимоном. Чай был горячий, и капитан «Медузы» помешивал его ложечкой.

Напротив сидел старший лейтенант Пулатов. Перед ним тоже стоял стакан с чаем, но Пулатов, вероятно, ожидал, когда он остынет.

Людмилу отправили в родильный дом, и без нее в квартире казалось пусто.

Горский смотрел в окно. Тучи рассеивались. Ветер рвал их, и обессиленные, посеребренные солнцем, они очищали небо.

От Горского не скрылось, что пограничники сегодня сосредоточенней обычного.

Из прошлого радиосеанса с шефом Горскому было известно, что на рассвете границу нарушит самолет. Он пересечет ее на очень большой высоте. Горскому нужно узнать, есть ли в этом районе локаторы и засекут ли они самолет.

«Конечно,— догадывался Горский,— если не засекут, американским разведчикам можно будет летать здесь сколько угодно».

Пулатов уставился в свой стакан с чаем и не обращал на Горского внимания. Капитан «Медузы» понимал, что мысленно его свояк

сейчас в районном центре, там, где Людмила. Однако, если на границе засекли самолет, Пулатов должен знать.

— У тебя неприятности по работе? — будто невзначай спросил Горский.

Пулатов ответил рассеянно:

— Откуда ты это взял?

— Выглядишь неважно.

— А-а...

— Или боишься за Людмилу?

— Боюсь, — сознался Пулатов.

— Зря, — успокоил Горский. — Все будет хорошо, вот увидишь.

Пулатов вспомнил про чай и стал пить.

— Да, — вдруг заметил Горский. — Когда мы подходили к Реги-равону, я стоял на мостике и, показалось, слышу самолет.

Он хитрил.

Пулатов испытующе посмотрел на него:

— Откуда самолет?

— Я не знаю. Говорю тебе — показалось.

— Ну, значит, показалось, — согласился Пулатов.

— А, может быть, проверить? — настаивал Горский.

— Да тебе-то что? — Пулатов насторожился.

— Ничего, — равнодушно произнес Горский и допил чай.

Пулатов проводил его до ворот, попрощался.

В канцелярии он сказал Ярцеву:

— Капитан «Медузы» тоже слышал самолет.

— Возможно, — согласился Ярцев. — Вы хоть поблагодарили его за сообщение?

— Нет,— ответил Пулатов.

Ярцев хотел еще что-то спросить, но перебил телефонный звонок. Начальник заставы внимательно выслушал сообщение:

— Да у тебя сын!

Пулатов непослушными руками потянулся к галстуку, словно хотел ослабить узел.

— У меня сын? — переспросил он неуверенно.

— Сын! — подтвердил Ярцев.

— А Людмила?

— Чувствует себя хорошо.

— У меня сын?! — сказал Пулатов, стараясь убедить себя в том, что вот сейчас, в эту минуту, он стал отцом. Это оказалось трудно.

Начальник заставы прикрикнул:

— Ну, что ты словно к полу прилип?.. Садись на первую попутную машину и газуй прямо в родильный дом!

Пулатов был настолько растерян, что воспринял это как приказ.

— Есть, товарищ майор! — по-уставному ответил он, выбегая из канцелярии.

«Медуза» обогнула дебаркадер и застопорила машину. Прислонившись к пирсу, буксир охотно принял на борт грузчиков, и они сразу растеклись по его отсекам.

Горский поручил штурману следить за выгрузкой, а сам спустился на берег. Он не спеша подошел к сложенным в штабеля ящикам, которые скоро должны были исчезнуть в трюмах его транспорта, и, будто проверяя их, становился между вторым и третьим рядами.

Никто не видел, как он вынул из кармана

портсигар-передатчик и настроился на нужную волну. Узнав, что его слышат, он передал кодом: по утверждению пограничников самолета не было.

Шеф поблагодарил за службу.

«Значит был самолет!» — решил Горский, возвращаясь на «Медузу».

Опять радиопеленгаторы засекли неизвестную станцию, работавшую в течение трех минут в Фирюзеваре.

Полковник Заозерный сказал начальнику штаба:

— А вам не кажется подозрительным, что передатчик работает во время стоянки «Медузы» в заграничном порту?

— И я хотел вам сказать об этом, — сознался начальник штаба.

— Странно, — заметил полковник, невольно думая о том, что при старом капитане таких фокусов не было.

Однако еще через несколько часов ему пришлось изменить свое мнение. «Медуза» шла вниз по реке, а неизвестный передатчик в Фирюзеваре приступил к очередному сеансу.

Полковник не знал, что передатчик, спрятанный Горским в Фирюзеваре, сработал автоматически.

НОВОЕ ЗАДАНИЕ

Постепенно жара взяла свое. Земля накалилась. Листья покрылись пылью, поникли. Снова деревья почти не давали тени.

Майор Серебренников собирался на границу и распорядился, чтобы Микаелян подал машину.

В это время позвонили из райкома. На семь часов вечера созывалось внеочередное бюро по подведению итогов взаимопроверки социалистических обязательств. Как члену бюро районного комитета партии, Серебренникову необходимо было присутствовать на заседании, и он решил выехать на границу утром.

Секретарь райкома партии доложил членам бюро, что положение создалось тревожное: из-за дождей хлопок пришлось пересевать. Не хватает площадей и для посевов люцерны.

При этом известии все повернулись в сторону майора Серебренникова. Он понял, чего хотят члены бюро райкома. На левом фланге шестнадцатой заставы есть орошаемый участок.

— Договоримся, — сказал Серебренников, уверенный, что начальник отряда возражать не будет.

— Вот и отлично! — улыбнулся секретарь райкома.

Заозерный не возражал. Поэтому Серебренников несколько изменил маршрут, чтобы

иметь возможность заехать к Ярцеву, передать разрешение начальника отряда на посев колхозной люцерны возле государственной границы.

— Выезжайте по холодку,— посоветовал Заозерный, и Серебренников приказал Микаеляну подать машину к пяти часам утра.

Майор сидел в штабе до тех пор, пока Нина Терентьевна не напомнила, что давно пора ужинать.

Дежурный по отряду удивился:

— А я думал, вы дома.

— Случилось что-нибудь? — спросил Серебренников.

— Да нет,— ответил дежурный.— Просто была почта и вам письмо.

Серебренников сразу узнал: письмо из Свердловска, от сына. Он нетерпеливо вскрыл конверт и развернул сложенный вчетверо лист.

Дежурный видел, как просиял майор: должно быть, получил хорошие вести.

Серебренников шумно ввалился домой, продолжая сиять. Нина Терентьевна с любопытством смотрела на него.

— Что случилось? — спросила она, поддаваясь его возбуждению.— Нас переводят? Куда?

Он покачал головой.

— Так в чем же дело?

— Вот! — сказал он торжественно, протягивая ей письмо.

Она быстро пробежала глазами торопливо написанные строки. Старший сын Серебренникова сообщал, что в свой первый трудовой от-

пуск хочет приехать к отцу. В прошлом году Юрий бросил школу и стал учеником токаря. Нина Терентьевна знала, как расстроился Серебренников: надо было кончать десятилетку, тем более, что учиться оставалось последний год. Он давно хотел взять сына к себе, но мать не разрешала. Теперь мальчик приедет. Это хорошо. Поговорят по душам. Письма, конечно, не то.

Нина Терентьевна улыбнулась. Серебренников напряженно следил за ней и облегченно вздохнул, поверив: она тоже рада.

— Но как же так он вдруг решил?

— Значит стал взрослым,— сказала она, складывая письмо.

— Три, нет четыре... Какое там — пять лет мы не виделись! — волновался Серебренников.— Да и то, помнишь, тогда, проездом, были с ним вместе совсем мало...

Она перебила:

— Завтра же переведем деньги. Пусть обязательно приедет!

Он подхватил:

— И Витюшка обрадуется!

Она кивнула, невольно прислушиваясь к тому, что делается в соседней комнате. Но в соседней комнате было тихо.

Тогда она приоткрыла дверь. Никого. Окно настежь открыто.

— Полюбуйтесь! — Она развела руками.— Убежал. А ведь я говорила: поздно уже.

Серебренников засмеялся:

— Да что ему с тобой делать?.. Вот Юрик приедет, тогда Витюшку не выгонишь из дома.

— Или наоборот,— усомнилась она.

— Пусть наоборот! — согласился Серебренников и услышал, как скрипнуло окно. Он притаился в темной комнате.

— Сдавайся, Соколиный Глаз! Я — Оцеола, вождь семинолов!

Нина Терентьевна слышала возню. Виктор сопел, вырывался.

— Это не честно! — взмолился он наконец.

— Почему не честно? — спросил Серебренников, крепче прижимая сына к себе. — А в окна лазить честно?

— Я тебе что-то скажу, — схитрил Виктор.

— Нет, это я тебе что-то скажу! — ответил майор, отпуская сына. — Знаешь, Юрик придет.

О Юрие вспоминали часто, и Виктор с гиканьем бросился на веранду:

— Вот здорово, Юрка придет!

Серебренников пошел за ним:

— Слышишь, мать, Юрка придет!

Она видела, как он счастлив.

В четыре часа тридцать минут Микаелян остановил газик у квартиры Серебренникова. Майор уже поджидал его.

— А я будить собрался, — сказал шофер, распахивая дверцу.

Газик мчался по холодку легко и бесшумно. Серебренников глубоко вдыхал свежий предутренний воздух.

Машина, петляя, повторяла извилины дороги. Мирное звездное небо поворачивалось к Серебренникову то одной стороной, то другой. Он принял его игру и старался за короткое

время, пока машина не свернула, отыскать знакомые звезды, вот-вот готовые раствориться в наступающем дне.

На заставу приехали, когда уже рассвело.

Майор Ярцев извинился, что не встретил Серебренникова: показал на телеграмму.

— Что-нибудь срочное?—спросил Серебренников.

Ярцев молча протянул ему бланк. Прочитанное заставило Серебренникова нахмуриться.

«Вот тебе и мирное небо,— подумал он.— Что же это такое?».

Оказывается, радиолокаторы вновь засекли неизвестный самолет. Он нарушил границу на участке соседней заставы, пролетел вглубь советской территории, примерно, на сто тридцать километров и лег на обратный курс. В пять часов ноль девять минут самолет вернулся за кордон.

Начальник войск округа немедленно доложил о происшествии в Москву.

За короткое время второе нарушение неизвестным самолетом воздушного пространства Советского Союза!

В тот же день капитан «Медузы» получил разнос от шефа, которого никогда не видел. Будто Горский виноват в том, что воздушного разведчика засекли и не удалось нащупать место, где он может пролететь незамеченным.

Сеанс длился больше обычного. Шеф сообщил, что намечается переброска агента с загранпаспортом. Этого агента Горский может

спокойно доставить в Реги-равон, но постараться быстро вывезти его из пограничной полосы.

«Вас понял!» — отстукал Горский и предупредил, что в Ташкенте созывается совещание речников, на котором он должен быть. Вернется через неделю.

«Отлично, — ответил шеф. — Ровно через неделю агент будет в Фирюзеваре. А раз уж вы собрались в Ташкент, попутно другое задание: уничтожить Василия Васильевича».

Горский сразу понял, чем вызвано такое решение: ведь это Василий Васильевич раздобыл загранпаспорт. Несомненно в него уже вписана другая фамилия, но тем не менее лишнего свидетеля лучше убрать.

«Как я узнаю человека с загранпаспортом?» — спросил Горский.

«Пароль остается прежним, — ответил шеф. — Во всех случаях прежним».

Горский не стал уточнять: погрузка заканчивалась и пора было возвращаться в Реги-равон.

Майор Серебренников передал Ярцеву приказание полковника Заозерного разрешить колхозникам сев люцерны возле границы и вместе с начальником заставы спустился на катере по реке осмотреть участок. Они захватили с собой председателя подшефного колхоза. Тот всю дорогу на разные лады благодарил пограничников.

Серебренников засмеялся:

— Смотри, оскомину набьешь!

Черноусый раис прищурился:

— На востоке говорят: что может быть слаще халвы?

Легкий пограничный катер стремительно рассекал буруны. Ветер подхватывал брызги, и они искрились на солнце, как светлячки.

За длинным, сигарообразным островом тесно сомкнувшиеся камышовые заросли поределли, и катер причалил к берегу.

Участок оказался хорошим, и раис попросил разрешение завтра же с утра приступить к работе.

— Пожалуйста,— согласился Ярцев.

Когда возвращались на заставу, старшина Шарапов сказал Серебренникову:

— Мы, товарищ майор, задумали провести на заставе диспут: «Что значит жить по-коммунистически?»

— Очень хорошо! — похвалил Серебренников.

— Вот хочу посоветоваться.

— Давай.

Начальник заставы и председатель колхоза сошли на берег, а Шарапов с Серебренниковым уединились в рубке.

— Диспут — это хорошо, — повторил майор, усаживая Шарапова рядом с собой. — Но как вы мыслите его провести?

— Напишем объявление, — сказал Вахид, комкая в руках тетрадь с обернутыми в газету корочками. — Такого-то числа состоится диспут, и пусть каждый готовится.

— А вопросы наметили?

— Как же! — Шарапов развернул тетрадь,

где мелким, но разборчивым*почерком было написано:

„Как ты думаешь:

- Почему труд является необходимой потребностью человека?*
- Что значит жить и служить по-коммунистически?*
- Кто ты: борец за коммунизм или обыватель?*
- Каким будет завтрашний день нашего общества?*
- Есть ли у тебя пережитки прошлого?*
- Есть ли среди нас равнодушные люди?».*

И ниже:

«Свое мнение по этим вопросам ты можешь высказать на открытом диспуте в ленинской комнате».

Слово «можешь» было зачеркнуто и заменено словом «должен».

— Лучше оставить «можешь», — посоветовал Серебренников. — А то получается, что вы проводите диспут в принудительном порядке.

— Правильно, — согласился Шарапов и тут же переправил «должен» на «можешь».

— Молодцы! — глаза у Серебренникова потеплели. — Ну, а каковы правила диспута?

Шарапов удивился:

— Правила?... Ну, приходи и говори...

— Что хочешь?

— Конечно.

— Тогда давай запишем: правила диспута. Первое...

Вахид извлек из тумбочки пузырек с чернилами и уставился на майора.

— Пиши, пиши, — сказал Серебренников. — Значит, первое: в споре все равны. Каждый говорит, что думает и от души... Хорошо?

— Очень хорошо! — согласился Шарапов. — Я так думаю, товарищ майор, каждый должен быть активным участником разговора.

Серебренников подхватил:

— Вот и пиши: второе — на диспуте нет наблюдающих, каждый — активный участник разговора.

— ...участник разговора, — дописал Шарапов. — Что еще?

— Подумаем.

— Никто не поучает других свысока, — сказал Вахид.

— Ну, пиши, если в этом есть необходимость, — согласился Серебренников.

Когда правила диспута были выработаны, Серебренников попросил Шарапова прочесть все объявление с начала. Вахид прочел и остался доволен.

— Честное слово, хорошо!

— У меня одно замечание, — сказал Серебренников. — Почему вы решили проводить диспут в ленинской комнате?

— А где же еще?

— Я думаю, лучше провести его в клубе и привлечь молодежь поселка.

Шарапову понравилась эта мысль.

— Здорово может получиться!

— Конечно, здорово. — Серебренников надел фуражку. — Кто секретарь комсомольской организации в поселке?

— Истат... Мирзобаева, — сказал Вахид, запинаясь.

— Вот ты к ней и сходи, посоветуйся, — сказал Серебренников, делая вид, что не заметил его смущения.

ОШИБКА

«Медуза» пришла в Реги-равон к вечеру и, прежде чем спуститься по реке, должна была взять дополнительный груз.

— Отчалите завтра,— сказали Горскому. Ему это было на руку.

Когда старший лейтенант Мансуров окончил таможенный досмотр, капитан «Медузы» предупредил штурмана, что вернется на судно в пять часов утра, и спустился на берег.

Словно окаменевший великан, застыл плавающий кран. Он стоял борт о борт с «Медузой», нацелившись на нее железным крюком. И Горский вдруг тоже почувствовал себя великаном, которому только дайте точку опоры, и он перевернет весь мир.

Рядом с поданными под погрузку платформами Горский увидел ефремовский автопогрузчик. Капот машины был задран. Водитель копошился в карбюраторе. Капитан «Медузы» подошел к нему и дернул за штанину.

— Привет, Ефремов! — сказал он, протягивая руку.

Водитель повернулся к Горскому, и капитан «Медузы» вдруг увидел, что это вовсе не Ефремов, а какой-то незнакомый человек.

— Простите,— смешался он.— Я думал, вы — Ефремов.

Водитель автопогрузчика окинул Горского недоверчивым взглядом:

— Ефремов теперь самосвалом командует.

— Вот как! — заметил Горский и пошел дальше.

Елена его не встречала. Он знал почему:

Людмила родила сына. Лишь вчера она должна была вернуться домой, на заставу, и конечно, Елена — с сестрой.

Горский шел по шпалам узкоколейки, думая о том, как использовать новое назначение Ефремова.

Возле резервуаров нефтебазы капитана «Медузы» чуть не сшиб мотовоз. Горский едва успел отскочить в сторону. Когда последняя платформа с тамбуром поравнялась с ним. Горский ухватился за поручни и, прыгнув на ступеньку, доехал почти до станции.

У семафора он соскочил и медленно побрел по поселку.

С Ефремовым обязательно нужно встретиться. Это же отлично, что ему дали самосвал. А почему бы Ефремову не подбросить агента, который через несколько дней вступит на советскую землю, скажем, до районного центра, или, еще лучше, за пограничную зону? Чем меньше его здесь будут видеть, тем лучше... Шеф прав... Но не рискованно ли посылать агента открыто? Неужели так обработали паспорт, что невозможно различить подделку?.. А если Мансуров различит?!

Солнце уже скрылось за барханами, и сумерки сгущались. Будго разминаясь, несколько раз подряд ухнул движок.

Возле клуба на телеграфном столбе вспыхнула электрическая лампочка. От нее в разные стороны потянулись невесомые желтые усики — одни длиннее, другие — короче, — обрываясь на лету.

К столбу прислонилась старая классная доска, приспособленная для объявлений.

Горский подошел ближе и прочел:

В нашем клубе состоится комсомольский диспут:
„ЧТО ЗНАЧИТ ЖИТЬ ПО-КОММУНИСТИЧЕСКИ?“

Мы приглашаем тебя!

Приготовься высказать свое мнение, а пока подумай
над следующими вопросами:

**Почему труд является необходимой
потребностью человека?**

Кто ты: борец за коммунизм или обыватель?..

У Горского не хватило терпения дочитать
до конца.

«Фанатики, — усмехнулся он. — Неисправимые фанатики!» — и даже покачал головой.

— А что вас не устраивает? — раздался сзади настороженный голос.

Горский обернулся.

Перед ним стояла Истат. Горский знал поселкового секретаря и приветливо улыбнулся.

— Меня все устраивает. Да вы молодцы просто. — Он решил пошутить и заметил фамильярно: — Действительно, есть над чем задуматься... Вот я, например, борец за коммунизм или обыватель? Конечно, я — борец за коммунизм. Но я — моряк и, значит, люблю промочить горло. А так поступают лишь обыватели. Вы как думаете?

Истат тоже улыбнулась.

— Запрет вина — закон, считающийся с тем,
Кем пьется и когда, и много ли, и с кем?

Горский оторопело посмотрел на нее.

— Как вы сказали?

Она охотно повторила.

— А дальше? — спросил он.

— Не так ли? — усмехнулась она, испытующе глядя ему в глаза.

Несомненно это был пароль, и он ответил скороговоркой:

— «Когда соблюдены все эти оговорки, пить — признак мудрости, а не порок совсем».

— Это — Омар Хайям, — сказала Истат.

— Верно, — совершенно сбитый с толку ее осведомленностью, ответил Горский. Вспомнилось предупреждение шефа: во всех случаях пароль остается прежним.

Он взял девушку за руку:

— Так идемте же.

— Куда? — удивилась Истат. Она не могла понять, чего он от нее хочет, но руки не убрала и шла за ним, растерянно улыбаясь.

Вскоре Горский убедился, что теперь их никто не видит.

— Так я вас слушаю? — сказал он.

— Странно, — ответила она, пожимая плечами. — Это я вас слушаю.

Она смотрела на него, не скрывая удивления, и тогда он понял, что это простая случайность: Она даже не догадывалась о том, что стихи — пароль. С досадой он думал, как выпутаться из глупейшего положения.

— А знаете, — горячо зашептал он, притягивая ее к себе, — я вас люблю!

Она вырвалась и теперь стояла рядом, полная негодования.

— Ну, это слишком!

Горский пытался наступать:

— Истат, милая, я страдаю, честное слово!..

Этого, пожалуй, не следовало говорить. Но

нельзя же, в самом деле, после того, что произошло, вдруг повернуться и уйти.

Он сдал ей руку:

— Истат, милая, поверьте!

Она задохнулась от гнева:

— Пустите!..

Он увидел, как вдали мелькнуло ее платье.

— Черт! — выругался Горский.

Он постарался взять себя в руки и, пока дошел до заставы, успокоился. Собственно, в чем его могут обвинить, если Истат кому-нибудь расскажет об их встрече? Легкий флирт... С кем не случается? Ну, будет неприятный разговор с Еленой. Да что Елена!

«Все обойдется!» — успокаивал он себя.

На заставе оказалось, что Людмила еще в больнице, и Елена в районном центре.

Старшего лейтенанта Пулатова не было дома. Горского встретил начальник заставы. Ярцев предложил капитану «Медузы» поужинать, но тот отказался.

— Вот если бы вы помогли мне добраться до районного центра.

— Помогу, — охотно согласился Ярцев. — Сейчас туда поедет майор Серебренников. Я попрошу, чтобы он захватил вас.

Вскоре Горский уже сидел в политотдельском газике. На этот раз майор был словоохотлив.

— Ну, как, освоились в наших краях?

— Вполне и, знаете, даже нравится. Я впервые в Азии. Солнце. Пески. Все это, хотя и сурово, но, признаться, любопытно. — Он засмеялся. — Одним словом, романтика... Скучать некогда: работа, жена вроде рядом и — не ря-

дом, так никогда и не надоедим друг другу... Я шучу, конечно, Елена у меня замечательная. Здесь Горский осекся, вспоминая о своей встрече с Истат.

Потом они заговорили о Пулатовых.

— Сын!—многозначительно произнес Серебренников.— Вы знаете, что такое сын?!

— Ну, еще бы,—любезно согласился Горский.

— Нет, вы не знаете,—возразил Серебренников.— У вас пока нет детей. А у меня—два сына.

Ему вдруг захотелось поделиться с капитаном «Медузы» своей радостью.

— Вот старший сын приезжает, Юрик... Он живет с моей первой женой...

Горский изобразил на своем лице удивление. Серебренников сказал:

— Мы с сыном не виделись много лет. Боюсь даже, что не узнаю. Он, конечно, здорово вырос.

— А где он живет, простите?—полюбопытствовал Горский.

— В Свердловске.

— И когда приедет?

— Теперь скоро,—ответил Серебренников.— Жена только что сообщила: пришла телеграмма — выехал.

— Поездом?—спросил Горский.

— Да, до Ташкента. Там пересадка.

Горский оживился.

— Когда он будет в Ташкенте?

— Через три дня.

— Знаете,—предложил Горский,— а ведь я

могу его встретить.— Он сообщил, что выезжает в Ташкент на совещание.

Серебренников обрадовался:

— Замечательно. А то ведь парень хоть и большой, да в первый раз отправился в такое дальнейшее путешествие. Я, признаться, беспокоился: как там у него получится с пересадкой?

— Договорились!— непринужденно сказал Горский.— Только как я его разыщу?

— Сейчас приедем в районный центр, и я телеграфом запрошу номер поезда и вагона,— загорелся Серебренников.

— Отлично,— согласился Горский, еще не зная, нужна ли ему встреча с сыном Серебренникова, или она может помешать.

«Посмотрим, в случае чего я ведь могу его и не встретить».

Елена, как всегда, обрадовалась Горскому. Занятый своими мыслями, он небрежно поцеловал ее и прилег на диван.

Она вздохнула, повесила его фуражку на вешалку, вытерла тряпочкой запыленный козырек. Включила чайник и под села к мужу.

— Я страшно соскучилась!

— Что ты говоришь?— переспросил он.

— Я соскучилась.

Ему стало смешно. Ну, кто поверит поселковому секретарю в случае огласки глупейшего инцидента? Горский любит свою жену. Никого больше. Это же всем известно.

Он старательно поцеловал Елену.

Теперь нужно было обязательно встретиться с Ефремовым.

— Ты разрешишь мне пройтись немного?— нежно спросил он.

— Да, конечно,— ответила она, очень счастливая в эту минуту.— А я пока приготовлю ужин.

«С Ефремовым нужно разговаривать жестко,— решил про себя Горский, останавливаясь на крыльце гостиницы, где всё еще жила Елена.— Он трус и сделает всё, что я прикажу».

В это время он увидел Ефремова, входившего в калитку сада.

«На ловца и зверь бежит»,— усмехнулся Горский.

Ефремов заметил Горского, остановился.

— Здравствуйте, товарищ капитан.

— Здравствуй, Ефремов,— небрежно ответил Горский.— Ты что, домой?

«Наверное спросит долг»,— подумал Ефремов и жалко улыбнулся: свободных денег у него не было.

— Пройдемся,— сказал Горский.— Разговор есть.

Ефремов безвольно согласился.

Они молча вышли за поселок и сели на берегу арыка. Невидимая в темноте вода сердито урчала возле ног. Жалили комары. Тяжелое, черное небо давило на землю, обтекая причудливые силуэты зданий.

Ефремов ковырял веточкой в песке, ожидая, что скажет Горский.

Капитан «Медузы» заговорил повелительно, и Ефремов сжался, будто ожидал удара.

— Значит, перешел на самосвал? Хорошо. А зарабатывать сколько будешь?

«Так и есть — долг! — с тоской подумал

Ефремов.— А еще предупреждал, что деньги ему скоро не понадобятся».

— Больше буду зарабатывать,— непослушным языком ответил Ефремов.

Но Горский спросил не о деньгах:

— Куда едешь?

— Пристань — райцентр.

— И это все?

— Почему все? В столицу республики буду ездить.

— Так,— удовлетворенно кивнул капитан «Медузы», и Ефремову показалось, что он видит, как у Горского заблестели глаза.

— Мне могут понадобиться твои услуги.

Пока он ничего не говорил о деньгах.

— Пожалуйста.

Горский назвал день, когда ефремовский самосвал обязательно должен быть на пристани.

— Зачем?

— Я же говорю: окажешь услугу,— недовольно повторил Горский. И добавил резко: — Должен же ты, наконец, доказать, что честный человек? Или мне рассказать свояку, а еще лучше моему другу майору Серебренникову, какой у тебя болтливый язык?

Ефремов испуганно смотрел на Горского. Он не понимал, чего хочет от него капитан «Медузы».

А Горский продолжал ядовито:

— Тебя, видите ли, заподозрили пограничники...

— Я этого не говорил,— пытался оправдаться Ефремов.

— А известно ли тебе, что тем самым ты

разгласил государственную тайну? — продолжал Горский.

Ефремову стало страшно.

— И потом этот безобразный случай в Дахау...

— Я ничего безобразного не делал!—чуть не крикнул Ефремов.

Горский зажал ему рот. Давно он так не наслаждался своей властью. Горский знал, что Ефремову не дает покоя мысль о плене. Он никак не мог с ней примириться и, мнительный по натуре, страдал от чувства собственной неполноценности.

— А кто продавал товарищей, чтобы спасти свою шкуру? — наседал Горский.

Ефремов никого не продавал.

— А кто признал себя рабом, когда хотели запрягать в печь?

Ефремов не признавал себя рабом, хотя его действительно должны были сжечь заживо, как сжигали многих других, и он до сих пор не понимал, какая случайность спасла его от страшной гибели.

Кажется, во время очередной селекции, когда отбирали годных для работы узников, и он, со своими переломанными ребрами, ни на что уже больше не надеялся,— был налет. Ну, да, конечно!..

Впервые за три года унижений и страха он увидел тогда печать обреченности на лицах своих палачей. Им было не до него. Они сворачивали лагерь, заматали следы преступлений и бросили Ефремова вместе с другими военнопленными в теплушку, набитую

скользкими, полумертвыми телами истерзанных людей.

Никогда он не признавал себя рабом! Никого не предавал! Но уверенный, резкий тон Горского и воспоминание о страшных днях плена совершенно парализовали его.

Он с ужасом слушал, что говорит капитан «Медузы». Кто он — Горский? Чего хочет?

— Ты сам мне об этом говорил, — настаивал Горский, — в тот день, когда потерял деньги... Ты был пьян, и я не хотел тебя слушать. Но ты говорил, и теперь я знаю все. Ты — трус и предатель!.. Мне жалко твою семью... Я сейчас могу все рассказать кому следует. Но, может быть, ты еще не совсем пропащий человек. Я присмотрюсь к тебе, понял?

Ефремов ничего не понял.

Он дрожал.

Горский настойчиво вдабливал:

— Итак, твой самосвал будет на пристани в Реги-равоне и не тронется с места без моего разрешения. Иначе я найду способ с тобой разделаться!

До Ефремова с трудом доходил смысл его слов...

Домой он вернулся поздно, разбитый, и, ни с кем не разговаривая, лег в постель.

ЧТО ДЕЛАТЬ

Ефремова сразу заметила, что с мужем творится неладное. Утром она выбрала время и, прежде чем собраться на работу, заставила рассказать, что случилось.

На протяжении всей их совместной жизни хозяйкой в доме была она. К мужу она относилась, как к ребенку, покровительственно, и он не прекословил ей, делал все, что она требует.

На этот раз ей не сразу удалось расшевелить его. Измученный бессонной ночью, плохо соображая, вначале он упрямо молчал.

Она подсела к мужу, положила полные руки на стол.

— Ну, так что же с тобой?

Вначале неохотно, но все больше откровенничая, он взволнованно передал ей вчерашний разговор с Горским.

Лицо ее суровело с каждым его словом. Когда он замолчал, она потребовала, чтобы он немедленно сообщил об этом пограничникам. До сих пор она ничего не имела против Горского. Правда, была удивлена упорному стремлению капитана «Медузы» завязать дружбу с ее мужем.

Ефремов не знал, что делать.

— Но, может быть, я действительно проболтался ему?

Она вскипела:

— Что ты мог наболтать?.. Или у тебя совесть была нечиста в лагере?

— Что ты, что ты! — даже испугался он.

— Или это не тебе ребра считали? — наступала она.

Он тяжело дышал.

— Но я, кажется, сказал про тот случай, помнишь, когда пограничники меня задержали... Хотя, кажется, не то, чтобы сказал, а так намекнул... Он ведь свой человек среди пограничников.

— Подумаешь, сказал! — трезво рассудила она. — Но разве это дает ему право так разговаривать с тобой?.. Хотя зачем ты болтал? А-а, пили вместе!.. А зачем он тебя напоил?.. А что было потом? — вдруг спросила она.

— Потом я потерял деньги, — сознался он, стараясь избежать ее твердого взгляда.

— Как? — удивилась она.

Он рассказал ей все, и как взял взаймы у Горского крупную сумму.

— Ну, вот что, — сказала она, укрепившись в своем решении. — Немедленно иди на заставу и все расскажи.

— Ты думаешь? — робко переспросил он. Но заметил ее нетерпение и торопливо добавил. — Конечно, конечно!..

Часовой по заставе сказал Ефремову, что майор Ярцев на границе. А вот старшего лейтенанта Пулатова он может позвать.

Ефремов сбивчиво объяснил, что у него дело к самому Ярцеву, и включил газ. Не мог же он, в самом деле, говорить на эту тему

с Пулатовым. Горский — его свояк. И вообще — кто поверит Ефремову?

Конечно, пограничники вспомнят ту злополучную ночь, когда он без их ведома сел в поезд, а потом в этом поезде оказался нарушитель границы...

Ефремов не замечал, что самосвал делает зигзаги, и у часового по КПП, к которому приближалась машина, сложилось не очень лестное мнение о водителе. Часовой вызвал старшего лейтенанта Мансурова и показал на самосвал. Мансуров распорядился задержать машину.

Опять этот Ефремов, человек, которого он недолюбливал.

Мансуров ждал, что Ефремов, как обычно, начнет подобострастно раскланиваться, и приготовился его оборвать. Но Ефремов не раскланивался. Его худое лицо было бледно.

— Что с вами, Ефремов? — спросил Мансуров.

Ефремов догадывался, что начальник КПП один из тех, кто меньше всех ему доверяет. И вдруг именно ему, Мансурову, Ефремов захотел рассказать все. Если уж Мансуров ему поверит — значит, поверят все!

Начальник КПП удивился, когда Ефремов тихим, но твердым голосом попросил выслушать его наедине. Что-то было в Ефремове необычное. Мансуров еще раз пристально посмотрел на водителя и пригласил к себе в кабинет.

То, что рассказал Ефремов, поразило Мансурова. Он взял с него слово пока никому ничего не говорить и отпустил. Если пове-

рить Ефремову, то поведение Горского более, чем странно.

Что знал Мансуров о Горском? Фронтовик. Орденоносец. Много лет плавал на траулере вместе с капитаном, которому однажды спас жизнь. Свойка его друга. Человек, которому Мансуров помог устроиться в речное пароходство и чьи документы, конечно, тщательно проверялись, прежде чем он оказался здесь.

Мансуров стал вспоминать все свои встречи с Горским. Ничего особенного. Горский никогда не интересовался охраной границы и делами КПП. Все — и Пулатов, и Ярцев, и майор Серебренников — считали Горского вполне порядочным.

Да и стоит ли верить Ефремову, человеку неприятному, скользкому, бывшему пленному, заигрывающему с пограничниками и, наконец, замешанному в той истории с задержанным нарушителем, когда его, мансуровский, наряд проявил небдительность?

Ведь хотя и не подтвердилась связь Ефремова с нарушителем границы, хотя полковник Заозерный и распорядился отпустить водителя, Мансуров продолжал не верить ему... Что он только что наговорил? К чему?

Если бы Ефремов, как всегда при встречах с Мансуровым, заискивающе улыбался, начальник КПП, возможно, даже не стал бы его слушать, или, во всяком случае, не придал значения его словам. Но взволнованность, с которой говорил Ефремов, настораживала.

И вдруг Мансуров ясно вспомнил свою встречу с женой Ефремова, когда возвращался с КПП на политотдельском газике.

«Ты знаешь, что такое Освенцим или что такое Дахау? — задыхалась она. — Ребра у тебя целы? Легкие не отбиты?!».

У Мансурова пересохло во рту.

Горский, Горский!.. Кто же в таком случае Горский? Что он затеял? Зачем Ефремову нужно подать самосвал в Реги-равон именно в такой-то день? Почему нельзя уезжать без разрешения капитана «Медузы»?

Сдерживая данное Максиму Максимовичу слово, Мансуров всегда сам возглавлял досмотровую группу, отправлявшуюся на «Медузу». К Горскому нельзя было придрать. Он охотно предъявлял документы, и никаких нарушений на его судне не обнаружено. Хотя, впрочем...

«Вы всегда так тщательно проверяете документы?»

Это спрашивал Горский! В самый первый раз, когда он приплыл в Реги-равон на «Медузе»... Ну, а почему он, собственно говоря, не мог об этом спросить?.. Он еще сказал, что обязан Мансурову.

Да, конечно, он обязан Мансурову... А Мансурову снится Елена. Может быть, даже кто-нибудь догадывается об этом? Какое же он имеет право плохо отзываться о Горском? А если Ефремов просто хочет поссорить его с Горским? Зачем?

Мансуров быстро зашагал по комнате, стараясь успокоиться.

Все-таки нужно доложить командованию отряда о сигнале Ефремова.

А что если подождать намеченного дня? Ведь поскольку Горскому понадобился само-

свал, значит он что-то затеял. Надо быть на чеку и следить за Горским или за самосвалом... Вот когда все станет ясным, он, Мансуров, примет меры или доложит командованию. Но тогда, может быть, будет поздно докладывать?.. Да нет же! С сегодняшнего дня он не будет спускать глаз с Ефремова... А Горский, между прочим, в Ташкенте.

«Посмотрим!» — решил Мансуров.

ДОГОВОРЕННОСТЬ

Горский остановился в новой гостинице «Ташкент». Окна его номера выходили на театр оперы и балета имени Навои. Перед театром, меняя окраску, радужно переливались шумные струи фонтана.

Номер был двухкочный. Горский занял его полностью, рассчитывая поместить здесь и сына Серебренникова.

Капитан «Медузы» встал рано, позвонил в справочную вокзала, а затем вызвал такси.

Машина остановилась на привокзальной площади за несколько минут до прибытия поезда.

Горский вышел из такси, и сразу людской поток подхватил его, вынес на перрон. Он спросил, где, примерно, должен остановиться седьмой вагон, и стал ждать.

Сына Серебренникова Горский узнал сразу. Лицом он был похож на отца, но ростом не вышел и в плечах был узок. Он сошел на перрон, обеими руками ухватившись за ручку чемодана.

— Здравствуй, Юра!

Приехавший удивленно посмотрел на незнакомого человека в морской форме.

— А меня Владимир Михайлович просил тебя встретить,— сказал Горский.

Юноша обрадовался и доверчиво последовал за своим новым знакомым.

По дороге в гостиницу Юрий расспрашивал Горского об отце. Видно, он очень хотел его увидеть. Горский отвечал обстоятельно, разговаривая с подростком, как равный с равным, чем скоро завоевал его расположение.

У Горского были свои дела. После сытного завтрака в ресторане при гостинице новые друзья расстались. Горский предложил Юрию отдохнуть или познакомиться с городом, а сам поехал на совещание.

Вечером они вместе были в каком-то летнем кинотеатре, ели шашлык и, полный впечатлений, юноша сразу уснул, едва коснувшись подушки.

На следующий день Горский снова оставил его одного, а вечером обещал сводить в театр.

Юрий, как договорились, пришел в гостиницу с очередной прогулки по городу в восьмом часу. Дежурная по этажу подала ему вместе с ключом от номера конверт. Юноша обнаружил в нем короткую записку и билет в театр. Оказывается, Горского задерживали дела.

Юный Серебренников огорчился, что придется идти одному, но решил не терять времени зря и, вернув ключ, спустился по широкой лестнице на первый этаж. В вестибю-

ле он столкнулся с индусами в тюрбанах, по-
дивился их черной коже.

Потом он опустил двухкопеечную монету в
автомат с надписью «Одеколон».

Освежившись, почувствовал себя взрослее и
решительно пересек площадь, направляясь к
театру.

В это время капитан «Медузы» останавли-
вал такси на улице Навои. Он вышел из ма-
шины и, задержавшись возле книжного киос-
ка, прошел немного назад. У центрального
телеграфа к нему приблизился высокий се-
дой мужчина, в котором Горский не сразу
признал Василия Васильевича. Они обменя-
лись взглядом, но даже не поздоровались.

Горский остановился на перекрестке, спо-
койно подождал, пока зажжется зеленый свет,
и направился к трамвайной остановке. Он
вошел в первый вагон трамвая, следующего
по восьмому маршруту, вовсе не интересуясь
тем, как собирается поступить Василий Ва-
сильевич. Но дамский мастер тоже очутился
в этом вагоне и занял освободившееся возле
окна место.

Так, меняя транспорт, они оказались в
конце концов на окраине города. Горский с
плохо скрываемым презрением выслушал
сбивчивый рассказ Василия Васильевича о
том, как ему пришлось уехать с Кавказа и
что было потом.

Выполняя указания шефа, Василий Ва-
сильевич перебрался в Среднюю Азию, за-
таился и несколько месяцев не давал о себе

знать. В Ленинабаде, наконец, сообщил свои координаты, и тут произошла встреча с человеком, который, кажется, его узнал. Он еле унес ноги и поставил в известность шефа, что не может больше здесь оставаться.

«Теперь совсем ясно, почему его надо убрать!» — подумал Горский. Он с трудом узнавал в своем собеседнике того спокойного и немного надменного человека, который устроил его женитьбу на Елене.

Оказывается, Василий Васильевич не один. С ним приятели, и они тоже не знают, как быть.

— Приятели? — переспросил Горский, нащупывая рукоять пистолета.

Василий Васильевич объяснил, что за приятели.

«Так зачем кончать его сейчас? — мелькнула мысль. — Можно сделать иначе!»

— Хорошо, — вдруг согласился Горский. — Я помогу вам перейти границу. Но как быть с оружием?

Василий Васильевич ответил:

— Пистолеты есть у меня и «Буйвола».

Горский подсказал, что остальным надо купить, по крайней мере, охотничьи ружья.

Затем они еще кое-что уточнили. Кроме «Буйвола», никому не следует говорить, что собираются перейти границу. Мальчишки понадобятся, главным образом, для того, чтобы бросить их пограничникам, если те нащупают след. Назначили день перехода границы и договорились, что все, кроме Горского, сегодня же поездом выедут из Ташкента. Горский встретится с Василием Васильеви-

чем в Захмат-али и подскажет, что делать дальше. На это свидание, как и сегодня, Василий Васильевич должен придти один.

Захмат-али, небольшой городок в центре зеленого оазиса, встретил приезжих по-разному.

Василия Васильевича он заставил насторожиться. Вдруг именно здесь, в нескольких шагах от границы, его настигнет возмездие? Василий Васильевич нервничал, много пил и ничего не ел. Он боязливо оглядывался по сторонам, без всякой причины хватался за карман, где был спрятан пистолет, и успокаивался, лишь нащупав его.

«Буйвола» Захмат-али оставил равнодушным. Он догадывался, что по их следу идут, и сбить преследователей трудно. Но ведь ничто не связывало его с родиной, никого он здесь не оставлял. Единственный человек, к которому он испытывал некоторую привязанность, — Том — был с ним. Так что же ему еще надо? Василий Васильевич обещал хорошую жизнь за границей. Посмотрим, решил «Буйвол». А если будет плохо, он найдет способ снова перейти границу. Много повидал на своем веку «Буйвол». Его ничем не испугаешь, ничем не удивишь. Одно он знал точно: исчезнуть на время необходимо, и чем скорей, тем лучше.

«Зуб» был уверен, что они приехали в Захмат-али пожить, и был удивлен, когда «Буйвол» вдруг поймал его за руку: брось!

Василий Васильевич недобро засмеялся и

вставил, почти касаясь губами красного уха перетрусившего компаньона:

— Мы отдыхать приехали, понимаешь? Отдыхать!.. Или забыл?

«Зуб» с сомнением посмотрел на охотничьи ружья, которые добровольно взвалил на себя «Буйвол». И зачем вдруг понадобилось учить его и Тома обращению с этими ружьями? Всю дорогу от Ташкента они только тем и занимались, что разбирали да собирали ружья, щелкали курками,— в купе были одни. На кого они будут охотиться? «Зуб» только в зверинце видел диких животных. Охота не прельщала его, и он приуныл. «Буйвол» влил в него полстакана водки для бодрости. Это подействовало. «Зуб» смирился с вынужденным бездельем и даже запел:

Выпьем, братцы, пока тут,
На том свете не дадут!..

Том от водки отказался.

Если бы Василий Васильевич и «Буйвол», занятые своими невеселыми мыслями, получше пригляделись к нему, они бы поняли, что с подростком творится неладное. Давно он уже не пополнял их казну, и вряд ли это можно было объяснить только невезением. Скрытый по натуре, он еще больше ушел в себя. Он не рассказывал, где бывал и чем занимался. Лишь глаза выдавали возбуждение, а когда засыпал, на лице появлялась улыбка. Василий Васильевич однажды высказал предположение, что Том накурился анаши. «Буйвол» был добродушно настроен и ответил: пусть курит.

Они не знали о новых друзьях Тома, о колхозном бухгалтере, которому Том недавно написал первое в своей жизни письмо. В этом письме было всего несколько слов:

«Здравствуйте, товарищ Шарапов!

Пишет к вам известный вам Том. Живу ничего, но хочу, чтобы вы меня не забывали. Вот и все».

Письмо было нескладное, и Том чувствовал это. Однако он старательно вывел адрес и, не раздумывая, бросил конверт в почтовый ящик. Он не знал, когда снова увидит своих друзей из того таджикского колхоза, где его приняли, как родного, но верил, что обязательно увидит.

Все чаще он думал о том, как «отколоться» от ненавистной компании. Даже мелькала мысль заявить обо всех в милицию. Но тогда не поздоровится и ему. Впрочем, пусть — он отбудет срок

в исправительно-трудовой колонии и начнет новую жизнь.

Затем Том решил, что это не по-товарищески. Хотя его товарищи очень плохие люди, все-таки они приняли его в свою компанию и не обижают. Он пришел к убеждению, что они

сами никуда не денутся — попадутся, а ему надо уходить.

С этой мыслью он приехал в Захмат-али. Отсюда, пожалуй, около тысячи километров до ленинабадского колхоза, и значит, если он «смоется», ни «Буйвол», ни кто другой его не найдет. А уж колхозному бухгалтеру он все как-нибудь объяснит.

Том ходил по аккуратным, чистеньким улицам городка и невольно еравнивал его с колхозом-миллионером. Захмат-али, конечно, был больше, но ленинабадский колхоз врезался в память, и Том считал, что это самое лучшее место на земле.

Рядом с ним понуро шагали: «Буйвол» — в рубахе, перехлестнутой ружьями; Василий Васильевич — в легком чесучовом костюме и широкополой соломенной шляпе в дырочках, с усталым, обрюзгшим лицом пенсионера-интеллигента; «Зуб» — в таком же, как у Василия Васильевича, костюме, — вялый, потный, еле передвигающий ноги.

Том решил узнать, куда направится честная компания из Захмат-али, и, воспользовавшись дорожной сумятицей, незаметно исчезнуть.

ВАЖНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Старшина Пологалов легко нашел Шарапова. Командир катера забрался в кубрик и сладко посапывал после бессонной ночи. Он несколько суток не был на заставе: выполнял специальное задание и вот только сегодня вернулся.

Пологалов в нерешительности остановился: будить или не будить? Наконец, он дотронулся до мускулистой руки приятеля. Шарапов сразу открыл глаза.

Пологалов шопотом, чтобы не разбудить Кошевника, который также безмятежно спал рядом, сообщил о просьбе Истат. Собственно это была не просьба, а требование. Несколько дней подряд Истат звонила на заставу и повторяла одно и то же: «Передайте Вахиду, чтобы немедленно был у меня».

Сон сняло, как рукой. Шарапов совсем было уже отчаялся найти дорогу к ее сердцу. И вдруг она сама просит его придти.

Он вскочил и быстро оделся.

— Побрейся,— посоветовал Пологалов.

Шарапов провел ладонью по заросшим щетиной щекам и взглянул в зеркало. Потом зачерпнул через борт воду, достал бритву. Намылился небрежно, бритву точить не стал. Рука торопливо скользила по лицу.

— Да не спеши ты,— сочувственно произнес Пологалов.

Шарапов плеснул в лицо пригоршню одеколona и поморщился. Схватил полотенце, стал обмахиваться.

— Попудрись,— сказал Пологалов.

Но Шарапов не слышал: он торопился в поселок.

Истат ждала дома.

— Можно? — спросил он, заглядывая в приоткрытую дверь.

Она сидела у окна, теребила косы.

— Ты правда любишь меня? — спросила она, поворачиваясь к нему.

Он кивнул.

— Тогда посоветуй...

Она замолчала. Он подождал немного и, сделав несколько шагов в ее сторону, спросил:

— Что посоветовать?

Она сердито свела брови:

— Сядь!

Он послушно присел на краешек стула, рядом с ней.

Она сказала неожиданно:

— Завтра в клубе молодежный вечер. Правда?

Он удивился вопросу и растерялся, заметив, как отхлынула кровь от ее смуглого лица.

— Хочу посоветоваться,— сказала она и снова стала теревать косы.— Каждый говорит, что думает и от души, верно?

— Ну, верно,— согласился он, вспоминая условия диспута и все еще не понимая ее.

Она решилась:

— Я скажу, что так поступать нечестно. Что рассуждать таким образом может только обыватель.

— О чем ты? — спросил он, стараясь вникнуть в смысл ее слов.

— Я скажу, что это и есть те самые пережитки, с которыми не пустят в коммунизм! — горячо продолжала она.

Шарапов подумал, что все это относится к нему, и рассердился:

— Еще такое условие есть в нашем диспуте: никто не поучает других свысока.

— А я и не собираюсь поучать! — вызывающе перебила Истат.— Я просто скажу, что он подлец.

— Кто он? — окончательно сбитый с толку, спросил Вахид. Только теперь он догадался, что речь идет не о нем.

— Горский!

Шарапов непонимающе смотрел на нее.

— Да, Горский, Горский! — зло повторила она и рассказала все. Как быть? Рассказать об этом безобразном случае на диспуте или Шарапов сам поговорит с ним?

Вахид растерялся.

Истат покусывала губы.

— Эх, ты, — сказала она всхлипывая. — А еще говоришь — любишь!

Он не знал, что ответить.

Она отвернулась и теперь смотрела в окно.

— Стойте, стойте! — вдруг закричала она и выбежала на улицу.

Шарапов услышал, как заскрипели тормоза. Должно быть рядом остановилась машина. Еще плохо соображая, он не двинулся с места.

Истат кого-то звала в комнату.

Шарапов увидел майора Серебренникова. Он послушно шел за Истат, наклонив голову, чтобы не удариться о притолоку двери, и сразу будто заполнил всю комнату.

— А, товарищ главстаршина!

— Здравия желаю, товарищ майор! — вскочил Шарапов.

— Сиди, сиди, — разрешил Серебренников, присаживаясь к столу. Истат заняла свое место у окна и снова затеребила косы.

Серебренников переводил серые, немигающие глаза с Истат на Шарапова, стараясь догадаться, что между ними произошло.

Вахид чувствовал себя подавленным. Истат заговорила первой. И вот уже Серебренников в курсе дела. Как быть: выступать ей на диспуте или нет? Пожалуй, не стоит, чтобы не нарушать покой в семье Горских. Но все-таки, признайтесь, подло, очень подло он поступил... А Шарапов? Даже не может заступиться за девушку, когда ее оскорбляют. А еще клянется в любви!..

— Пстой ты! — добродушно загудел Серебренников. — Ну, зачем волноваться? Конечно, призовем мы этого ловеласа к порядку... И чего ты набросилась на Вахида? Да он просто обалдел от твоих упреков... Давай все еще раз, только спокойно, повторим с начала. Итак, Горский стоял возле клуба, читал афишу о молодежном диспуте. Верно?

Истат кивнула. Затем она подошла к нему, а он говорит: ну, а вот кто я — борец за коммунизм или обыватель? Почему вдруг такой вопрос? Оказывается, любит «промочить» горло.

— Так, — очень спокойно заметил Серебренников. — А что было дальше?

Истат вспомнила:

— Я решила отшутиться и ответила стихами. Вот отсюда все и началось. Он, наверно, решил, что я с ним заигрываю, — от этой мысли она передернулась, — и потащил меня за клуб.

Шарапов сжал кулаки. Ах, если бы ему сейчас попался Горский!..

— Что же это были за стихи? — с интересом спросил Серебренников.

Истат продекламировала:

«Запрет вина — закон, считающийся с тем,
Кем пьется и когда, и много ли, и с кем»...

Серебренников насторожился:

— А дальше?

— Дальше я ничего не говорила. Он сам продолжил.

— Что продолжил? — настаивал Серебренников.

— Она досказала равнодушно:

«Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить — признак мудрости, а не порок совсем».

Серебренников вел запись первичного опроса нарушителя государственной границы, задержанного в кошаре старшим сержантом Бояруном. Майор Серебренников обладал отличной памятью. Именно эти строки Хайяма враги собирались использовать для пароля. Неужели Горский — шпион?

Не может быть: Горский — фронтовик, проверенный человек, капитан «Медузы», близкий родственник офицера-пограничника. Наконец, Горский только что встретил его сына и не сегодня-завтра привезет его в Реги-равон...

Серебренников почувствовал, как галстук впивается в шею. Ему было душно. Конечно, это лишь совпадение!..

А, может быть, Горский потому и перебрался на границу?.. Может быть, все-таки это с ним связана работа неизвестного передатчика в Фирузеваре и появление иностранных самолетов в советском небе? Может быть, стихами Хайяма ничего не подозревавшая Истат сбила его с толку, и этим вызвано его странное поведение?..

Серебренников решительно поднялся.

— Договоримся так, — сказал он. — Вы пока никому ничего не говорите и с Горским ведите себя так, словно ничего не случилось. Обещаете?.. Остальное я беру на себя.

— Разрешите курить? — спросил начальник КПП, заметно волнуясь.

— Курите.

Серебренников молча ходил из угла в угол мансуровского кабинета, стараясь осмыслить все, что ему только что стало известно.

Истат остановила Серебренникова на пути к контрольно-пропускному пункту. Когда с ней и Шараповым обо всем, кажется, договорились, майор Серебренников поехал дальше. У Мансурова он спросил прямо:

— Какого мнения вы о новом капитане «Медузы»?

Мансуров ответил уклончиво.

— Да что вы, как девица! — рассердился Серебренников и в двух словах сообщил о своем разговоре с Истат.

Мансуров понимал, что больше молчать нельзя, и, в свою очередь, рассказал Серебренникову о заявлении Ефремова.

Серебренников отчитал Мансурова за то, что тот до сих пор не поставил об этом в известность командование отряда. Что же должно произойти в тот самый день, когда Серебренников приготовился встречать сына?..

Требовательно зазвонил телефон. Это дежурный по коммутатору соединил майора с полковником Заозерным.

Начальник отряда внимательно выслушал скупое сообщение Серебренникова, тем более, что несколько минут назад Заозерному стало известно о встрече Горского с резидентом иностранной разведки.

Капитан Харламов не терял времени зря.

В ЗАХМАТ-АЛИ

Ташкент проводил черными, бесплодными тучами. Самолет забирался всё выше и выше. Чуть приоткрытый капот на моторе дрожал, словно жабры гигантской рыбы.

Когда тучи рассеялись, Юрий увидел песчаные холмы. Они вздымались, как океанские волны, и не было этому безбрежному, желто-серому океану ни конца ни края.

Пески поражали однообразием, наводили уныние, но Юрий счастливо улыбался. Время от времени он восклицал восторженно:

— Смотрите, смотрите!

Горский понимал, что это относится к нему и охотно кивал.

На земле их встретила сорокаградусная жара.

Капитан «Медузы» предложил позавтракать. Они зашли в аэропортовский ресторан, заказали бифштекс и пиво.

Вскоре перед ними выстроилась целая батарея пустых бутылок. Юрий старался не отставать от Горского. Он ехал к отцу — один! — и, конечно, чувствовал себя совсем взрослым.

Потом они подъехали на такси к автостанции. Оказалось, что нужный им рейсовый автобус отъехал пятнадцать минут назад.

— Вот досада! — притворился огорченным Горский, хотя умышленно задержался в ресторане, и спросил молодого Серебренникова: — Пойдем в гостиницу и заночуем, или сделаем так: скоро должен отправиться автобус в Захмат-али. Это нам по пути. Доедем до Захмат-али, а там на любой машине доберемся до места. Ты как считаешь?

— Конечно, поехали! — не задумываясь, согласился Юрий.

В Захмат-али они прибыли к вечеру. Горский оставил Юрия в чайхане, а сам пошел справляться насчет машины...

На самом деле он торопился в городской сад.

На одной из скамеек в боковой аллее его поджидал Василий Васильевич.

Горский заметил дамского мастера и замедлил шаги. Глаза стали колючими. Василий Васильевич не выполнил условия и пришел на свидание не один. Рядом сидел «Буйвол», которого Горский вовсе не хотел видеть.

Прежний план ломался. Горский рассчитывал поговорить с Василием Васильевичем наедине, предупредить, что к границе нужно подъехать ночью, а переходить обязательно на рассвете, так как в это время, якобы, сменяются наряды. Он хотел заставить его выпить за удачу. В стакан, из которого будет пить Василий Васильевич, он сумеет всыпать медленно действующий яд. Завтра, с восходом солнца, Василия Васильевича уже не будет в живых. Остальные начнут метаться по границе. Безусловно, пограничники заметят их. Вряд ли

«Буйвол» предпочтет сразу сдаться. Значит, завяжется перестрелка.

А Горский на рассвете будет уже на «Медузе» и, в то время как пограничники займутся ликвидацией банды, переправит агента из Фирюзева в Реги-равон. Вот здесь-то и понадобится ефремовский самосвал, который быстро вывезет его из опасной зоны...

Василий Васильевич поднялся и вежливо поклонился. «Буйвол» продолжал сидеть.

«Придется угостить ядом того и другого!» — решил Горский.

Он сел между Василием Васильевичем и «Буйволом». Ровным голосом объяснил, что им предстоит делать.

Видно, Василий Васильевич и «Буйвол» обо всем уже договорились между собой. Они слушали внимательно, с каким-то тупым упрямством, не перебивая и не задавая вопросов. Горского это начало раздражать.

— Понятно?

Василий Васильевич спросил:

— А если нас заметят?

— У вас есть оружие,— напомнил Горский. Заговорил «Буйвол»:

— Одним словом, мы решили, капитан, что вы проводите нас до границы. И вам спокойно, и нам хорошо.

— Что это значит? — нахмурился Горский.

— Это значит, что мы не хотим зря рисковать,— спокойно ответил «Буйвол».

— Может быть, вы раздумали переходить границу? — насмешливо спросил Горский.

Опять скрипуче протянул «Буйвол»:

— Ничего мы не передумали. Только действовать хотим наверняка.

В Горском закипела злость. Пожалуй, проще было разделаться с Василием Васильевичем в Ташкенте. И чего это он, право, всполошился? Если решено переправить агента открыто, стало быть документы у него в порядке. Пусть их на здоровье проверяет начальник КПП.

Но в глубине души он боялся этой проверки. Он знал, какой дотошный в делах службы старший лейтенант Мансуров. А вдруг в предъявленных документах его что-то насторожит? Горский надеялся, что если на границе завяжется бой, Мансуров не сможет сам проверить «Медузу». Эта мысль и пришла ему в голову, когда собирался покончить с Василием Васильевичем в Ташкенте.

Что же теперь делать?

«Убрать обоих! — настойчиво стучала мысль.— Не идти же, в самом деле, с ними через границу?»

— Без пол-литра не разберешься! — усмех-

нулся он, соображая, как всыпать яд в стаканы, из которых будут пить Василий Васильевич и «Буйвол».

— Выпить можно,— согласился «Буйвол». — Только имейте в виду, пока мы не окажемся за границей, вы без нас шагу не сделаете.

«Такого надо остерегаться!» — с неприязнью подумал Горский. Он с трудом заставил себя усмехнуться и, повернувшись, неторопливо зашагал прочь.

«Буйвол» догнал его, больно сдавил руку:

— Не советую ссориться, молодой человек. На его лице была написана решимость.

— Хорошо, хорошо,— сдался Горский. Не хватало только, чтобы они подрались здесь, на виду у всех.

«Буйвол» отпустил его руку.

— Теперь можно выпить за успех,— и направился к чайхане, где Горского дожидался Юрий.

— Только не сюда,— запротестовал Горский.

— Почему? — возразил «Буйвол». — Там наши хлопчики уже заказали роскошный ужин.

Василий Васильевич не произносил ни слова, будто проглотил язык: он боялся предстоящей ночи и радовался, что «Буйвол» оказался тверже него.

— Нет! — упрямо повторил Горский, останавливаясь. — В эту чайхану я не пойду.

— Анатолий Сергеевич!

К Горскому бежал юный Серебренников.

Капитан «Медузы» крепко выругался про себя,

— А я думал: куда вы пропали? — улыбался юноша. — Попросил чайханщика пригладеть за чемоданами и пошел вас искать... Здравствуйте, — спохватился он, заметив, что Горский не один.

— Здравствуй, детка! — мягко ответил «Буйвол».

Горский резко вмешался:

— Иди, Юра, в чайхану. Мы сейчас придем.

Юрий закусил губу, но спорить не стал.

— Кто это? — спросил «Буйвол».

Горский с досадой сжал кулаки: еще один свидетель появился. Неужели теперь и с сыном Серебренникова нужно разделаться? Но это означало провал! Тогда ему больше нечего делать на границе. Если же Юрия не трогать — он сможет опознать «Буйвола» и Василия Васильевича.

«Я скажу Юрию, что это попутчики, которых совершенно не знаю. Просто решили вместе ехать в Реги-равон», — нашел он единственный выход и сказал вслух:

— Хорошо. Я доведу вас до границы. Только условие: юношу, которого вы только что видели, ни о чем не спрашивать. Мы с вами незнакомы. Попутчики. Встретились случайно. Понятно?

«Буйвол» согласился. Ему было безразлично, кто этот парнишка и для чего он понадобился Горскому.

В чайхане Горский познакомился с «Зубом» и Томом.

Теперь они сидели вшестером за одним столиком. «Буйвол» сдержал слово (ему вов-

се не хотелось ссориться с Горским в такой ответственный момент) и притворился, что ни он, ни его друзья не знали Горского.

— Так вы — капитан? — спросил он, чтобы о чем-то спросить.

— Капитан, — согласился Горский.

«Зуб» и Том узнали его. Насторожились. Особенно Том. Он сидел рядом с Юрием. Вначале решил, что это сын Горского, но они были совсем не похожи, и он усомнился. Однако спросил тихо, пользуясь тем, что взрослые не обращали на них внимания.

— Отец?

— Нет, — невольно поддаваясь его таинственному тону, так же тихо ответил Юрий. — У меня отец майор-пограничник. — Он полез в карман и достал фотокарточку. Майор Серебренников был снят с группой солдат. Среди них Том вдруг узнал старшину — брата своего ленинабадского друга. Он очень удивился и спросил, затаив дыхание:

— А ты куда едешь?

— К отцу.

— Ну, да? — недоверчиво протянул Том.

Горский не расслышал, о чем говорили Том с Юрием, и не видел, что показывал юный Серебренников своему новому знакомому, однако незаметно толкнул ногой «Буйвола». Василия Васильевича сегодня он в счет не брал.

«Буйвол» понял.

— Том! — позвал он, вставая из-за стола. Том неохотно подошел к нему.

«Буйвол» обнял его за плечи, повел к выходу.

— О чем ты говорил с деткой?— спросил он предостерегающе.

— Ни о чем,— соврал Том, чувствуя, что ему нет смысла говорить правду.

— Смотри у меня,— пригрозил «Буйвол».— Ничего не спрашивай и ничего не говори.

— Ладно,— согласился Том. Возвращаясь на место, он решил, что Юрия тоже хотят «обработать». Может быть, взять чемодан, который стоял сейчас возле его стула.

«А я не дам!— вдруг подумал он.— Не позволю, и все тут. Предупрежу Юрку».

Эта мысль ему страшно понравилась. После такого доброго дела он смело сможет посмотреть в глаза колхозному бухгалтеру.

Том перчил шашлык и отправлял в рот палочку за палочкой. Он ждал момента, чтобы остаться с сыном майора наедине.

Горский, между тем, видел, что сейчас никак не может разделаться с «Буйволом» и Василием Васильевичем. Слишком много глаз следило за ним. Он решил отложить расправу. А пока тоже разыгрывал полное неведение. Он спросил у своих, якобы, новых знакомых:

— Кто вы?

— Мы — геологи,— ответил «Буйвол».

— А ружья зачем?

— Страсть, как люблю поохотиться!— не задумываясь, соврал «Буйвол».— Да и потом мы в таких местах бываем, что без этой штуки не обойтись,— он любовно погладил двухстволку.

Они просидели в чайхане до темноты. Тому так и не удалось больше поговорить с Юрием.

Между тем Юрий все чаще поглядывал на часы и все чаще спрашивал Горского:

— Мы скоро поедem, Анатолий Сергеевич?

— Скоро, — отвечал Горский. — Понимаешь, дружок, вот геологи — люди бывалые — говорят, что машины пойдут в Реги-равон не раньше девяти часов вечера.

«Геологи! — усмехнулся Том. — А что это за Реги-равон?»

Впрочем, не все ли равно: главное, скоро они будут еще дальше от Ленинабада.

Они ели и пили — все, кроме Юрия — водку. «Буйвол» — охотно, много и не пьянея. Василий Васильевич тоже много, но угрюмо и все больше расклеиваясь. Горский — сдержанно, равнодушно, как воду. «Зуб» повеселел и стал показывать Горскому свои золотые коронки. Жара отрицательно действовала на «Зуба». Раньше он так быстро не пьянел. Том выпил один раз — граммов пятьдесят — и решительно отодвинул стакан.

Когда зажглось электричество, «Буйвол» положил на стол волосатый кулак: пора!

— Бери чемодан, Юра, — сказал Горский, отсчитывая деньги. «Зуб» бросился к чемодану.

— Дайте, я понесу.

Том решительно отодвинул его:

— Сами обойдемся.

— Не шумите, детки, — прикрикнул «Буйвол».

Юрий засмеялся:

— Несите, пожалуйста. Пусть мне будет хуже.

Горский вышел из чайханы последним: он все еще надеялся найти выход из создавшегося положения.

СТРАННЫЕ ПАССАЖИРЫ

Василий Стебеньков находился в том счастливом возрасте, когда человека безобидно называют то на «ты», то на «вы». Ему было двадцать три года. Он обладал завидной шевелюрой, не то коричневыми, не то зеленоватыми веселыми глазами. Щеки у него шелушились и были похожи на недочищенный персик. Скулы слегка выпирали и постоянно находились в работе. Для этой цели у Василия Стебенькова всегда находились леденцы, или затвердевшая лепешка, или, в крайнем случае, семечки.

Он еще не совсем привык к своему «гражданскому» положению и ходил в галифе, в скрипучих яловых сапогах. Он с удовольствием носил бы и гимнастерку, но азиатское солнце твердо заявило ему свое — нет. Нет, так нет! — решил он, приобретая в Захматалинском универмаге синюю тенниску.

В прошлом году Стебеньков демобилизовался из армии. Служил он в артиллерийской части, водил тягач и получил права шофера второго класса. Когда пришла пора прощаться с однополчанами, Стебеньков знал, какую изберет специальность. Но вот куда ехать — он не знал. Три сестры Стебенькова жили в разных городах и каждая писала: не приедешь — обижусь.

Он гадал, кого же из них обидеть, а кого не обидеть, и принял неожиданное решение:

послушался своего дружка Назима Ахмедова и поехал с ним в Захмат-али, где природа балует и люди хорошие, и жизнь дешевая.

Ну, положим, природа не слишком баловала. Правда, в самом Захмат-али шумели арыки и сады, но по дороге к границе, куда приходилось Стебенькову возить грузы, кроме песка и солнца, ничего не было. Хорошо, что в армии его научили и жару переносить, и ночи не спать.

А вот люди, точно, были хорошие. Вначале Стебеньков остановился у Ахмедовых. Отец Назима — персональный пенсионер — принял Василия в свой дом, как родного, и помог устроиться на автобазу.

Начальник автобазы, Алексей Матвеевич Юрьевский, тоже встретил паренька приветливо и посадил на ГАЗ-51, только что прибывший с завода.

Стебеньков был за это ему очень признателен и... влюбился в голубоглазую учительницу, оказавшуюся дочерью начальника автобазы.

Василий смутился и решил по возможности дольше скрывать от Алексея Матвеевича свои чувства. Но Алексей Матвеевич был отцом, и, как любящий отец, очень скоро заметил, что с дочерью творится неладное. Он посоветовался с женой и решил: дочь влюблена. В кого?

Алексей Матвеевич гадал, какой же такой парень нарушил покой его Людочки и вдруг узнал, что этот парень — их новый шофер Васька Стебеньков. То есть Василий Николаевич Стебеньков, демобилизованный солдат

и, таким образом, человек вполне самостоятельный.

И вот сегодня Алексей Матвеевич вдруг огорошил молодого водителя вопросом: когда свадьба?

Стебеньков побежал в школу к своей учительнице и передал разговор с будущим тестем. Она смеялась и сказала, что решат, когда жених вернется из очередного рейса.

Стебеньков посмотрел на часы — половина девятого, — и задыхаясь от бега, а, может быть, от счастья, вернулся в гараж.

В начале десятого он получил путевой лист, из которого следовало, что ему предстоит отвезти в Реги-равон типографскую бумагу. Подал машину к работающему круглосуточно складу. Помог вкатить в кузов два рулона и, уже выезжая на загородное шоссе, обогнал грузовик.

— Стой! — крикнул ему водитель в косоворотке. Но Стебеньков притворился, что не расслышал.

И вдруг перед ним вырос человек с поднятой рукой.

Стебеньков затормозил.

К нему подошел капитан в форме речного пароходства:

— Не в Реги-равон случайно?

— В Реги-равон.

— Довезешь?

Стебенькову страшно хотелось поговорить: еще бы — он женится! И вместо ответа он распахнул дверцу кабины.

— Садись, ребята! — крикнул кому-то капитан.

Стебеньков удивился, когда из придорожного кустарника вдруг высыпали люди и, перекидывая какое-то имущество через борта, за полминуты оказались в кузове.

Капитан засмеялся, видя растерянность Стебенькова:

— Ну, чего ты испугался? Это — геологи.

Стебеньков промычал что-то нечленораздельное. Если бы он знал, что капитан не один, конечно бы, не остановил машину.

— Юрий, иди сюда! — позвал капитан.

Узкоплечий подросток охотно уселся рядом со Стебеньковым и, подождав, пока капитан заберется в кузов, кивнул шоферу: поехали.

Стебеньков неохотно тронул машину с места. Хоть бы капитан сел с ним, а то ведь этому желторотому даже о своих сердечных делах не расскажешь.

Стебеньков плотно сжал губы и, включив фары, прибавил газ.

«Желторотый» с любопытством вглядывался в ночь, улыбался потрескавшейся земле, которую выхватывал из темноты луч света.

«Блаженный»! — подумал Стебеньков, отворачиваясь от своего неожиданного пассажира. Но вот этот пассажир заговорил, и Стебеньков насторожился. «Желторотый» интересовался границей: какая она и скоро ли придут?

— А тебе зачем? — не слишком любезно спросил водитель, чувствуя, как в душу закрадывается сомнение: кого он везет?

«Желторотый» охотно ответил, что он сын майора Серебренникова и к отцу едет впервые. В Ташкенте его встретил тот самый ка-

питая в форме речного пароходства, который остановил машину.

— А другие кто?— без особого энтузиазма спросил Стебеньков.

Юрий подтвердил: геологи. Он познакомился с ними сегодня.

У Стебенькова остался неприятный осадок от внезапного вторжения неизвестных в машину и он спросил настороженно:

— Чего же автобусом не поехали?

Юрий ответил, что у него просто не хватило терпения дожидаться утра, и Горский понимал это. О геологах он мало что мог сказать вразумительного. Разве что двое из них постарше, а двое совсем молодые, наверно, его ровесники.

На этом разговор оборвался.

А Горский между тем все еще искал способ разделаться с Василием Васильевичем и «Буйволом». К тому же он видел, что следом идет машина — не приближаясь и не отставая. Эта машина раздражала, и он также был не прочь от нее избавиться...

Предчувствия не обманывали Горского. Всю дорогу от Ташкента он и Василий Васильевич находились под наблюдением. Были известны уже и «Буйвол», и «Зуб», и Том. Мог еще кто-нибудь присоединиться к этой компании. Вот почему задержание решили произвести в самый последний момент, у границы. А в том, что Горский ведет их к границе — не вызывало сомнений.

Беспокоились за сына Серебренникова. Если бы Стебеньков не обогнал грузовик, за

рулем которого сидел человек в косоворотке, всё было бы гораздо проще.

...В это время Том представлял себе, как удивится колхозный бухгалтер, когда он постучит в дверь его дома. Том начнет новую жизнь. Вот только поможет Юрке, симпатичному сыну майора, сохранить чемодан.

Интересно, а его, Тома, отец кем был: солдатом или офицером? Конечно, тоже офицером. Или лучше — солдатом... Вот, говорят, где-то есть памятник Неизвестному солдату. Может быть, это и был как раз его отец?

Том улыбается все откровенней, и его лицо становится оживленным. Он снова думает о сыне майора и об этом самом майоре. Офицер-пограничник. Здорово!.. И вдруг цепенеет. Юрка говорил, что едет к отцу. Значит, они едут к границе?! А зачем они едут к границе? Зачем взяли с собой ружья?.. Может быть, охота предполагается вовсе не на кабанов? Может быть, его, Тома, хотят заставить перейти границу?!.

Он сжимается в комок и готов выпрыгнуть из машины. Но, во-первых, прыгать нельзя:

его просто пристрелят, а потом надо как-то предупредить Юрку, что здесь дело не чисто.

Том думает, как лучше осуществить свой план, и в это время «Буйвол» спрашивает у Горского:

— Скоро приедем?

Горский отвечает тихо:

— Еще час.

— До границы?— уточняет «Буйвол». И хотя он произносит это шопотом, напряженный слух Тома улавливает: до границы...

Тому хочется закричать, остановить машину. Больше сомнения нет. Но он не кричит и не открывает глаза. Он думает. Лихорадочно думает, что предпринять.

А Горский чуть слышно объясняет «Буйволу»: через час—Советский. За этим поселком с водителем кончат, потому что дальше — совхоз имени Ленина, где уже пограничная зона.

— Понял!— хрипит «Буйвол».

И тут машину начинает трясти: Стебеньков решает проучить своих непрошенных пассажиров и сворачивает с шоссе на старую, заброшенную дорогу.

Горский знает про эту дорогу, напрягается. Если машина, следующая за ними, тоже свернет...

Но нет, она не сворачивает. А Стебеньков гонит и, значит, ту, другую машину, они опережат.

Наконец, в настороженную тишину ночи врывается, словно перекатывающийся по цепи, лай.

— Это что, уже Советский? — спрашивает «Буйвол».

— Ватан... Потом — Советский.

Въезжают в поселок.

Горский замечает чайхану, где еще есть народ, и решительно стучит по кабине ребром ладони.

Стебеньков останавливает машину.

— Передохнем! — говорит Горский, загляывая в кабину.

Стебеньков выключает зажигание: можно и передохнуть.

Горский спрыгивает на землю:

— Я сейчас раздобуду «белую головку», а го холодно становится.

В бутылку с водкой он всыплет яд!

Силуэт Горского едва заметен на черном фоне.

Небо звездное. Вправо от машины какая-то звезда набухла до невероятных размеров и, отяжелев, спустилась на землю. Том понимает, что это не звезда, а электрическая лампочка примостилась на ветвях чинары. Под чинарой столики. За столиками запоздалые гуляки. Горский идет к ним.

— Стой!

«Буйвол» тоже прыгает и догоняет Горского. Он не хочет отпускать его одного.

— Там выпьем,

Горский еле сдерживается. А «Буйвол» уже зовет:

— Слышь, что ли, Семен Петрович, пойдем, выпьем!

Василий Васильевич вздыхает и осторожно

спускается на землю: чертовски сдал он в последнее время.

«Зуб» тоже не против выпить. Прижимая к груди ружье, прыгает через борт.

— А ты, Том?— спрашивает «Буйвол».

— Я не хочу.

Сегодня «Буйвол» никому не верит. Он решительно зовет Тома:

— Пошли, детка!

— Ладно,— говорит Том.— Иду.

Он нарочно слезает медленно, отыскивая ногой крыло возле кабины, чтобы иметь возможность перекинуться парой слов с водителем.

Стебеньков, будто почувствовал, что у Тома важное сообщение, высунулся из кабины.

Том прошептал несвязно:

— Как отойдем подальше — гони, слышишь?! Это — гады!.. Хотят уйти за границу. Ну, слышишь?!

Он задыхался от волнения, боялся, что ему не поверят.

— Том!— сердито окликнул «Буйвол».

— Иду, ладно!— отозвался Том и, чуть не плача, повторил с отчаянием, задерживаясь возле кабины:

— Ну?! Гонй, гони машину, слышишь?! Гонй!..

Он побежал к «Буйволу», оставив в растерянности Стебенькова и совершенно опешившего от неожиданности Юрия Серебренникова.

Что-то волевое, обязательное было в словах незнакомого паренька. Стебеньков хорошо

знал, что рядом граница. Вся эта история с того самого момента, как капитан «Медузы» остановил машину, не слишком нравилась Стебенькову.

Он включил зажигание и положил руку на рычаг переключения скоростей.

Так выпить и не удалось.

Все пятеро остановились, не доходя чинары, где покачивалась электрическая лампочка. Они слышали фырчанье отъезжающей машины.

«Буйвол» схватил Тома за руку. Василий Васильевич и Горский переглянулись. Один Том знал правду и, хотя «Буйвол» больно сдвинул его руку, не сумел скрыть вздоха облегчения.

«Буйвол» побежал назад, к машине, всё крепче сжимая руку Тома. За ними побежали остальные.

Ночь была темная, и вначале они еще думали, что ошиблись.

Но машины не было.

— Где машина? — угрожающе спросил «Буйвол» и стал трясти Тома.

— А я почему знаю?

— Они, может, отъехали подальше? — неуверенно высказал предположение Василий Васильевич.

— Конечно, отъехали! — вызывающе подтвердил Том.

— Посмотрим! — «Буйвол» побежал, не отпуская Тома.

Дорога свернула. Тусклая лампочка на чинаре исчезла.

Теперь они шли гемной улицей между глухими дувалами, за которыми надрывались сторожевые псы.

Том перестал сопротивляться, и «Буйвол» слегка отпустил его руку.

«Сейчас, вырвусь, — думал Том, — убегу!»

Дувалы с одной стороны дороги оборвались, уступив место хлопковому полю.

Они продолжали идти, но никакой машины не было видно. Значит, шофер бросил их и увез сына Серебренникова. Почему?

Рука, словно зажатая в клещи, онемела. Тому хотелось кричать: это я, это я сделал! Я рассказал, кто вы — гады!

Но он молчал, выбирая момент, чтобы вырваться.

Лай становился все глуше. Дорога была безлюдна.

«Пора!» — решил Том и, резко присев, боднул «Буйвола» в живот. Почувствовав, что «Буйвол» больше не держит его руку, Том пустился бежать, но сразу споткнулся и растянулся на дороге. Это Горский подставил ему ногу.

Том хотел вскочить, но кто-то навалился на него, прижал голову к земле, заставил мучительно глотать пыль. Том почувствовал, что задыхается. Он попытался вырваться — не удавалось. Закричал — голоса не было.

Тогда ему стало страшно.

Он сделал невероятное усилие, повернулся на бок. Рядом увидел тяжелую ногу «Буйвола».

Полузадохнувшийся, обессиленный Том жадно глотал воздух. Встать он не мог: кто-то сидел на ногах и кто-то держал руки.

— Где машина?— снова спросил «Буйвол».

— А я почему знаю?— хрипло повторил Том.

— Что ты сказал шоферу?

— Ничего я не говорил!

— Врешь, детка,— Том уловил в спокойном на этот раз голосе «Буйвола» зловещие нотки.

— Не говорил! — пытаюсь сбросить кого-то с ног, хрипел Том.

«Буйвол» забыл, что еще недавно чувствовал к Тому расположение, что именно этот парень заставил дрогнуть его огрубевшее сердце. Что это он был единственным человеком на земле, которому «Буйвол» хотел верить.

— Что ты сказал шоферу? — грозно повторил он.

Том замотал головой: не говорил.

Но «Буйвол» ему не верил.

— Ты почему хотел убежать?

Кто-то вывернул руку. Кто-то ударил сапогом в лицо. Том застонал и сделал последнюю попытку вырваться. Не получилось.

Тогда вся боль неудачно сложившейся жизни, неспособности, одиночества, смертельной тоски по хорошему, честному — вдруг прорвалась наружу, и Том зашептал слипшимися, окровавленными губами:

— Гады вы все... ползучие!.. Плюю я на вас... Поняли?!— и, с трудом приподняв отяжелевшую голову, плюнул на «Буйвола».

— Кончай!— услышал Том скрипучий голос капитана «Медузы». Кто-то сильнее навалился на ноги. Том отчаянно забился,

— Души!— прокрипел Горский.

Том хотел закричать, но жесткая ладонь «Буйвола» сдавила ему рот, резко запрокинула подбородок, так, что затрещали позвонки и вцепилась в горло.

Том дернулся в агонии.

Разжимая руки, «Буйвол» заметил глухо:

— Готов!

— Подальше его, в хлопок!— распорядился Горский, подхватывая обмякшее тело.— Бежим!

ГРАНИЦА В НЕСКОЛЬКИХ ШАГАХ

В двадцать три часа десять минут застава поднялась в ружье.

Майор Ярцев с группой пограничников выехал по тревоге в Батан, где Стебеньков оставил Горского и «геологов». Усиленный наряд, поджидавший нарушителей в Советском, остался на месте до особого распоряжения.

«Газ-69» торопливо отсчитывал километры, едва поспевая за ярким лучом света, рвавшимся из фар.

Песчаные барханы, сопровождавшие газик от самой заставы, вдруг расступились, и к машине потянулось хлопковое поле. Бесконечные рядки хлопчатника повторялись, как в зеркале. Но вот с одной стороны они отодвинулись, уступили место длинному, невысокому дувалу. За дувалом угадывались сады. Потом снова вклинился хлопчатник. Он почти сразу обрывался и опять, подталкивая друг друга, у дороги встали дувалы.

Газик свернул на центральную улицу поселка, и здесь ему преградил дорогу грузовик.

Вслед за майором из газика выскочил невысокий крепыш, заменивший вожатого службы собак Ковалдина. Ожидая распоряжений, вытянулся перед Ярцевым. Крепыш волновался.

— Ничего, Солибаев,— подбодрил начальник заставы.— Всё будет в порядке.

Майора ожидал человек в косоворотке.

— Лейтенант Завьялов...

Разговор был коротким.

Ярцев приказал Солибаеву:

— Пускайте по следу!

«Амур» потянул в сторону, откуда они только что приехали.

Дорога свернула в темную, зажатую дулами улицу и вывела к хлопковому полю.

«Амур» вдруг ощерился.

Ярцев посветил фонариком и увидел кровь. Крови было немного, всего несколько капель.

«Амур» тянул в хлопок...

Ярцев сразу понял, что убит юноша, предупредивший Стебенькова.

— Вперед, Солибаев!

Молодой солдат растерялся.

— След, «Амур», след!— нервно сказал он.

— Спокойней,— посоветовал Ярцев.— Иначе собьете овчарку.

— След!— ровнее произнес Солибаев.

— Вот так.

«Амур» снова вывел пограничников на дорогу. И вдруг зачихал. Присел. Замотал мордой.

— Табак!— догадался Ярцев.

Солибаев огорчился: они стояли на развилке дорог.

— Ничего,— успокоил Ярцев.— Далеко не уйдут.

Карта, разложенная на столе полковника Заозерного, снова заставила потесниться бронзовую фигурку Дзержинского. Был сдвинут в сторону и чернильный прибор. Его место занял набор цветных карандашей. Один из них, остро наточенный красный, сновал взад и вперед по карте.

Начальник отряда вытащил из верхнего ящика стола пачку «Беломора» и стал мять в руках папиросу. Поискал глазами спички. Коробок, конечно, куда-то запропастился. Один из офицеров протянул зажигалку. Полковник прикурил. Поблагодарил взглядом.

Он знал: граница плотно закрыта. Район, где скрывается враг, блокирован. Теперь нужно сжимать кольцо вокруг нарушителей, которым неожиданно удалось выскользнуть из-под наблюдения.

— Итак, товарищи, мое решение,— сказал полковник.— Смотрите карты...

Майор Серебренников тоже склонился над картой. Заозерный на мгновение задержал на нем взгляд: держится молодцом. А ведь только что его сын подвергался смертельной опасности.

— Майора Серебренникова прошу немедленно связаться с райкомом. Пусть поднимут всех,

— Есть!— ответил Серебренников и вышел из кабинета.

— Так...— Папирота у Заозерного погасла. Он увидел за чернильным прибором спичечный коробок. Придвинул к себе.— Начальник штаба, распорядитесь, чтобы командиры поисковых групп докладывали мне обо всем немедленно. Всем рациям настроиться на прием. Пока руководить буду отсюда.

— Слушаюсь!— ответил густой бас.

Зазвонил телефон. Генерал предупреждал, что если не управятся до рассвета, утром вылет самолет. Заозерный понимал: с воздуха легче заметить нарушителей в блокированном районе. Он поблагодарил и повесил трубку.

Поставил коробок на ребро. Придерживая мизинцем, чиркнул спичкой.

И тут к проводам подключился майор Ярцев.

Полковник внимательно выслушал его.

— Что решили?

— Едем к райцентру. Через полкилометра— арык. Не исключено, что нарушители воспользуются им.

— Хорошо,— одобрил полковник.— С засавы окружной дорогой тоже выйдет наряд.

— Ясно!— ответил Ярцев.

Заозерный вызвал к аппарату старшего лейтенанта Пулатова.

— Участок перекрыт?

— Так точно.

— Катер патрулирует?

— Патрулирует, товарищ полковник,

— Вышлите наряд по окружной дороге. Есть предположение, что Горский свернул к районному центру.

— Есть!

И вдруг полковник спросил:

— Как чувствуете себя, Пулатов?

На другом конце провода вздохнули:

— Мне бы его, товарищ полковник, своими руками!..

— Ну, ну, не горячитесь!— Заозерный прекрасно понимал, что творится сейчас в душе молодого офицера.

Позвонил Серебренников:

— Райком действует, товарищ полковник.

— Очень хорошо.

— Поднимаем активистов.

— Хорошо, Владимир Михайлович. А теперь выезжайте к старшему лейтенанту Пулатову. Надо помочь. Подбодрить.

— Есть, товарищ полковник!

Там, на заставе, Серебренникова ждал сын...

Стебеньков охотно предоставил машину в распоряжение пограничников. Рядом с ним в кабине сидел старшина Пологалов. В кузове устроился младший сержант Бегалин.

До районного центра не заметили ничего подозрительного. Развернулись возле широкоэкранного кинотеатра и выехали на окружную дорогу.

Стебеньков прибавил газ.

Впереди зажглись фары. Приближалась встречная машина.

— Стой! — распорядился Пологалов. — Мотор не выключать.

Стебеньков понимающе кивнул.

Старшина встал на дороге. Поднял руку. Бегалин напряженно следил за ним из кузова.

Встречный грузовик затормозил.

Старшина подошел к водителю. Проверил документы. Дал знак Бегалину осмотреть машину.

Грузовик вез пиломатериал. Осмотр его не занял много времени.

— Вы никого не встречали по дороге? — спросил старшина водителя.

— Нет, не встречал.

Еще через несколько минут подъехали к бригадному полевому стану. Под навесом спали колхозники. Напротив, через дорогу, возвышалась насосная станция. Чуть дальше — палатка геологов.

Старшина удивился, заметив рядом с палаткой людей. Он знал, что вот уже несколько дней изыскательные работы велись в другом месте.

«Геологи вернулись, — решил Пологалов. — Проверим».

— Остановитесь, — сказал он Стебенькову и напомнил: — Мотор не выключать!

Пологалов открыл дверцу кабины, окликнул Бегалина.

Четверо возле палатки продолжали спокойно сидеть.

«Стоит ли терять время?» — подумал старшина, взглядываясь в их лица. Один из сидящих закрылся рукой.

«Горский!»— узнал старшина, инстинктивно отклоняясь в сторону.

И в этот миг прозвучал выстрел. Обожгло руку. Другим выстрелом сбило фуражку с Бегалина.

— Ложись!..

Звякнула фара, и стало темно.

Старшина сделал несколько выстрелов наугад.

Бегалин подполз к нему.

— Ракету!— приказал Пологалов.

Сзади хлопнула дверца кабины.

Бегалин достал ракетницу и выстрелил.

Пологалов заметил, как за машину метнулись тени. И вдруг увидел возле себя Стебенькова.

— Вы зачем здесь?

— Ранены, товарищ старшина?— встревоженно спросил Стебеньков.— Сейчас помогу.

— Назад, в машину!— приказал старшина. Но было уже поздно.

Он разрядил обойму вслед набравшей скорость машине. Рука отяжелела, не слушалась. Старшина чувствовал, что промазал. Бегалин разбил стекло в кабине.

— Стреляй по баллонам!— подсказал Пологалов.

Машина скрылась за поворотом.

К пограничникам бежали разбуженные выстрелами колхозники.

Кто-то крикнул:

— Врача!

Старшина приказал Бегалину:

— Еще ракету!

Стебеньков снял тенниску и порвал.

— Зачем?

— Перебинтую!— голос у Стебенькова дрожал. Разве он мог предположить, что всё так получится?

А Бегалин уже протягивал индивидуальный пакет.

«Буйвол» и Василий Васильевич, еще не веря в спасение, лежали на дне кузова. Они только что пережили страшные минуты. Горский словно решил проверить их мужество и заставил открыто сидеть у палатки. Конечно, что еще можно было придумать, если проходили оголенный участок? Так хоть по крайней мере оставалась надежда, что на них не обратят внимания.

Когда выстрелы прекратились, «Буйвол» поднял голову.

— «Зуб»!— окликнул он.

«Зуба» в кузове не было.

«Буйвол» заглянул в кабину. За рулем— Горский.

— «Зуб» влип.

— Для того и брали,— напомнил Василий Васильевич. Опасность придавала ему силы.

«Зуб», подгоняемый страхом, обогнул полевой стан. На небольшой поляне паслись кони. Плохо соображая, он вскочил на одного из них. Ударил в бока каблуками.

Конь понес.

«Зуб» едва успел ухватиться за гриву.

«Пусть несет!— обрадовался он.— Лишь бы подальше отсюда!».

Но конь неожиданно встал.

«Зуб», не удержавшись, перелетел через голову. Сразу вскочил. Кругом было темно. Он пригляделся: конюшня!

«Зуб» бросился к выходу. Ворота запирали.

— Я свой, свой!— истошно закричал он.— Откройте!

— Разберемся, какой ты свой!— раздался за воротами насмешливый голос.

Возле арыка майор Ярцев приказал шоферу остановиться и в это время увидел ракету..

Вскоре Ярцев уже знал, что произошло у палатки геологов.

Один из колхозников показал правой полевого стана:

— Я видел кто-то бежал сюда!

И вдруг откуда-то вынырнул велосипедист:

— В конюшне, в конюшне он!..

— Сейчас выясним,— сказал Ярцев. Но прежде он решил связаться по телефону с отрядом. Слышал, как полковник отдавал распоряжение дежурному:

— Хирурга в машину!

Ждал, что скажет начальник отряда.

— Въезжаю к вам,— сообщил Заозерный.— Возьмите того, что в конюшне.

— Здесь он! — сказал Ярцеву сторож, едва газик остановился.— Вижу, понимаете, скачет. А кто скачет?.. Слышал выстрелы. Кто стрелял?.. Скачет в конюшню... Ну, всё ясно: конь понес...

Стоит перед пограничниками старый колхозник, в стеганом халате. Неловко переми-

нается с ноги на ногу: мол, все ли я сделал как нужно?

И велосипедист уже здесь. Жметя к старику. Парнишке лет четырнадцать.

— Сын? — спрашивает Ярцев.

— Внук.

— Молодец... А теперь прошу отойти в сторону. Водитель гасит фары. Медленно раздвигаются ворота.

За чинарой, метрах в десяти от входа в конюшню, притаился Солибаев с «Амуром».

Начальник заставы скрыт за раздвинувшимися воротами.

Из конюшни неуверенно выходит человек. И тогда водитель снова включает свет, ослепляет его.

— Руки вверх!

«Зуб» послушно выполняет приказание. Он готов на всё, лишь бы облегчить свою участь.

Он стоит бледный, не решаясь пошевелиться.

— Я всё скажу... Всё скажу! — голос заискивающий, визгливый.

А майор Ярцев уже производит обыск.

МИНУТА ЖИЗНИ

... Тогда жили в доме купца Максудова на углу Обсерваторской и Дровяной. Кривая лестница вела в душную, тесную мансарду. Дверь упиралась в сундук и отворялась только наполовину. А еще в мансарде стояла койка с заржавленными пружинами, буфет на низеньких ножках, кушетка с вогнутым брюхом. Все это отец собирался купить в рассрочку, да свалил недуг.

Он лежал на кушетке, возле обклеенного бумагой окошка, и тяжело дышал. Вот так же, на этой кушетке, полгода назад умирала бабушка.

Пятилетнему Володе было страшно. Он затаился в полутемной комнате. Мать сидела у постели отца. Ждали доктора.

Отец мучился. Володе было жалко его и он сказал матери:

— А ты подведи часы.

— Зачем?

— Чтобы доктор скорей пришел.

На другой день отец умер. Когда возвратились с кладбища, мать постелила Володе на кушетке. Он закричал, что она его совсем не любит.

— Почему, милый?

— Потому что все умирают на этой кушетке!..

Странно, почему вдруг перед встречей с сыном вспомнился этот невеселый эпизод из далекого детства?

В первый раз за всё время службы Серебренников торопит Микаеляна.

На заставе встречает Пулатов.

Серебренников ищет глазами сына.

Надрывается телефон.

Пулатов переспрашивает кого-то:

— Где, где?— И бросает коротко:— Ясно!

Серебренников испытующе смотрит на него.

Пулатов взволнованно подходит к макету участка:

— Вот здесь обстрелян автоинспектор!

Серебренников догадывается: Горский ведет свою группу в Оленью балку. Там он бросит машину и попытается перейти границу.

Пулатов тоже понимает это. Нервничает:

— Как быть?

— Немедленно предупредить катер!

Пулатов включает рацию.

Кошевник снимает наушники. Передает Шарапову обстановку.

— Отвечай: есть!— Шарапов разворачивает катер и забирает к берегу.

— А если Горский свернет на пастбища?— в голосе Пулатова растерянность.

— Ничего,— говорит Серебренников.— Район блокирован.

Пулатов сознается: после того, как раскрылся Горский, он не верит даже Людмиле...

Серебренников перебивает резко:

— Все мы проглядели Горского. Вот и расплачиваемся. А Людмила тут ни при чем.

Пулатов опускает голову.

— Ну, я-то ладно... Я всё понимаю... А как Елене сказать, кто такой Горский?

Опять звонит телефон.

Заозерный — у палатки геологов.

— Выезжайте в Оленью балку, майор,— говорит он.— Проработайте след!

Серебренников понимает: отсюда до Оленьей балки минут на тридцать меньше, чем от палатки геологов.

— Тревожных в машину!— приказывает он.

— Есть!— Пулатов называет дежурному фамилии пограничников.

— Бородуля!— слышит Серебренников и думает: хорошо. Давно пришла пора проверить его в настоящем деле.

Он смотрит на часы:

— Две минуты на сборы!

Две минуты. Сто двадцать секунд...

Вот и всё время, которое отводится ему на свидание с сыном.

— Где Юрик?— стараясь сохранить спокойствие, спрашивает он Пулатова.

— В ленинской комнате. Позвать?

— Я сам.

Серебренников быстро идет в ленинскую комнату. Рывком отворяет дверь.

— Юрик!

Он сжимает сына в объятиях. Отталкивает и смеется. И снова прижимает к себе, целует и отталкивает.

— Так вот ты какой!

Юрий тоже улыбается.

— Ну, теперь мы постараемся больше быть вместе!— говорит Серебренников.

— Постараемся.

— Молодец, что приехал...

Серебренников хочет еще что-то сказать. Много сказать. Но часы неумолимо отстукивают секунды.

Серебренников говорит виновато:

— Мне, брат, пора. Ты подожди здесь. Я скоро!— Он смотрит на сына испытующим, долгим взглядом, словно хочет запомнить навсегда.

— Ну жди... А потом — к Витьке, Витька-то, Витька как обрадуется!..

Юрий растерянно смотрит вслед.

Дверь захлопывается.

Юрий слышит: отъезжает машина. Он срывается с места и выбегает во двор.

Никого...

Луна разошлась. Вокруг так светло, что хоть гаси фары.

За Реги-равоном асфальт. А вот и дорога, которую не миновать Горскому.

— Остановитесь!— приказывает Серебренников.

Он оставляет кабину и склоняется над асфальтом. Так и есть. На повороте — следы полторки. Здорово гонит. Еще немного и занесло бы в кювет.

На этот раз Серебренников тоже едет в полторке. Микаелян отвозил на исходный рубеж подразделение пограничников и заехал за ним в райком.

— Прямо!— говорит Серебренников Микаеляну, а сам забирается в кузов. Выигрывая время, на ходу ставит задачу пограничникам.

Сейчас дорога раздвоится. Он поедет дальше. Остальные сойдут здесь и возьмут перекресток под наблюдение. Дорога, описывая круг, пересекает Оленью балку и опять выходит к этому месту. Вправо до Оленьей балки— ближе. Не исключено, что Горский вернется сюда другой дорогой и попытается свернуть на пастбища. Стрелять по баллонам. Старший наряда — Бородуля.

— Есть!

Серебренников стучит по кабине.

Микаелян останавливает машину. Пограничники слезают. Бородуля почти сразу докладывает:

— Машина свернула вправо.

— Хорошо, — отвечает Серебренников и снова стучит по кабине:— Поехали вправо!

Бородуля стоит на дороге. На мгновение луна освещает его сосредоточенное лицо.

«Как знать,—думает Серебренников,—может быть, сейчас наступает та минута в жизни Бородули, о которой мы как-то говорили»...

Горский бросил машину и скрылся в камышовых зарослях. Это произошло так неожиданно, что «Буйвол» и Василий Васильевич потеряли его из виду.

«Буйвол» пробирался сквозь камыши, с трудом сдерживая ярость. Ориентировался на

едва слышное похрустывание стеблей под ногами Горского.

Василий Васильевич старался не отставать. Похрустывание прекратилось.

«Буйвол» остановился.

Тихо.

«Неужели ушел?»

Забыв об осторожности, «Буйвол» ринулся вперед. Кто-то дернул его за ногу. Падая, «Буйвол» выхватил пистолет.

— Лежи!

«Буйвол» узнал Горского.

Камыши поределели. До реки было рукой подать.

«Разделаюсь с Горским!» — подумал «Буйвол».

— Смотри!

«Буйвол» взглянул в ту сторону, куда показывал Горский, и увидел катер.

Горский хорошо знал Шарапова и Кошеvníка. От таких ребят не уйти!..

А катер застопорил мотор. Сигналит прожектором. Точка. Тире. Точка. Тире.

Заметили!

Горский ползет назад. «Буйвол» и Василий Васильевич — за ним.

Снова бежит полуторка по залитой лунным светом дороге. Горский мучительно думает: куда теперь?

Бородуля стоит на перекрестке. Хуже места не выберешь: кругом голо и светло.

— Двадцать метров вперед! — говорит он младшему наряду. — Окопаться и ждать. Без моего сигнала не стрелять.

Бородуля вспарывает песок саперной лопаткой. Будто на учении: спокойно, размеренно. И вдруг останавливается на взмахе.

По дальней дороге из Оленьей балки возвращается грузовик. Фары погашены, и его выдает лишь напряженная работа двигателя.

Бородуля смотрит в ту сторону, откуда вот-вот покажется машина.

Там, возле балки, звёзды ярче. Они круто забирают вниз. У Бородули пересыхает в горле. А где-то, не очень далеко, торжествует река-граница:

— Бой-ишься ты, бой-ишься ты!..

Конечно, она помнит, как Бородуля первый раз шел в наряд. И звезды снижались, давили на него. И он не мог найти Большую Медведицу. И ноги наливались свинцом от страха. И он чуть не застрелил поверяющих — тоже от страха. И снова ходил на границу, и боялся реки, камышей, звезд — всего боялся!..

Но, конечно, знает она и кое-что другое про Бородулю. И первую пулю в мишени. И первую благодарность командира отделения. И запомнившуюся на всю жизнь беседу о солдатской храбрости. И случай в районном центре по дороге на почту, тоже запомнившийся на всю жизнь. И как после командования новобранцами впервые захотелось ответить: «Есть!» И глухую ночь в наряде, когда засекли самолет...

Ни о чем этом сейчас не думает Бородуля. Ему просто некогда думать. Он видит кусочек звездного неба. И звезды — его союзники. Как хорошо, что они есть! Неподвижные.

Каждая на своем месте. Значит всё в порядке!.. И волноваться нечего...

Грузовик приближается. Вот он вынырнул из-за поворота — черный и быстрый, как хищная птица.

«Если лежать неподвижно, могут не заметить!».

Откуда вдруг эта мысль? Бородуля гонит ее и ложится удобней. Прижимается щекой к карабину.

Сейчас машина поравняется с другим пограничником.

Двадцать метров до Бородули...

Пятнадцать...

Он делает предупредительный выстрел. Трассирующая пуля пересекает путь грузовику.

Неизвестный шофер увеличивает скорость. Из кузова отвечают залпом.

Пули зарываются в песок рядом с Бородулей.

Он метит в баллоны и радуется попаданию.

Словно подстрелянный зверь, грузовик из последних сил сворачивает на дорогу к пастбищам.

И в это время Бородуля видит другую машину, с зажженными фарами.

Он вскакивает. Ракетой показывает направление, в котором скрылись нарушители. Машина берет влево: сокращает расстояние. Сейчас перевалит барханы и настигнет их.

— За мной! — Бородуля тоже бежит по дороге к пастбищам...

Серебренников держится за кабину. Полуторку бросает из стороны в сторону. Она лезет вверх и, кажется, вот-вот оторвется от земли.

Спуск начинается неожиданно. Машина стремительно идет под уклон...

Снова под колесами ровная дорога. Впереди расплющенный неровный след от баллонов.

«Молодец, Бородуля!»— думает Серебренников.

Барханы отступают. Микаелян, не сбавляя скорости, делает крутой разворот.

Сейчас покажется кошара, пустая в это время года. За кошарой дорога раздвоится и снова уйдет к барханам. Каждая из этих дорог в свою очередь раздвоится. И те, дальние дороги, тоже раздвоятся... Потом навстречу им встанут горы.

Враг решил уйти в горы.

— Стой!— Серебренников стучит по кабине. Брошенная Горским полуторка проломила дувал.

Микаелян выжимает педаль тормоза.

И сразу развалины захлебываются выстрелами.

Осколки ветрового стекла впиваются в глаз.

«Очки!— с опозданием вспоминает Микаелян.— Почему я не надел очки!»...

Серебренников прыгает вправо. Падает за передний баллон. Пальцы плотно обхватывают пистолет.

Как всегда в минуты боя, приходит удивительное спокойствие.

Главное — выждать.

За дувалом тоже молчат.

Луна помогает Серебренникову. Он отчетливо видит пролом в глинобитной стене.

Горский, конечно, попытается завладеть машиной. Иначе ему не уйти.

Так и есть. В проломе показывается фуражка.

Серебренников поднимает руку. Пистолетное дуло нацелено под козырек. Но зря Горский ждет выстрела.

И тогда из развалин выбирается человек. Пригибаясь бежит к машине.

Серебренников стреляет в него, почти не целясь.

Снова развалины захлебываются огненными вспышками. Теперь майор прижат к земле. И вдруг справа тоже свистит пуля. Серебренников догадывается: его обходят.

Он чуть поворачивает голову и замечает ползущую к машине черную фигуру.

Из развалин продолжают стрелять, не дают Серебренникову изменить положение.

Тогда он бьет по развалинам.

За дувалом смолкают.

Серебренников резко поворачивается к тому, что справа (он уже совсем близко!), и старательно целится: хочет выбить пистолет из

рук нарушителя. Но в это время слышит рядом, со стороны развалин, угрожающий шорох.

Серебренников успевает нажать курок и видит, как фигура справа обмякает.

Сразу майор оборачивается: на него смотрят ненавидящие глаза капитана «Медузы».

Серебренников понимает, что произошло. Горский затаился в развалинах и, воспользовавшись его дуэлью с одним из бандитов, подбежал к машине.

Серебренников не успевает снова поднять пистолет.

Горский стреляет в упор и скрывается за баллоном.

Майор прижимает руку к груди, будто это может остановить кровь.

«С Микаеляном случилась беда,— проносится мысль,— иначе бы он давно пришел на помощь!»

Время отсчитывает секунды. И чем больше

пройдет секунд, тем легче будет Горскому разделаться с Серебренниковым.

Сейчас оба затаились за баллонами. Каждый за своим.

А время идет.

Что будет, когда иссякнут силы? Сколько еще может продержаться Серебренников? Минуту? Две?.. Конечно, и эта минута имеет большое значение. Нельзя дать Горскому уйти. Но как это сделать?

Пожалуй, решение может быть только одно: обмануть Горского, притвориться убитым. Пусть он расстанется со своим укрытием. На мгновение — больше не нужно...

А если прежде чем открыться, Горский выстрелит?.. Значит, конец... Но ведь другого выхода нет!.. И какой-то внутренний голос приказывает: не медли!

Серебренников падает навзничь, откидывая руку с пистолетом в сторону.

Горский видит залитого кровью майора. Готов! Губы растягиваются в усмешке. Он высовывается из-за баллона, и сразу слепит выстрел...

Последним напряжением сил Серебренников подползает к Горскому. Дышит!

«Ну хорошо!» — думает майор. Он хочет подняться, но силы окончательно оставляют, и почему-то кажется, что кладут на кушетку. На ту самую кушетку, возле обклеенного окошка, где умирал отец.

«Не хочу, не хочу!»

«А ты подведи часы».

«Зачем?»

«Чтобы доктор скорей пришел»...

И кто-то подхватывает его слова?

— Скорей, доктор!

Серебренников с трудом открывает глаза. Видит склонившегося над ним полковника Заозерного.

Рассвет наступает рано. Это Серебренников знает. Обычно тихо бывает в предрассветный час. А у него разламывается голова от страшного шума. Он приподнимается на локте.

— Лежите!— говорит кто-то рядом.— Вам надо лежать.

И тогда он понимает, что летит в самолете. В том самом самолете, наверно, который обещал послать генерал.

Становится плохо.

— Кислород!— говорят где-то очень далеко.

Он снова приходит в чувство.

Пахнет резиной. Просит:

— Уберите эту калошу!— И опять забытье.

Не считаясь с правилами уличного движения, карета скорой помощи мчится на красный свет. И все машины расступаются, дают ей дорогу...

Серебренникова вносят в операционную.

Он слышит голос полковника Заозерного:

— Кто оперирует?

— Профессор Гаджиев.

Серебренников не знает Гаджиева. Но по чему-то становится спокойно.

Заозерный звонит в отряд!

— Перебита ключица и правое верхнее ребро. Задеты легкие. Потерял много крови. Боятся заражения... Нине Терентьевне пока ничего не говорите...

Почему так медленно тянется время?..

Наконец кто-то выходит из операционной. Невысокий, плотный человек. Расстегивает и застегивает пуговицы на больничном халате.

Профессор!

Человек в халате подходит к окну. Стоит усталый, расслабленный. И вдруг жмурится от яркого солнца.

Заозерный облегченно вздыхает.

«Медуза» стоит под разгрузкой в Фирюзеваре. Всё здесь как будто обычно. Одевается в бетон новый пирс. Подъезжают к причалу краснобокие грузовики. Неторопливо водит носом башенный кран. Стреляют огненными вспышками иллюминаторы врезавшегося в песчаную отмель дебаркадера. Подхватывает их отражение река.

Но если приглядеться, в порту можно заметить и кое-что новое. Скрыта за штабелями ящиков машина. Раньше она здесь никогда не появлялась, а в порт пришла ночью.

Рядом — высокий человек. У него серые глаза. Каштановые волосы. Он беспокойно поглядывает на часы. Никто к нему не подходит, и человек хмурится.

Потом он слышит густой бас «Медузы». Видит, как буксир спускается по реке. Откуда-то на полном ходу вылетает пограничный катер.

Ночью неизвестный покидает Фирюзевар. Он еще попытается перейти границу. Но где и когда?..

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

М. Левин (Левин Минель Иосифович) родился в 1925 году в Мурманске в семье врача. 17-летним юношей ушел добровольцем в армию. Много лет служил в пограничных войсках, начинал рядовым, а закончил офицером, редактором газеты. Тогда же появились первые его рассказы и стихи, посвященные пограничникам. После демобилизации работал в редакциях республиканских газет и радио. Редактировал альманах «Литературный Таджикистан». Заочно окончил исторический факультет Душанбинского педагогического института им. Т. Г. Шевченко.

Очерки и рассказы М. Левина печатались в журналах «Советский воин», «Пограничник», «Шарки сурх», в альманахах «Литературный Таджикистан», «Киргизстан» и ряде сборников. К декаде таджикской литературы и искусства в Москве (1957 г.) отдельной книгой вышла в свет повесть М. Левина «По запутанному следу», одобрительно встреченная критикой.

«Пароль остается прежним» — второе крупное произведение автора. Многие из героев его невыдуманы.

Перу М. Левина принадлежат также переводы произведений таджикских и киргизских писателей, в том числе лауреата Ленинской премии М. Турсун-заде, Дж. Икрами, А. Сидки, К. Акаева, М. Токомбаева и других. Наиболее крупная переводческая работа — повесть Ф. Мухаммадиева «Взрыв, которого не было», опубликованная в альманахе «Литературный Таджикистан».

М. Левин — член Союза писателей СССР. Имеет несколько правительственных наград.

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна пограничной реки.	3
Майор Серебrenников	10
Утро.	15
«Медуза» приходит в порт.	25
Совпадения.	30
Солдату надо служить	36
У Ярцева портится настроение	42
В Чистых водах	50
О людях хороших и разных	58
«Амур» выручает друга	68
Истат показывает характер.	77
Дефицитный товар.	89
Звезды.	100
ЧП.	108
Тревога.	115
Шампанское иа счастье.	122
След обрывается	126
Верить или не верить	136
Чужой.	144
Мухаммедов раскрывается	150
Застава не спит	160
Особое мнение	165
Руки пианиста.	177
О приемных отцах	190
Под старой чинарой.	200
Телеграмма не по адресу.	204
Из ненаписанного дневника	208
Кто такой Ушаковский.	217
Еще странички из дневника	225

Вторая телеграмма.	233
Опять звезды	243
Смелыми не рождаются	249
В ресторане «Бахор»	263
Под чужой фамилией.	270
Молодец, Бородуля	275
Истат отвечает стихами.	279
Бородуля и новобранцы	282
Капитан «Медузы».	292
Преображение Ганса Траубе.	296
«За ваше здоровье...»	304
Встреча в Ходженте	312
Услуга	323
Вниманье, воздух.	330
Новое задание.	337
Ошибка.	346
Что делать.	357
Договоренность.	362
Важные сообщения	369
В Захмат-али	376
Странные пассажиры	385
Граница в нескольких шагах.	397
Минута жизни.	407
Биографическая справка	422

Левин Минель Иосифович
ПАРОЛЬ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНИМ

Редактор *Т. Голицы*
Художник *К. Туренко*

Художеств. редактор *Л. Винников*
Технич. редактор *И. Полтораки*

Сдано в набор 1/XI-1961 г. Печатается с матриц 3/VIII-1963 г.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Печатных листов 13,375 (21,9). Учетно-издат. лист. 15,03. Тираж 150000 (четвертый завод 125000 - 150000).
Цена 55 коп. КЛ 03604. Заказ 1312.

Душанбе, Полиграфкомбинат Министерства культуры
Таджикской ССР

25 км.

УЛЖИГДСКЭДЭТ